

НИКОЛЬ
ДЖОРДАН

L'Amant de
Jordan

Николь Джордан

Повелитель соблазна

Серия «Рай», книга 1

OCR Roland; SpellCheck SAD
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158868
Повелитель соблазна: АСТ; Москва; 2007
ISBN 5-17-042453-1

Аннотация

Юная Каро Иверс, выросшая на солнечном средиземноморском островке Кирена, с первого взгляда полюбила блестящего английского офицера Макса Лейтона, приехавшего на Кирену, чтобы залечить раны после войны с Наполеоном.

Однако судьба подарила ей лишь одну прекрасную ночь любви, а потом наступили годы разлуки...

Теперь Макс решил вернуться на остров и любой ценой отыскать единственную женщину, которую так и не сумел забыть

Почему же Каро не желает этой встречи и бежит от того, кого по-прежнему любит со всей силой истинной страсти?..

Содержание

Пролог	4
Глава 1	34
Глава 2	60
Глава 3	84
Глава 4	107
Глава 5	139
Глава 6	175
Глава 7	198
Глава 8	212
Глава 9	230
Глава 10	257
Глава 11	272
Глава 12	297
Глава 13	311
Глава 14	326
Глава 15	350
Глава 16	366
Глава 17	386
Глава 18	396
Глава 19	419
Глава 20	436
Глава 21	452
Эпилог	467

Николь Джордан

Повелитель соблазна

Пролог

Остров Кирена

Август 1813 года

Руины в лунном свете казались развалинами волшебного замка. Небольшие серебристые бассейны, чуть колеблясь, переливались таинственными зеркалами среди ночных теней, питаемые горячим источником, неторопливо ниспадающим каскадом по выбитым в граните ступенькам террасы – древним остаткам римской бани. И все же поразительное зрелище на этот раз не успокоило Каро Иверс. Наоборот, напряжение, подогретое досадой и нетерпением, только усиливалось по мере того, как она подъезжала ближе.

Остановившись у подножия террасы, Каро соскользнула со спины своей покладистой кобылы. За восточным гребнем скалы простиралось сверкающее Средиземное море, спокойное и безмятежное под ярким диском луны. Пейзаж был поистине великолепным, поражающим воображение даже здесь, на острове, известном своей необычайной красотой. Но сегодня эти тишина и спокойствие, казалось, резко противоречили ее тревожному состоянию.

Она нервничала, как семнадцатилетняя девушка, сбежавшая на тайное свидание к возлюбленному. Что, разумеется, было, совершенной чепухой. Майор вовсе не ее любовник, какие бы дурацкие фантазии ни рисовало разгулявшееся воображение. Она вообще сомневалась, что он придет.

Не зная, чем занять руки, Каро нагнулась, сорвала цветок хрупкой белой орхидеи, после чего оставила лошадь пастись среди травы и папоротников, растущих в трещинах между камнями, а сама направилась к баням. Свежий соленый ветерок теребил ее муслиновые юбки, принося запах жимолости, вьющейся по древним развалинам, и сосны, которой поросли склоны гор. Хотя ночь была в самом разгаре, булыжники под ее босыми пятками все еще хранили тепло летнего солнца. Каро стала взбираться по высеченным в скале ступенькам, служившим людям целую тысячу лет.

Когда она проходила под высокой аркой портала, сердце дрогнуло и куда-то покатилося. Над ее головой, у обнесенной перилами стены, стоял человек, глядя вдаль, на безбрежное, пересеченное серебристой лунной дорожкой море.

Майор Максвелл Лейтон.

Она узнала его сразу же, хотя встретила впервые всего три дня назад. Не многие жители острова были так же высоки, широкоплечи и мускулисты и обладали столь властной осанкой. И ничей взгляд не действовал на нее сильнее, чем вызывающий взор этих синих глаз.

С самого прибытия майора на остров с миссией милосер-

дия она проводила с ним почти все время, сражаясь в отчаянной битве за жизнь умирающего.

Но сегодня он пришел, с облегчением отметила Каро. Наверняка собрался искупаться. Он уже снял сапоги и короткий голубой гусарский мундир, оставшись в бриджах и белой сорочке.

Выпрямившись, он неожиданно оглянулся, и она вдруг застеснялась своего вида: истрепанные юбки старого, поношенного платья колыхались вокруг голых ног, каштановые кудри рассыпались по плечам густой буйной гривой. Прикусив губу, Каро старалась не выдать своего смущения. Но по щекам полз предательский румянец.

– Не жалеете, что я вторгся в ваше убежище? – тихо спросил он.

«Не знаю... может, и жалею...»

Она часто приходила к римским развалинам искупаться в бассейнах, особенно когда еле волочила ноги и с трудом двигалась после очередного тренировочного поединка на шпагах. И крайне редко позволяла кому-то нарушать свое одиночество. Но после нескольких изнурительных дней ухода за больным майор тоже нуждался в покое и красоте руин, чтобы снять усталость. Нуждался в целебном воздействии чудотворных вод. Как и она сама.

– Я не считаю ваше присутствие вторжением, – искренне ответила она. – Кроме того, я сама просила вас прийти.

Каро, взобравшись наверх, встала рядом с ним у осыпаю-

щейся каменной стены. Сердце билось все быстрее просто от его близости.

Поразительно, как ее тело отзывается на него! Она никогда не испытывала столь примитивной реакции на мужчину. Правда, в легендах говорилось, что остров Кирена обладает мистической способностью возбуждать любовь и обольщать чувства, но до сих пор она считала себя неподвластной чарам. Да, ничего не скажешь, Максвелл Лейтон – поразительно красивый мужчина, таких ей редко приходилось встречать: темно-синие глаза, точеные черты лица и волосы цвета воронова крыла. Но среди ее знакомых мужчин были и те, которых по праву можно считать неотразимыми. И поклонников у нее было немало.

Однако эти поклонники крайне редко возбуждали в ней столь сильные чувства. Вот уже три дня Каро пыталась подавить неистовое влечение к майору Лейтону, а заодно и сентиментальные эмоции, столь для нее нехарактерные.

И больше всего тревожили жар и страсть в его глазах: одним взглядом он пробуждал в ее крови безумные желания, от которых перехватывало горло.

Усилием воли, вынуждая себя успокоиться, Каро пристально всмотрелась в сверкающую даль моря и вслушалась в тихий шепот волн далеко внизу, набегавших на берег вечным неустанным прибоем.

– Надеюсь, Йейтс спокойно спит? – прервала она, наконец, молчание.

– Да, слава Богу, – кивнул майор. – Впервые за много недель он обрел некое подобие покоя.

Лейтенант Джон Йейтс потерял ногу в Испании во время последнего ожесточенного сражения с наполеоновскими войсками, и рана никак не заживала. Бедняга слабел день ото дня, метался в жару и умолял командира отвезти его домой на остров. Но во время путешествия открытая рана загноилась.

Не в силах покинуть умирающего лейтенанта, майор Лейтон отказался уехать, ожидая конца, который, к счастью, так и не настал. Состояние молодого человека, каким-то чудом улучшилось сегодня утром; лихорадка спала, и врач объявил, что все, возможно, обойдется.

– Я невыразимо благодарен вам, – пробормотал майор. – Именно вы спасли жизнь Йейтсу.

– О, вовсе не я, – скромно покачала головой Каро. – Доктор Алленби – превосходный врач, а я всего лишь помогла.

– Но именно вы сутками сидели у его постели.

Она действительно преданно ухаживала за лейтенантом, потому что у местного доктора было очень много пациентов. Но и майор Лейтон сыграл в выздоровлении Йейтса жизненно важную роль: подменял ее при необходимости, послушно и без жалоб выполняя любую самую грязную работу, придерживал метавшегося в бреду лейтенанта, пока она накладывала на рану мази и бальзамы, вливала в его горло омерзительно вонючие зелья и накладывала холодные компрессы

на его горящий лоб.

– Йейтс жив, – настаивал Лейтон, – потому что вы не дали ему умереть. Думаю, что его спасла исключительно ваша сила воли.

Каро чувствовала себя польщенной его похвалой.

– Что же... я славлюсь своим упрямством.

Лейтон ответил легкой улыбкой. Она никогда не видела, как он улыбается, и у нее от восторга сжалось сердце. Все же ее влекла к нему не столько его истинно мужская привлекательность, сколько неподдельная тревога Лейтона за раненого подчиненного.

Во время долгих мрачных часов их тяжелого испытания они стали ближе друг другу. Теперь их трудно было назвать чужими людьми: слишком многое пришлось испытать вместе: страх, отчаяние, надежду и, наконец, бесконечное облегчение. Отвоеванная победа стала почти неразрывной связью между ними.

И поэтому она так сильно жалела, что завтра он уезжает.

– Думаю, вы чересчур меня превозносите, – покачала головой Каро. – Если верить Джону, именно вы спасли его жизнь, отведя сабельный удар.

– И все же его вообще не ранили бы, не заслони он меня собой. Я в огромном долгу перед ним. И перед вами тоже, – вырвалось у него с такой силой, что Каро невольно повернула голову. И увидела, как пристально смотрит на нее майор. Темно-синие глаза под густыми ресницами пристально изу-

чали ее. Внезапный жар разлился по телу Каро, жадно пер-
вобытный и откровенно чувственный.

Она поспешно отвела взгляд. Подобные желания – просто
глупость. Весьма сомнительно, что она способна привлечь
этого божественного красавца. Разумеется, она неплоха со-
бой, но вряд ли после проведенных вместе дней он посчита-
ет ее достойной своего внимания.

Трудно его за это осуждать. Хорошо воспитанные благо-
родные леди не имеют дела с гноем, кровью и умирающи-
ми и находят другие, более женственные занятия, чем assi-
стировать местному доктору при хирургических операциях
и лечении мужчин, не находящихся с ней в родстве. Ни одна
леди не колесит по всей Европе с опасными заданиями и уж
тем более не пускает в ход оружие, защищая правое дело в
попытке искоренить зло и тиранию.

Но она не похожа на большинство хорошо воспитанных
благородных леди. Ее природный дар исцеления словно про-
вел невидимую границу между ней и обществом, а тайное
призвание окончательно поставило ее в положение отвер-
женной. Она была «хранителем», членом тайного общества
защитников, поклявшихся следовать древним идеалам, ко-
торые в незапамятные времена исповедовал легендарный
вождь.

Но вряд ли стоит обсуждать свою карьеру с чужаком, а тем
более с майором Лейтоном, который завтра покинет Кирену
и, скорее всего никогда не вернется.

При мысли об этом тоска еще сильнее обуяла Каро. Ясно одно: она никогда его не забудет... хотя всей душой противилась этому.

Максвелл Лейтон заставил ее мечтать о вещах, которые, как она долго убеждала себя, ей не нужны и не важны. В зрелом двадцатичетырехлетнем возрасте она добровольно отказалась от всего, что считалось важным для женщины: брак, дети, муж... даже любовники.

Любовники...

Грудь Каро стиснуло болью...

Может, в самых безумных фантазиях она и грезила о том, каково это – испытать физическую любовь мужчины, но майор вряд ли изберет ее своей возлюбленной. После долгого совместного сражения за жизнь лейтенанта он скорее считал ее товарищем по оружию, чем предметом желания.

– Вы по-прежнему будете ухаживать за Йейтсом? – взволнованно спросил он.

– Разумеется, – вздохнула она. – Не стоит беспокоиться, майор. Теперь он вне опасности и со временем окончательно излечится.

– Но навсегда останется калекой.

Лейтон закрыл глаза и слегка вздрогнул.

Ей казалось понятным его отчаяние. Он чувствовал себя ответственным за самопожертвование лейтенанта. И очевидно, сам страдал от ужасных последствий войны. Правда, он не был ранен, как его подчиненный. Но после восьмилетней

службы в кавалерии невидимые раны наверняка кровоточили до сих пор. Его эмоциональная боль была ощутимой. Во время их ночных бдений у ложа умирающего она видела его измученные глаза. Понимала, с какими душевными демонами ему приходится бороться. Закаленный в битвах солдат, уставший от смерти и разрушений.

Она хотела помочь ему, хоть как-то утешить, но не представляла, что делать. Это не физическая рана, которую можно исцелить настоями и мазями.

– Лейтенант говорит, что вы герой, – выдохнула она, наконец.

Лейтон презрительно фыркнул.

– Ах, если бы вы только знали! – буркнул он, брезгливо оглядывая свои руки, словно они все еще были запятнаны кровью. – Вы целительница, а я только и могу, что отнимать жизни. И я боюсь даже вспомнить тех бесчисленных бедняг, которые воевали и погибли под моим командованием. Или... друзей, которых я потерял.

– Лучше подумайте о бесчисленных жизнях, которые вы спасли!

– В этом-то и весь ужас, – мрачно пробормотал г он. – Я не смог их спасти.

Сердце снова пронзила игла боли. Ему не нужно объяснять свои чувства. Он считал, что виноват перед погибшими хотя бы уже потому, что выжил.

Она сама, как целительница, временами вела такие же

битвы, пытаясь бросить вызов старухе с косой. И слишком часто оказывалась побежденной.

– Нельзя обвинять себя в безумствах войн, майор, – тихо заметила Каро, мягко кладя руку ему на плечо. – Каждый из нас может всего лишь пытаться исполнить свой долг. Поверьте, необходимо необычайное мужество, чтобы, как вы, день за днем видеть смерть лицом к лицу. Но я и все наши соотечественники искренне благодарны вам и другим отважным людям вроде вас, которые пытаются спасти мир от узурпатора.

Майор долго молчал. Просто смотрел на нее, словно стараясь запечатлеть в памяти черты ее лица. Глаза казались темными и бездонными, как сама ночь.

– Ангел милосердия, – выговорил он, наконец. – Вы всегда стараетесь утешить полужнакомых людей?

Каро снова залилась краской.

– Кажется, да. Как вы сказали, я целительница. И не могу видеть чужих страданий.

– Вам кажется, что я страдаю?

– А разве нет? – тихо спросила она. Лейтон хрипло рассмеялся:

– Вы чертовски проницательны.

Стараясь сменить тему разговора и отвлечь его внимание от своей персоны, она ответила вопросом:

– Вам обязательно нужно ехать завтра? Может, вы согласитесь еще немного побыть на Кирене?

– Признаю, мысль весьма соблазнительная, – кивнул он, поворачивая голову сначала налево, где к северу от острова лежала Франция, а потом направо, в сторону Испании, где тянулась бесконечная кровавая война на Пиренейском полуострове.

– Я совсем не рвусь обратно, в эту жестокую бойню. Не могу спокойно наблюдать, как мои люди становятся пушечным мясом, – объяснил он и, покачав головой, добавил: – Но они во мне нуждаются. Я не могу их предать.

– Но немного отдыха вам не помешает. Пока лейтенант был в критическом состоянии, вы не имели ни малейшей возможности насладиться миром и покоем нашего маленького острова. Уверяю, это настоящий бальзам для души.

– Хотите сказать, что ваш остров пронизан некоей особой магией?

– Никакой магии. Но солнце, свежий воздух и море обладают способностью исцелять израненные души. Согласно древней легенде, сам Аполлон зачаровал его, чтобы создать рай для влюбленных.

– Я никогда не верил в существование такой вещи, как чары.

– Я тоже, – согласилась Каро.

Но чары или нет, а Кирена – настоящая обитель красоты, где море отликает лазурью, склоны гор залиты солнцем, а под голубым небом золотятся долины. Остров и, правда имел силу успокаивать измученные нервы, излечивать горькие ду-

шевные раны и даже глубочайшую скорбь. Поэтому Каро и попросила майора прийти сегодня к римским развалинам.

Лейтон оглядел живописные руины и сверкающие, расположенные на разных уровнях бассейны.

– В этом месте действительно должно царить волшебство.

Его тревожащий взгляд снова устремился на нее. Последовало долгое молчание.

И тут он медленно протянул руку, приподнял ее волосы и нежно обхватил ладонью затылок. Каро задохнулась, когда он уставился на ее губы, припустив длинные густые ресницы. Сердце бешено заколотилось. Ни один мужчина еще не смотрел на нее вот так... с желанием. Неужели он действительно может ее желать?

– Майор Лейтон...

– Меня зовут Макс.

Ей показалось, что он вознамерился поцеловать ее, но вместо этого он накрыл ее руку своей, нечаянно раздавив зажатый в пальцах цветок орхидеи. Осторожно взял у нее смятый цветок и поднес к ее щеке, проведя нежными лепестками по губам.

Каро стояла, не в силах пошевелиться. Могла только смотреть на него.

– Я нуждаюсь в исцелении, милая Каро. Ты можешь излечить меня?

Ее сердце, казалось, вот-вот разорвется. Похоже, он просит чего-то большего, чем простое утешение. А она страстно

хотела дать ему это утешение...

Он неожиданно вздрогнул, словно просыпаясь, и, пробормотав ругательство, поспешно отступил.

– Простите. Я пришел сюда не для того, чтобы обольстить вас.

Каро почему-то стало грустно и одиноко. Одно его прикосновение до глубины души потрясло ее. Может, Лейтон действительно хотел поцеловать ее, но вспомнил, что он офицер и джентльмен. Благородный человек не захочет воспользоваться уединением.

«Но что, если я хочу этого обольщения?» – Непрошенная мысль застала ее врасплох.

– Мой приход сюда был ошибкой, – тихо признался он, пытаясь отвернуться.

Каро с тревогой воззрилась на него.

– Нет! Пожалуйста, не уходите! – вырвалось у нее. Невыносимо думать, что он оставит ее и уйдет! – Вы даже не искупались! И я обещала показать вам приемы массажа!

– Но я не хотел бы затруднять вас.

– О, что вы, я буду только рада. И вам необходим массаж, майор, вы сами это знаете.

Должно быть, он расслышал мольбу в ее голосе, но все же нерешительно пробормотал:

– Наверное, это не слишком удобно.

Каро, стараясь казаться спокойной, с притворной строгостью объявила:

– У меня куда больше опыта в медицине, чем у вас, майор. Вам необходимо последовать моему совету.

Тени в его глазах словно растворились, и их место заняли веселые искорки.

– А иначе что будет? Вы силой заставите меня покориться, как в свое время беднягу Йейтса?

– Совершенно верно. У меня много способов справляться с капризными пациентами, и при необходимости я без колебаний воспользуюсь ими.

– Ваши угрозы звучат поистине устрашающе. Ладно. Так и быть.

Он стянул сорочку и бросил у каменной ограды. Пульс Каро немедленно участился, стоило ей увидеть его мощный, перевитый мышцами торс.

– В каком бассейне я помещусь?

– Вон тот, в середине, – самый глубокий и самый теплый. Там приятнее всего, несмотря на то что ночь отнюдь не дышит прохладой.

– Намереваетесь присоединиться ко мне? Ее колебание длилось всего краткий миг.

– Да. Массаж более эффективен в сочетании с горячей водой.

Он картинно пожал плечами и принялся разминать их, словно пытаясь облегчить боль.

– Я отдал бы год жизни, если бы вы сумели хоть ненадолго облегчить мои недуги. – Повернувшись, он направился

к среднему бассейну. – Вы говорили, что доктор Алленби иногда использует методы восточных целителей. Этот массаж – часть восточной философии? Вы постоянно массировали конечности Йейтса, чтобы обеспечить приток крови и облегчить боль.

– Да, – кивнула Каро. – Восточная медицина во многом полагается на исцеляющую силу прикосновения.

Майор без дальнейших слов снял бриджи.

Она изучала анатомию человека. Множество раз видела обнаженных мужчин. Но все это были либо трупы, либо больные или искалеченные пациенты. А в этом человеке не было ничего хилого или болезненного. Он походил на греческого бога: длинноногий и идеально сложенный. Все его тело дышало дикой, примитивной красотой. Серебристый свет подчеркивал каждую бугристую мышцу его широких плеч, могучей спины, узкой талии, тугих ягодиц, мускулистых бедер наездника...

И она снова потеряла способность мыслить, пораженная его великолепной наготой. И вдруг поняла, что он, вероятнее всего, считает ее опытной женщиной, имевшей немало любовников. Женщина, избравшая столь необычное призвание, по его мнению, должна разбираться в мужчинах и тонкостях любовных игр. В армии единственными женщинами, помогавшими докторам лечить раненых, были обозные потаскухи.

Он опустил в воду. Дно бассейна было покатым, как в

шезлонге, и он лег на спину, так что вода доходила до середины груди. На секунду, прикрыв глаза, он блаженно вздохнул, когда горячая вода омыла его.

– Вы были правы, – пробормотал он. – Это рай. Последовавшее за этим молчание возымело неприятное воздействие на Каро. Напряжение вернулось с новой силой.

Теперь она понимала, что просто не способна оставаться профессионально безразличной к Максу Лейтону, как к любому другому пациенту. Как ей могло прийти в голову, что она сможет относиться к нему, как ко всем остальным?!

– Вы идете?

Она осознала, что он ждет ее. Наблюдает.

И Каро вдруг словно громом поразило. Все это время она лгала себе! Воображала, что убедила его прийти сюда из чистого сострадания. Только потому, что ему было плохо, а она никогда не могла отвернуться от чужих страданий.

Но не надеялась ли она втайне на нечто большее?

Она слышала, как стук ее сердца почти заглушает тихий звон цикад в теплой ночи, и гадала, успел ли майор заметить ее смятение.

Неужели это и есть ее шанс наконец-то удовлетворить свои безумные желания, лихорадочные фантазии? Много долгих лет она держала их в узде, решив прожить жизнь без страсти, остаться старой девой по собственному желанию. Но сегодня это может измениться...

– Каро?

На этот зов она откликнулась, словно притягиваемая неодолимой силой. Помедлила на краю бассейна и после минутного колебания позволила платью упасть у своих ног.

Стоило ей войти в воду, как батистовая рубашка вздулась пузырем вокруг бедер. Тепло ласкало ее тело, пока она шла к нему. Но жар во взгляде Лейтона вызвал озноб предвкушения. Раскрасневшаяся и разом ослабевшая, она вся дрожала.

К тому времени, как они оказались рядом, у Каро голова шла кругом, и все же она старалась не выдать себя и говорить ровно и тихо:

– Повернитесь спиной.

Он оттолкнулся от стены и послушно выполнил приказ. Встав на колени позади него, Каро подняла руки и осторожно положила пальцы на его плечи. Даже при первом прикосновении чувствовалась невероятная напряженность мышц.

– Закройте глаза, – мягко приказала она, принимаясь массировать легкими движениями, выводя кончиками пальцев крошечные кружки. Плоть под его кожей была тверда, как дерево, шейные сухожилия натянуты подобно тетиве лука. Его тело представляло собой один огромный узел: вне всякого сомнения, следствие невероятных физических усилий и стараний держать в душе тяжкие переживания и мрачные эмоции.

– Попробуйте расслабиться и почувствовать мое прикосновение, – пробормотала Каро. – Позвольте теплу вас успокоить.

Он с громким вздохом капитулировал, и она с энтузиазмом принялась за работу, разминая скованные напряжением мускулы плеч. Большие пальцы глубоко вонзались в неподатливые узлы. Когда она дошла до самого болезненного места, он протестующе выгнулся, но не издал ни звука.

Она постепенно смещалась ниже, работая над скользкой мокрой кожей спины. И замерла, когда большой палец наткнулся на длинный шрам возле правой лопатки.

– Что это?

– Пуля задела.

Каро встревожено нахмурилась, вспомнив об опасной жизни военного, но все же продолжала медленно разминать его спину, нажимала на нее нижней частью ладоней, не пропуская ни единого клочка кожи, то и дело, задевая за очередной полученный в бою шрам. Наконец ей удалось немного размягчить сведенные мышцы, хотя тело расслабилось не так сильно, как она надеялась. И что всего хуже, в ее собственном теле тоже нарастало напряжение. Влажная плоть под ее пальцами показалась ей обжигающе горячей.

Внезапно оставив его спину, она снова перешла к шее. Он тихо застонал от боли и удовольствия, когда ее пальцы осторожно погрузились в сухожилия. Еще минута, и она зарылась руками в его смоляные волосы, оказавшиеся на ощупь мягкими и шелковистыми, прежде чем начать массировать его голову. Он снова вздохнул, на этот раз от чистого удовольствия, и этот звук, в свою очередь, наполнил ее радо-

стью. И не только. Внизу живота сгущалась красноречивая тяжесть. Плеск воды казался маняще-соблазнительным, серебряная тишина ночи – нереальной, как во сне.

Испытывал ли он те же первобытные чувства, которые обуревали Каро?

Ее руки медленно скользнули вниз, по спине Макса, ладони мяти теплую кожу, выпуклые мышцы. Должно быть, он понял, что ее прикосновения стали другими, потому что она ощутила, как напряглось его тело под ее невольными ласками. И все же не могла остановиться. Большой палец сам собой лег на пулевой шрам. Она позволила себе немного задержаться, растирая неровную складку, словно жалея, что не смогла уберечь его от боли. Но тут неожиданно для себя, что-то сочувственно бормоча, прижалась губами к изуродованной плоти. И осознала, что он мгновенно застыл. Почувствовала его нерешительность.

Под его взглядом ее сердце лихорадочно забилося где-то в горле. Она забыла о своей миссии целительницы. Теперь она просто женщина. И расплавленная лава его взгляда только обостряла безумные порывы, бушующие в ней. Не выпуская Каро из плена своих глаз, он поднял руку, чтобы коснуться ее щеки.

– Ты, должно быть, нечто вроде сна... прелестная игра моего воображения. Но если я сплю, лучше не просыпаться. Пусть это длится вечно...

– Вы правы. Я тоже не хочу просыпаться, – едва слышно

прошептала она.

Он привлек ее ближе, так что теперь она прижималась к нему всем телом, и крепко обнял. Единственной преградой между ними была мокрая ткань ее сорочки.

Внутри у Каро что-то бешено затрепетало.

Почти касаясь ее губ своими, он еще крепче стиснул руки и прижал ее бедра к твердой набухшей плоти своего мужского достоинства, позволяя почувствовать, как сильно он возбужден.

Она не раз видела, как спариваются животные, так что физическая сторона отношений мужчины и женщины в принципе была ей понятна. А ее лучшая подруга Изабелла частенько делилась с ней откровенными историями о жарких ночах, проведенных с бесчисленными любовниками.

Но ничто не подготовило Каро к реальности отношений с этим человеком, к ощущению его плоти, красноречиво говорившей о его мужских потребностях. К жарким, бесстыдным эмоциям, омывавшим ее беспомощное тело.

Его теплое дыхание легким ветерком обласкало ее губы.

– Я хочу тебя.

Неистово чувственное признание застало ее врасплох. До этого момента ни один мужчина не говорил ей ничего подобного. Он достаточно ясно выразил свое желание... и все же она вообразила, что поняла истинный смысл его слов: он жаждал от нее физического утешения. Хотел почувствовать жизнь, а не смерть, и страсть – наиболее яркое выражение

жизни. И Макс Лейтон, вне всякого сомнения,отреагировал бы точно так же на любое теплое женское тело. Но даже если это и так, Каро не могла отрицать ответного желаяния, которое пробудили в ней его слова.

И в эту минуту их губы слились. Его поцелуй был одновременно грубым и нежным, требовательным и отчаянным, выражавшим мучительную потребность, особенно когда его язык настойчиво скользнул в ее рот, окончательно лишив способности дышать.

Нетерпеливый звук вырвался из ее горла, и ее пальцы сами собой впились в тугие мышцы его плеч. Этот исступленный, почти безумный поцелуй был первым в ее жизни.

Прошло несколько долгих минут, прежде чем он со стоном оторвался от нее, закрыл глаза и прижался лбом к ее лбу, словно пытаясь взять себя в руки.

– Тебе следовало бы остановить меня, пока это не зашло слишком далеко, – хрипло выдавил он.

Сбитая с толку и совершенно озадаченная, Каро покачала головой.

– Я... не хочу, чтобы ты останавливался, – дрожащим голосом попросила она.

Ее непослушное сердце отстучало несколько ударов, затем он отстранился и испытующе взглянул на нее.

– Чего ты хочешь, ангел? Скажи.

Она не успела оглянуться, как груди легли в его ладони, словно в две чаши. Большие пальцы прижались к соскам,

превратившимся в два крошечных камешка.

Огненная молния прострелила ее, и Каро с трудом сдержала инстинктивную мольбу. То, что она в действительности хотела, было скандальным! Развратным! Бесстыдным! Потому что она хотела его. Хотела, чтобы он обнимал ее. Прикасался. Показал, что такое настоящее наслаждение.

Что, если она отдастся ему? – настойчиво твердил внутренний голос. После сегодняшней ночи она больше не увидит Макса Лейтона. Возвратившись в полк, он вряд ли найдет еще одну причину снова приехать на остров. И его могут убить...

При мысли о том, что этот сильный, мужественный человек ежечасно рискует своей жизнью, у нее едва не разорвалось сердце. Но это только усилило ее решимость. Скорее всего, это его последняя ночь страсти. И ее тоже.

Она хотела стать женщиной. И не могла больше скрывать этого желания даже от себя самой. Оно словно огонь сжигало ее душу. Но каким бы абсурдным это ни казалось, она не могла заставить себя быть откровенной. Смело открыть свои мечты. Много раз в роли «хранителя» она сталкивалась с опасностью и интригами, но сейчас испытывала странную неловкость и умирала от застенчивости. Она могла только намекнуть... и надеяться, что он поймет.

– Я... не настолько опытна, как ты считаешь. Он мгновенно насторожился.

– Ты никогда не была с мужчиной?

– Честно говоря, нет.

И снова между ними воцарилось молчание. Лунный свет играл на его точеных чертах, и она невольно любовалась им, ожидая ответа. Вода лизала ее груди, просачивалась между ног, еще более обостряя чувствительность женской плоти, пробуждая дремлющие желания, заставляя остро ощущать сосущую боль.

– Тогда тебе лучше уйти, – холодно, почти резко выдавил он.

– Я хочу остаться, – едва слышно возразила она. – Пожалуйста... я хочу узнать истинную страсть. Ты мне покажешь?

Его колебание длилось целую вечность.

– Меня нужно пристрелить хотя бы за то, что я раздумываю над твоим предложением.

– Пожалуйста, Макс...

Нежность разительно преобразила его застывшее лицо.

– Ты уверена?

Она еще в жизни не была так уверена.

Сегодня ей, наконец, предстоит узнать тайну отношений между мужчиной и женщиной. Она сможет отдаться самым потаенным своим желаниям. Сможет быть алчной, неистойвой и женственной, бесстыдной и буйной.

Она почти не сомневалась, что любовь этого человека вознесет ее на седьмое небо. И совсем не сомневалась, что будет лелеять эти воспоминания до конца дней своих.

Вместо ответа она протянула руку, чтобы коснуться его

худой щеки.

– Знаю, иногда это больно... так что, пожалуйста... будь нежен.

– Могла бы и не просить.

Он и был нежен. Невероятно нежен. Она ощущала его железную волю и стальное самообладание, когда он осыпал ее поцелуями, легкими, как крылья бабочек, едва прикасаясь к губам, подбородку, шее. Все еще не отрывая от нее губ, он приподнял Каро, развел ее ноги, так что они оказались по обе стороны его мускулистых бедер, спустил с плеч лиф сорочки, и ее голые трепещущие груди вырвались на волю.

Каро сжалась, боясь, что он будет разочарован видом ее нагого тела, но огонь в его глазах разгорался все ярче. Он словно пожирал взглядом ее мокрую блестящую плоть. И под этим откровенным взглядом ее щеки запылали еще ярче. Руки, гладившие ее упругие холмики, казались раскаленными.

Макс не торопился, лаская ее нежно, медленно, и она забыла о своих страхах. Забыла обо всем. И понимала только, что он исполнен решимости возбудить ее так же сильно, как она, сама того не сознавая, возбудила его.

Каждое его движение было непередаваемо чувственным. И все же Каро оказалась не готовой к взрыву ощущений, когда он нагнулся, чтобы взять губами горошинку соска, и стал сосать. Каро задохнулась и закрыла глаза, охваченная жаром, а внизу живота и между бедрами разливалась почти невыно-

симая боль.

Целую вечность его язык и губы возбуждали ее. Искусали, обольщали, опьяняли, посылая мириады ощущений в каждый нерв ее тела. Его руки так же неспешно стали гладить ее спину, обводя изгибы бедер, ягодицы, мяти упругие полушария.

Ее голова бессильно откинулась, из груди вырвался тихий вздох наслаждения. Наконец его губы оставили ее груди и провели пылающую дорожку по ее горлу.

– Ты этого хотела? – горячо выдохнул он и, не дожидаясь ответа, схватился за подол ее сорочки и проворно стянул истекающий водой предмет одежды через голову, оставив Каро совершенно обнаженной. Его глаза стали еще темнее: очевидно, он был заморожен и потрясен столь соблазнительным зрелищем.

Но сама Каро понимала, что всему причиной магия ночи. Обольстительная чувственность, пронизавшая самый воздух острова, усиливала его голод. Только сейчас причина была ей безразлична. Потому что тот же голод пожирал и ее. Под его взглядом она чувствовала, что прекрасна.

Сонная, пьянящая истома охватила ее, когда его руки снова скользнули по ее телу в чувственной ласке. Его ладонь медленно провела по ее бедру, скользнула к животу и ниже, к завиткам у развилки ее бедер. И когда отыскала самую нежную и чувствительную часть ее тела, Каро затрепетала.

Он стал ласкать едва заметный бугорок. Один палец про-

ник внутрь, заставив ее громко охнуть.

Игнорируя ее инстинктивные протесты, он продолжал возбуждать ее... дерзкие пальцы проникали все дальше... медлили... задерживались... отстранялись, только чтобы начать все снова.

И с каждым его движением желание все сильнее кружило голову, заставляя забыть про стыд, наполняя мучительным томлением. Каро отчаянно выгнулась, пытаясь коснуться ноющими грудями его груди.

– Полегче, – пробормотал он, но в гортанном голосе слышались удовлетворенные нотки.

Чуть отстранившись, он подвел ее руку к своим чреслам, к мужской плоти, которая так дерзко упиралась в ее живот. Даже в теплой воде она казалась горячей и пульсировала при малейшем прикосновении.

Он медлил, предоставляя ей выбор. Но для Каро отныне не существовало выбора. Глупо или мудро, но она хотела этого. Хотела его.

– Да, – прошептала она, отвечая на его молчаливый вопрос.

Глядя на нее горящими глазами, он сжал ее бедра и поднял над своим восставшим фаллосом только затем, чтобы снова осторожно опустить.

Его вторжение было бесконечно медленным и осторожным, хотя ее женское естество уже увлажнилось любовными соками. Она была настолько потрясена новыми ощущения-

ми, что застыла неподвижно. Настоящей боли не было, но она чувствовала, как ее растягивают и проникают все глубже, едва не разрывая.

Теплые губы коснулись ее трепещущих ресниц, щек и губ, пока она не стала дышать ровнее.

– Теперь лучше?

– Да...

Тупая боль улеглась, и все же она боялась двигаться, потому что гигантский пульсирующий стержень наполнил ее до отказа. Но он, сжав ее бедра, проник глубже. Искра наслаждения вспыхнула в ней, и она невольно вздрогнула. А когда он, чуть отстранившись, снова вонзился в нее, она поняла, что ее тело приняло и даже приветствовало его власть над собой.

Его губы скользнули от мочки уха к шее, затем к тонкой ключице и дальше...

Он снова сосал ее груди, на этот раз еще сильнее. Язык обводил розовые кружки, лизал, возбуждая в ней жаркое, настойчивое желание.

Каро бессильно обмякла, прижимая свою трепещущую плоть к его губам и что-то бессвязно бормоча, содрогаясь от ощущений, таких исступленных, что, казалось, она сейчас обратится в пламя.

Потом его великолепные руки снова скользнули между их телами, а большой палец нашел скользкий бутон, скрытый в женственных складках.

– Нет... – инстинктивно вырвалось у нее. Дрожа, она попыталась высвободиться, избавиться от пугающей настойчивости.

– Да, – настаивал он, не позволяя ей освободиться.

Одна рука по-прежнему сжимала ее бедро, пальцы другой продолжали ласкать набухший бугорок. Он снова поцеловал ее, глубоко проникнув языком в рот и одновременно сделав новый выпад.

Темные волны наслаждения неустанно бились о берег ее желания, пока боль не стала отчаянно острой. Исполненная безумной чувственностью, Каро стала бешено извиваться. Панический, тоскливый стон вырвался у нее. Пальцы впились в бугрящиеся мышцы плеч, когда жидкий огонь охватил ее.

Она льнула к нему, беспомощно содрогаясь, крики раскалывали тишину ночи, огненный ад продолжал бушевать, такой мощный, такой опустошающий, что она окончательно потеряла голову.

Ошеломленная, опустошенная, она рухнула ему на грудь, слушая оглушительный стук его сердца, нежась в его объятиях.

– Я не подозревала... – пробормотала она долгое время спустя хриплым от страсти голосом. – Наверное, именно это и называют маленькой смертью.

– Именно это.

Она расслышала улыбку в его голосе, почувствовала, как его губы прижались к влажным локонам на ее виске.

– Но есть и кое-что еще, милая.

– Еще? – неверяще рассмеялась она.

– Больше, гораздо больше.

Он слегка шевельнул бедрами, чтобы она почувствовала всю силу его возбуждения.

Каро, мгновенно задохнувшись, чуть отстранилась и взглянула в его темные глаза.

– Ты меня научишь?

– С большой радостью и удовольствием.

Он снова сжал ее ягодицы и стал раскачиваться, прежде чем, зажмурясь, медленно войти в нее. На этот раз он был так же осторожен, но она по-прежнему чувствовала, каких усилий воли это ему стоит. Лицо словно осунулось, губы плотно сжаты, дыхание так же затруднено, как у нее.

Она почувствовала его отчаянное желание, когда его губы стали слепо искать ее рот, слышала это в его голосе, когда он прошептал в ее губы:

– Исцели меня, неукротимый ангел.

И его мольба окончательно сломила ее сопротивление. Его темное желание наполнило ее нежностью, потребностью излечить его истерзанную войной душу.

Ее руки крепко обвили его, и она вернула жаркий поцелуй, вложив в него все, что таила от самой себя все эти годы.

Вся ее ночь принадлежит этому великолепному мужчине. Она сделает все, чего он захочет. А он, очевидно, хотел отдаться ночи, лунному свету, очарованию страсти этого ост-

рова.

И самой Каро.

Глава 1

Лондон

Сентябрь 1814 года

Частично скрытый от посторонних взглядов огромной пальмой в кадке, Макс Лейтон прислонился к мраморной колонне, скущаяще разглядывая шумный, заполненный народом бальный зал. После многолетних тягот войны он вернулся в Англию, полный решимости изгнать мрачные воспоминания, отдавшись земным наслаждениям мирной жизни.

Но такого он не ожидал. И не знал, куда деваться от преследований пронырливых мамаш и их зрелых дочерей, стремившихся поймать его в свои сети. В нынешнем безумном вихре празднеств по случаю победы богатый, знатный, увенчанный наградами ветеран считался чрезвычайно выгодным женихом, но Макс, к собственной досаде, слишком поздно об этом догадался.

Уголки его губ скривились в презрительной гримасе. Он не испытывал ни малейшего желания сражаться на поле любовных битв и тем более не собирался жениться. Но теперь даже самые признанные светские львицы старались привлечь его внимание. Такая всеобщая популярность была ему не по вкусу. И, желая немного отдохнуть, Макс поспешил скрыться за пальмой.

Если бы только подчиненные могли его сейчас видеть!

Макс невольно усмехнулся. Вряд ли многие из его людей посочувствуют злоключениям бывшего командира: жизнь в роскоши, богатстве, в обществе первых красавиц королевства вряд ли можно посчитать тяжелой.

Что с ним стряслось? До войны он не считал балы, приемы и пикники настолько банальными. Но может, самые веселые развлечения бомонда не могли сравниться со счастьем спасти Европу от кровавых притязаний деспота.

Или все дело в женщинах, так разочаровавших его? Ни одна из них не обладала откровенностью, простотой и обаянием той, которую он не мог забыть.

Чуть прищурившись, Макс в миллионный раз вернулся к воспоминаниям о той ночи на острове более года назад.

Он не ожидал найти там рай или провести чарующую ночь страсти с невинной обольстительницей. Он действительно не смог забыть ту ночь на Кирене или волшебницу, давшую ему утешение.

С тех пор он боролся с растущей потребностью вернуться на остров и найти Каро Иверс, просто чтобы понять, была ли та магия между ними реальной или результатом необычайных обстоятельств. Возможно, на самом деле все гораздо проще: долгие месяцы войны и одиночества повлияли на него странным образом и превратили ее в идеал красоты и женственности.

У него не было веского предложения пускаться в такое путешествие. Судя по всему, лейтенант Йейтс оправился от ран,

ведет мирную жизнь и нашел работу секретаря у престарелого аристократа. В его жизнерадостных письмах и намека нет на горечь тяжелой жизни калеки.

Но даже если это и так, он всегда может сказать, что хотел навестить бывшего подчиненного...

– Только не говори, что скрываешься, – прервал его размышления веселый мужской голос. – Неужели не понимаешь, сколько красоток успел разочаровать?

Перед ним стоял Кристофер, виконт Торн, с понимающим видом разглядывая приятеля. Они встретились в прошлом году на Кирене во время краткого визита Макса и за последние несколько месяцев успели подружиться вопреки воле и убеждениям майора Лейтона. Он не хотел заводить новых друзей, пока еще живы душевные раны, нанесенные потерями старых.

– Вот возьми, это поможет, – уверил Торн, вручая ему рюмку с жидкостью, по цвету напоминавшей бренди. – Думаю, ты предпочтешь более сильное средство безвкусному пуншу моей тетушки.

Макс с благодарностью принял рюмку и тут же осушил, с наслаждением ощущая, как жидкий огонь медленно льется в горло.

Торн был распутным сыном герцога. Высокий, светловолосый и могучий, он пользовался шумным успехом у дам, бесстыдно вешавшихся ему на шею. Именно он познакомил Макса с теми пресловутыми удовольствиями, которые мог

предложить Лондон. Именно Торн уговорил его посетить сегодняшний бал.

Макс, с облегчением вздохнув, поднял пустую рюмку.

– Хорошее средство, но ты по-прежнему в долгу передо мной.

Торн сверкнул белозубой улыбкой:

– Каюсь.

Он приехал в Лондон на осенний сезон, потому что весьма неохотно обещал леди Хеннесси, своей тетке, что будет сопровождать свою юную кузину-дебютантку, которая пыталась приобрести светский лоск, готовясь к весеннему сезону. И просил Макса приехать сегодня, потому что не считал, что сможет в одиночку вынести бал леди Хеннесси.

– Понимаю, испытание суровое, – кивнул он, дружески ударив Макса по плечу. – Хуже любой чумы, когда тебя осаждает так много женщин, которые то и дело признаются в любви.

– Да, особенно если знать, что любят не меня, а мой доход и будущий титул.

Как единственный родственник и наследник своего престарелого дядюшки, Макс должен был стать виконтом после смерти последнего.

– Не забывай о своей внешности и обаянии, – добавил Торн. – И о том, что ты прославленный герой войны. Похоже, ты не представляешь, сколько мужчин готовы на все, лишь бы оказаться на твоём месте!

Макс вымученно улыбнулся:

– Я предпочел бы быть где угодно, только не здесь. Хотя бы на твоём острове.

Торн покачал головой:

– Не уверен, что это такой уж хороший выход. На Кирене тоже полно дебютанток, решительно настроенных на брак. Не забудь, три дюжины тамошних британских семей считают себя сливками общества. У них свой маленький круг, и они вполне способны быть не менее безжалостными, чем лондонские десять тысяч особ высшего света.

– Готов рискнуть, чтобы обрести хотя бы немного покоя.

Торн пристально уставился на приятеля:

– А, кажется, я понимаю, в чем дело. Ты подхватил болезнь.

– Болезнь?

– Чары Кирены поразили и тебя. Они проникли в твою кровь.

Макс снова глотнул бренди и покачал головой:

– Я слышал что-то насчет волшебства, но не верю в подобные вещи.

– Поверь, на некоторых людей он влияет очень странно. А его очарование может быть опасным.

Макс молча согласился с другом. Он сам находил остров волшебным, искушающим, манящим...

– Именно поэтому ты и осел там? – спросил он друга. – Тебя соблазнил остров?

К его удивлению, Торн загадочно улыбнулся:

– Отчасти. Но Кирена имеет и другие привлекательные качества, которые на первый взгляд не так очевидны.

Судя по слухам, Торна много лет назад сослал на Кирену разгневанный благородный отец. Но хотя он с тех пор исправился настолько, чтобы угодить родителю, все же предпочел поселиться на крохотном острове в западной части Средиземного моря, между Испанией и Сардинией. Макс никогда не понимал почему: вряд ли столь безмятежная обстановка может привлечь человека с беспокойной натурой Торна.

– Может, тебе действительно следует еще раз приехать туда, – добавил Торн. – Тишина и спокойствие будут тебе – полезны.

Макс кивнул, соглашаясь с другом и вспоминая то короткое счастье, которое он там нашел. Теплое, золотистое солнце. Сверкающее аквамамино море. Горные пики, заросшие сосной и каменным дубом. Плодородные долины, утопающие в виноградных лозах, апельсиновых и оливковых рощах. Древние развалины. Чарующие лунные ночи...

Рай на земле.

Какая соблазнительная мысль! Очень тяжело признаваться, что он так и не оправился от военных тягот. Затянувшаяся война окончилась только с отречением Наполеона в апреле. И все же Макса до сих пор преследовали кошмары. Его собственный личный ад. Он вернулся живым, а вот другие, куда более достойные воины, лежат в земле. Часто в мрач-

ные часы ночи только мысли о нежном ангеле острова Кирена помогали держать в узде скорбь и угрызения совести.

В этот момент его внимание привлекла знакомая пышная фигура, приближавшаяся к пальме, и Макс с проклятием подавил внезапный порыв прижаться к колонне.

– Здесь я уж точно не найду тишины и спокойствия, – проворчал он, с опаской рассматривая вдову-блондинку, явно искавшую его глазами.

– В таком случае едем со мной на Рождество, – предложил Торн. – Мои обязательства пока что удерживают меня в Лондоне, но я собираюсь провести праздник на Кирене и буду очень рад, если ты сумеешь присоединиться ко мне.

– Пожалуй, меня легко убедить. Я и сам давно хочу посмотреть, как там устроился Йейтс.

И снова повстречать одного соблазнительного ангела... Он понимал, что вслух об этом говорить не стоит, но язык словно не слушался его.

– Что ты слышал о мисс Иверс?

– Каро? – удивился Торн, вскинув брови. – Ах да, вы познакомились, когда она ухаживала за Йейтсом. – Он медленно улыбнулся, словно вспомнив что-то приятное. – Как всегда, необыкновенна. И одинока. С завидной регулярностью доводит до белого каления благородных граждан Кирены.

– Она действительно показалась мне чуждой условностям.

– Это верно, – тихо рассмеялся он и, неожиданно осекшись, пробормотал: – Какого черта... Только помяни дьяво-

ла... – Он недоуменно прищурился, и, проследив за направлением его взгляда, Макс устремил взор мимо танцующих к главному входу в бальный зал. Женщина, стоявшая там, выглядела удивительно не на месте среди разряженных, осыпанных драгоценностями и украшенных перьями и оборками дам. На ней был простой темный дорожный костюм. Глаза нетерпеливо шарили по толпе.

Макс ощутил, как напряглась каждая мышца его тела. Это она. Ангел из его снов. Гордая осанка. Тонкие черты лица. Сострадание в каждом исцеляющем прикосновении.

Гадая, уж не грезит ли он снова, Макс быстро заморгал и почти не услышал, как Торн неожиданно сухо объявил:

– Прошу простить. Каро, должно быть, ищет меня. Нужно срочно узнать, что привело ее сюда.

Он поспешно отошел, а Макс, слегка ошеломленный, словно прикованный к месту, не мог пошевелиться. Как и Торн, он понятия не имел, что привело Каро Иверс сюда, в Лондон, особенно в бальный зал леди Хеннесси.

И все же он ничуть не сомневался в том, что его жизнь с этого момента стала куда ярче.

Каро облегченно вздохнула, заметив приближающегося Торна. По крайней мере, ее поиски на сегодня закончились.

Едва он приблизился, она вынудила себя ответить на его приветливую улыбку, прекрасно при этом понимая, что стала объектом бесчисленных любопытных взглядов. Дурная слава не слишком волновала ее – к этому времени она ко

всему привыкла. И за пять лет, прошедших с ее кошмарного лондонского сезона, Каро сумела побороть тошнотворное мерзкое сознание того факта, что в глазах высшего общества всегда будет считаться парией. Но никто не должен заподозрить, что она и лорд Кристофер Торн – нечто большее, чем просто добрые знакомые и соседи, или что она приехала сюда со срочным для него заданием.

– Вы только что прибыли в Лондон? – пробормотал он, галантно склонившись над ее рукой.

– Да, и сразу же отправилась к вам, но дворецкий заверил, что я могу найти вас здесь. Торн, с Изабеллой беда. Мы считаем, что ее захватили в плен.

Учитывая улыбка Торна не дрогнула, хотя глаза мрачно блеснули.

– Рад снова видеть вас, мисс Иверс. Пойдемте, расскажете мне новости из дома.

И, положив ее руку на сгиб своего локтя, он вывел ее в коридор и проводил в библиотеку. Каро вздрогнула, когда он закрыл за собой дверь. Хотя в камине горел огонь, все же здесь было куда холоднее, чем дома, на ее прекрасном острове.

– А теперь расскажи, что случилось, – коротко велел Торн. Теперь, когда необходимость притворяться отпала, вид у него был самый деловитый.

– Пять недель назад Изабелла возвращалась домой из Испании, но ее судно так и не прибыло на Кирену. По всей

вероятности, его захватили берберские пираты и ее увели в рабство, – со страхом рассказывала Каро, видя, как мрачно хмурится Торн. Опасности плавания по Средиземному морю были хорошо известны. Теперь, когда Наполеон был побежден и сослан, французский флот больше не угрожал торговым судам. Но корсары с Берберийского побережья Северной Африки много веков разбойничали в этих водах, захватывая корабли и продавая пленников на невольничьих рынках. Недаром десять лет назад американский флот начал войну с Триполи, стараясь освободить своих граждан, попавших в рабство.

– Садись и начинай сначала, – предложил он, когда Каро стала метаться по комнате.

– Не могу вот так просто сидеть. Я без дела просидела на шхуне две недели! Ну почему чертово путешествие в Лондон длится целую вечность?!

– Но ты не поможешь Изабелле, проделав дырки в ковре моей тетушки, – возразил Торн. – Хочешь выпить?

– Да, спасибо.

Его спокойный тон возымел нужный эффект. Каро с глубоким вздохом подошла к камину и протянула к огню затянутые в перчатки руки. Торн тем временем шагнул к столу и налил ей бокал шерри.

Каро продолжала пристально глядеть в огонь, замороженная воспоминаниями. Леди Изабелла Уайлд была ее лучшей подругой, прекрасной испанской аристократкой, пере-

жившей трех мужей и теперь ведущей вольную жизнь, путешествуя по всему миру. Обожающая приключения, Изабелла была для Каро кем-то вроде матери с тех пор, как родная мать Каро умерла, оставив девочку сиротой. Изабелла была для нее также примером независимого мышления и неизменно поощряла девушку в ее стремлениях и мечтах.

Каро была исполнена решимости выручить подругу из рабства. Ее поддерживали и остальные «хранители». Для них это было не только личным делом. Дочь сосланного испанского политика, Изабелла много лет назад получила убежище на Кирене. А захват любого человека, находившегося под покровительством «хранителей», был ударом в сердце ордена. Их предводитель, сэр Гавейн Олуэн, посчитал, что на карту поставлена их честь. И без всяких слов было ясно, что необходимо отправлять спасательную экспедицию. Поэтому Каро приехала в Лондон, чтобы передать Торну приказание ордена.

Он вручил ей бокал, после чего уселся на диван и стал внимательно слушать, как Каро излагает факты, которые им удалось собрать после пропажи Изабеллы. Факты, позволившие предположить, что ее взяли в плен берберские корсары.

– У нас почти нет сведений. Когда все сроки прибытия судна пройти, мы разослали людей на поиски. В ту неделю не было ни одного шторма, и вряд ли судно затонуло. Потом мы узнали, что пакетбот преследовало судно под алжирским флагом.

– И с тех пор от Беллы нет ни слуху, ни духу? И никаких требований выкупа?

– Ни одного. Сэр Гавейн отправил двух агентов в Триполи на случай, если наша разведка ошиблась, но возможность, что ее увезли в Алжир, слишком велика.

– И сэр Гавейн требует, чтобы я отправился в Алжир на поиски?

– Совершенно верно.

– Он, разумеется, понимает, как сложно будет обнаружить ее там.

Каро кивнула. Судя по тому, что она слышала, Алжир – большой, густонаселенный город с домами, которые лепятся друг к другу, как пчелиные соты. А сама страна Алжир, часть Османской империи, – это гигантские пространства суровых гор и враждебных человеку пустынь.

Не притронувшись к шерри, Каро поставила бокал на каминную полку. И потянувшись к ридикиюлю, откуда вынула тонкую стопку бумаг и протянула Торну.

– Все подробности здесь. Все наши планы и задания для каждого из нас, включая твое.

Торн быстро пробежал глазами бумаги, не спрашивая, почему Каро решила лично передать приказ. «Хранители» часто пользовались почтой и почтовыми голубями, но это задание было слишком важным, поэтому документы требовалось передать из рук в руки.

Каро содрогалась при мысли о том, что может случиться

с ее подругой. Оставалось надеяться, что смуглая красота и элегантные манеры Изабеллы позволят ей избежать судьбы многих рабов – тяжкого труда и постоянных избиений – и приведут ее в гарем богатого шейха. Алжиром управляли наместники турецкого султана – деи. Их резиденцией служил неприступный замок. Если Изабелла заточена в этом замке, вызволить ее будет почти невозможно.

Но прежде необходимо ее найти. С полдюжины «хранителей» уже находились в Берберии, пытаясь найти хоть какие-то сведения, а кое-кого призвали на Кирену, на случай, если придется организовать спасательную экспедицию.

Торн, оторвавшись от бумаг, поднял глаза.

– Хок ведет поиски в Алжире, и мне придется ехать туда. К нему на помощь, – уточнил он.

– Совершенно верно. И мне нет нужды пояснять, насколько важно выиграть время.

Торн кивнул:

– Я выезжаю завтра утром, как только позабочусь кое о каких мелочах, чтобы со спокойной душой отложить свое нынешнее задание.

Глаза Торна загорелись предвкушением новых приключений, что весьма ободрило Каро. Впервые за несколько недель она почувствовала, как натянутые нервы слегка расслабились. Какое счастье, что Кристофер Торн на их стороне!

Она знала, что он с радостью согласится участвовать в их миссии, потому что обожал трепет опасности. Мятежник в

душе, Торн был одним из самых бесшабашных и безрассудно храбрых членов группы. Если не считать Каро, из всех «хранителей» он был ближе других к Изабелле и прекрасно понимал ее тревогу за приятельницу.

Торн поднялся с дивана и, подойдя к ней, сжал ее руку в большой сильной ладони.

– Мы найдем ее, не сомневайся!

Каро слегка улыбнулась. Это задание беспокоило ее куда больше предыдущего, вероятно, потому, что исход касался ее лично.

– До чего же противно быть такой беспомощной! Я постоянно думаю о том, что сейчас Изабелла находится в руках и во власти жестокого господина! Она совсем одна, Торн...

– А ты не посмотрела на все это с другой точки зрения? Вдруг Белла считает захват судна скорее приключением, чем трагедией?

Каро понимала, что он пытается утешить ее, однако это были не просто слова. Большинство женщин ужасала сама возможность попасть в лапы берберских пиратов, но Изабелла, с ее пылким характером, была куда предусмотрительнее и разумнее многих представительниц своего пола. Если кто и способен выжить в этих обстоятельствах, так это она.

Но все же Каро выводила из себя невозможность строить подробные планы, пока они не обнаружили, действительно ли Изабелла находится в плену. А ведь на это могут уйти недели, если не месяцы!

– Ты прав, конечно, – пробормотала она. – Но я сойду с ума от бездействия и ожидания.

Торн пощекотал ее под подбородком, как ребенка.

– О нет, девочка моя, ты так легко не отделаешься. У меня для тебя идеальное поручение. Немедленно извинись перед моей тетушкой. Она ни за что не освободит меня от обещания быть кавалером кузины на этот сезон.

– Почему я?

– Потому что тетя Хеннесси любит тебя. И скорее меня простит, если именно ты попросишь ее об этом.

Именно леди Хеннесси оплатила расходы на провальный лондонский сезон Каро много лет назад и, несмотря на скандал, причиной которого невольно стала девушка, по-прежнему прекрасно к ней относилась.

– Только скажи ей, что Белла пропала, – добавил Торн, подводя Каро к двери, – и что я должен ее спасти. Иди, попытайся обвести ее вокруг пальца, солнышко. А я тем временем принесу кое-какие депеши для доставки сэру Гавейну. Вернусь через час-полтора. Собираешься остановиться здесь?

– Да, если леди Хеннесси позволит.

– В этом я не сомневаюсь, при условии, что пообещаешь не устраивать сцен на балу. Она все еще пытается забыть твой сезон, – беззлобно поддел он.

Каро мигом бросило в краску.

– Я, разумеется, не собираюсь устраивать никаких сцен, –

процедила она. – И как только поговорю с ней, немедленно удалюсь.

– Уверен, она будет крайне благодарна.

Торн уже собрался уйти, но остановился и оглянулся, словно что-то вспомнил.

– Кстати, Каро! Ты можешь сделать для меня еще кое-что.

Передай мои извинения Максу Лейтону.

Каро задохнулась от неожиданности.

– Майор Лейтон здесь? – спросила она чересчур громко и взволнованно.

– Мистер Лейтон. Теперь он штатский. Но ты и без меня должна знать: он герой светской хроники всех лондонских газет.

Она знала. Сэр Гавейн выписывал все британские газеты, чтобы быть в курсе последних событий в мире и бомонде.

– Почему ты должен извиняться перед ним? – с небрежным видом бросила Каро.

– Потому что потащил на этот бал, чтобы он составил мне компанию. С его стороны это было величайшей жертвой, учитывая, как настойчиво дамы преследуют его. Как мне ни жаль, но придется бросить его на растерзание светским львицам. Скажи Максу, что я очень сожалею и что мое приглашение провести Рождество на Кирене по-прежнему в силе.

Каро опустила глаза, чтобы скрыть досаду.

– Если увижу его, все передам, – неохотно выдавила она.

– Так дело не пойдет, любимая. Обещай, что поищешь

Макса после моего ухода. Иначе мне придется задержаться, чтобы самому это сделать.

– Хорошо... так и быть. Даю слово.

– Он, конечно, будет рад тебя видеть. Только сегодня спрашивал о тебе.

– Правда? – растерянно пробормотала она.

– Да. Очевидно, ты произвела на него немалое впечатление во время его короткого визита на остров в прошлом году. А теперь иди поищи тетушку. Я вернусь как можно скорее.

И Торн решительно направился к выходу. Каро ошеломленно смотрела ему вслед, едва удерживая проклятия. Не хватало ей еще встречи с Максом Лейтоном... Впрочем, можно подумать, у нее есть выбор!

Пришлось неохотно возвращаться в бальный зал. В обычных обстоятельствах ее трудно назвать трусихой. Но при мысли о новой встрече с Максом Лейтоном дрожали коленки. Удивительно, что Лейтон вообще помнил о ней.

«Очевидно, ты произвела на него немалое впечатление...»

Щекам снова стало горячо. Можно представить, что он думает о ее поведении той ночью! Вела себя как последняя распутная девка! Молила его овладеть ею! Практически обольстила!

Даже сейчас при одном воспоминании об этом ее охватывал стыд. И она все так же томилась сладострастным желанием.

Неужели он тоже помнит об их ночи страсти? После всех женщин, с которыми он, вероятно, спал, вряд ли их ночное приключение стало для него чем-то особенным.

А вот она уж точно никогда его не забудет. Та волшебная ночь ясно показала, чего лишена в жизни Каро. А безумные ласки Макса только усилили ее томление...

Ах, какую же ошибку она сделала, отдавшись своим бесстыдным порывам! И все же воспоминания до сих пор были ей дороги. Настолько, что она не хотела портить их вторжением холодной реальности или разочарованием при встрече с ним в другом месте, среди шумной толпы. За последние несколько месяцев она успела прочесть бесчисленные газетные заметки о Максе Лейтоне, свежие сплетни о его любовных связях и предсказания насчет того, кто первым выиграет брачные скачки и завоюет его богатство и будущий титул.

К сожалению, она увидела его, едва появилась в балльном зале. Толпа слегка расступилась, и высокий мужчина с властной осанкой оказался совсем близко. Вместо блестящего мундира седьмого гусарского полка на нем был безупречно сшитый синий фрак, идеально обтягивавший мускулистые плечи и, вне всякого сомнения, подчеркивавший поразительный цвет его глаз.

Как она и ожидала, он был окружен настоящим цветником красавиц.

Каро решительно попыталась изгнать пустоту, поселившуюся в груди. Она часто гадала, по-прежнему ли Макс оста-

ется раненым воином или сумел исцелиться после окончания жестокой войны с Наполеоном. «Непохоже, чтобы он сильно страдал», – с горькой усмешкой подумала она.

И все же Каро была бесконечно рада, что ему удалось выйти из жестокой схватки живым и невредимым. И он, несомненно, заслужил счастье. Учитывая ужасы, перенесенные им, те сводящие с ума наслаждения, которые Лондон предлагал уставшему от битв солдату, еще не скоро помогут Максу забыться. Но как было обидно и противно, что он превратился в такого повесу. И черт возьми, до чего же неприятно видеть его с такими красавицами!

Но в этот момент он повернулся и встретился с ней взглядом. Сердце Каро, казалось, замерло. Перед ней был все тот же незабываемый мужчина, которого она так часто видела во сне. Все то же поразительное лицо. Все те же неотразимые синие глаза, окаймленные черными ресницами. Все та же мощная, неотразимая мужественность.

Предательская краска поползла по щекам, когда он устремил на нее жаркий взгляд.

Всячески ругая себя, Каро умудрилась протолкнуть комок, застрявший в пересохшем горле. Если от нее требуется поговорить с ним, нужно сделать все, чтобы не выказать охватившее ее смятение. И если, не дай Бог, он осмелится упомянуть ту давнюю ночь, она встретит его с открытым забралом и постарается быть столь же искусенной, как те элегантные красавицы, которые так и вьются вокруг него, доби-

ваясь знаков внимания.

Но сначала ей нужно найти тетушку Торна.

С усилием оторвав от него взгляд, она наконец заметила леди Хеннесси, сидевшую у стены вместе с другими вдовствующими дамами, и, благодарная за возможность передохнуть, стала проталкиваться сквозь толпу.

Дородная леди с серебристыми волосами удивленно подняла глаза и тут же расплылась в восторженной улыбке, быстро превратившейся в тревожную гримасу.

– Дорогая моя, что ты здесь делаешь? Сэр Гавейн? Что-то случилось?

Каро наклонилась, чтобы поцеловать подставленную щеку.

– Сэр Гавейн здоров, миледи. Но к сожалению, я привезла неприятные новости заодно с просьбой, касающейся вашего племянника. Можно поговорить с вами наедине?

Приятелиницы леди Хеннесси, поняв намек, дружно поднялись, позволив Каро сесть рядом.

– Прекрасно, – пробормотала престарелая леди, прищурив пронизательные глаза. – Расскажи, в какую авантюру ввязался на этот раз козел отпущения, именуемый моим племянником.

– Кажется, мистер Лейтон, вы необычайно заинтересовались мисс Иверс, – пропел жалобный женский голосок. – Надеюсь, вы понимаете, что она просто старается привлечь ваше внимание.

– Разумеется, – поддакнула другая леди. – Как это похоже на нее: устроить сцену, появившись на балу в жалких обносках!

Вынудив себя прислушаться к своему окружению, Макс поднял брови:

– Считаете, она специально появилась, чтобы устроить сцену?

Сразу с десяток дам громко затрещали, перебивая друг друга: очевидно, им не терпелось поведать кучу пикантных историй о Каро Иверс.

– Мой дебют был в том же году, – заметила одна.

– И уже тогда она была слишком стара для дебютантки.

– Помню это неуклюжее молчаливое создание. Никаких манер! Никакого воспитания!

– Даже танцевать не умела!

– Но последней каплей был устроенный ею скандал!

– Бедная леди Хеннесси! Такое унижение!

Дамы хором засмеялись, словно вспомнив известный анекдот.

– Что за скандал? – поинтересовался Макс.

– Выяснилось, что мисс Иверс одевалась мужчиной, чтобы посещать лекции по медицине.

– Ее застали, когда она изучала обнаженные тела!

– Хуже того, она рассматривала их внутренности!

Некоторые наиболее чувствительные дамы картинно вздрогнули. Высокая блондинка, открыто охотившаяся за

Максом, злорадно добавила:

– И поэтому ее с позором изгнали из общества.

Макс, нахмурившись, окинул вдову ледяным взглядом.

Очевидно, заметив его неодобрение, она прикусила язычок в отличие от других заговорщиц.

– Разумеется, это чистый абсурд! Притворяться мужчиной! Впрочем, ей это легко удалось: недаром у нее такое грубое загорелое лицо!

Страстно желая защитить ту, которую они так яростно чернили, Макс с усилием стиснул зубы. Да, золотистая кожа Каро Иверс ничуть не напоминала молочно-белый идеал, которого пытались добиться английские красотки, но он находил ее куда более привлекательной.

– Она не более смугла, чем любой, кто живет на средиземноморском острове!

– Так вы знаете ее, мистер Лейтон?

Слегка улыбнувшись, он бросился на защиту Каро:

– Да, я имел огромное удовольствие и счастье познакомиться с мисс Иверс в прошлом году, когда она спасла жизнь одному из моих лейтенантов. Мало того, я считаю ее самой выдающейся из всех моих знакомых дам.

Щебет красавиц мигом смолк.

– А теперь, леди, прошу меня извинить, – с коварной улыбкой продолжил он. – Я должен поскорее поздороваться с мисс Иверс.

Игнорируя досадливые взгляды леди и негодование блон-

динки, Макс резко повернулся и направился туда, где сидела Каро Иверс, погруженная в беседу с леди Хеннесси.

Очевидно, в Лондон ее привело неотложное дело, и ему не терпелось узнать, какое именно. И еще Макс очень хотелось узнать, тлеют ли еще искры того огня, который когда-то пылал между ними.

Он не спускал с нее взгляда и очень обрадовался, заметив, как она застыла, когда подняла голову и увидела его.

Ее серые глаза были такими же огромными и светящимися, как он помнил. Словно серебряный дым... И те же самые черты лица, носившие отпечаток интеллекта и твердого характера. Может, ее нельзя назвать ослепительной красавицей, но она неотразимо привлекательна, и это главное.

Макс поклонился хозяйке дома, но обратился к Каро:

– Добрый вечер, мисс Иверс. Я и не надеялся, что буду иметь счастье вновь встретиться с вами.

Каро озабоченно нахмурилась, словно припоминая:

– Мы знакомы, сэр? О да, майор Лейтон... если не ошибаюсь?

Его брови изумленно взметнулись вверх. Макс беззастенчиво уставился на нее, гадая, действительно ли она забыла, как его зовут, или просто разыгрывает фарс для любопытных сплетников.

Макс, в свою очередь, изобразил страдальческую гримасу.

– Вы раните меня в самое сердце, мисс Иверс, если даже имени моего не помните.

Каро чопорно поджала губы.

– О, помню, и довольно хорошо, мистер Лейтон. Да и как не помнить, если светская хроника полна историй о ваших любовных похождениях!

Леди Хеннеси издала звук, подозрительно напоминавший смешок, но Макс проигнорировал ее и, с подчеркнутой галантностью взяв руку Каро, нагнулся над ней и прижал губы к затянутым в перчатку пальчикам. Ему не терпелось посмотреть на ее реакцию.

Она ощутимо вздрогнула, и, когда их взгляды встретились, что-то жаркое и первобытное промелькнуло между ними. Ее взгляд скользнул ниже, по его губам, и Макс ясно понял, что Каро Иверс не забыла его.

Жаркая волна чисто мужского торжества нахлынула на него, хотя Каро спокойно отняла руку.

– Собственно говоря, я как раз собиралась найти вас, – сообщила она. – Торн просил передать вам свои извинения. Его вызвали по срочному делу. Он сожалеет... – она красноречиво глянула в сторону стайки дам, только что покинутых Максом, – что пришлось оставить вас в нежных ручках ваших обожательниц. А теперь... – Она поднялась. – Надеюсь, вы извините меня, мистер Лейтон. Я проделала долгое путешествие, а завтра мне предстоит еще одно.

Она снова наклонилась и поцеловала леди Хеннеси.

– Спасибо, миледи. Торн будет благодарен, услышав, что вы освободили его от данного слова.

Вдова с притворной строгостью покачала головой:

– Меня не одурачишь, милая. Я вижу его насквозь. У Торна не хватило храбрости встретиться со мной лицом к лицу, поэтому он лестью и уговорами заставил тебя выступить на его защиту.

Каро улыбнулась.

– Верно, но каждый отступил бы перед столь грозным противником, как вы, миледи, – заверила она и, повернувшись к Макс, кивнула в сторону соборища дам, все еще наблюдавших за ними: – Возможно, вам стоит вернуться к вашим поклонницам. Они с нескрываемым нетерпением ожидают вас. Доброй ночи, мистер Лейтон.

Макс не тронулся с места, наблюдая за ней. Кажется, от него только сейчас бесцеремонно отделались. Такого с ним еще не бывало. Отвергнут единственной женщиной, с которой хотел быть рядом! И ее холодность произвела на него обратный эффект, возбудив не только первобытное мужское желание преследовать ускользающую добычу, но и еще более глубокую потребность завладеть и не отпускать.

У него есть права на Каро Иверс независимо от того, сознает это она или нет.

Леди Хеннесси, украдкой поглядывая на него, снова хмыкнула:

– Возможно, вы уже успели обнаружить, что Каро мало напоминает обычных молодых леди из общества.

– Вы совершенно правы, – сухо признал Макс.

– Она презирует балы и другие развлечения света. Сомневаюсь, что она сегодня еще раз спустится вниз. Скорее всего спрячется в своей комнате и уткнется в один из этих кошмарных медицинских учебников. – Глаза леди расчетливо блеснули. – Ей отвели прежнюю комнату. Если хотите поговорить с ней, мистер Лейтон, боюсь, придется идти туда.

Макс чуть приподнял губы в столь же расчетливой улыбке.

– Благодарю вас, миледи. Я как раз собирался именно так и поступить.

Глава 2

Нет, это просто абсурд! Одно присутствие Максвелла Лейтона – и она абсолютно выбита из колеи!

Каро поспешно выбралась из зала, хотя спину сверлил взгляд Лейтона, жаркий, как пламя, острый, как кинжал, что отнюдь не способствовало равновесию ее духа.

Добравшись наконец до своей спальни, Каро захлопнула дверь и бессильно прислонилась к ней в ожидании, пока голова перестанет кружиться, а стук сердца будет не столь оглушительным. Она надеялась, что их встреча пройдет куда спокойнее. Но теперь ясно, что ее надежды оказались бесплодными.

Почему он так действует на нее?

«Почему бы нет?» – отвечал внутренний голос.

Он не только герой, о котором мечтает любая женщина. Он – первый и единственный ее любовник. Он помог ей стать настоящей женщиной. Познать страсть. И вполне резонно, что она видит его в ином свете, чем любого другого мужчину. Что помнит его более ясно. Что всего лишь один взгляд поразительных синих глаз может заставить замереть ее сердце, а низ живота – пульсировать так отчаянно, словно там поселилась армия бабочек.

Заметил ли он ее реакцию? Она пыталась изобразить равнодушие, но удалось ли ей это? Особенно еще и потому,

что она то и дело язвила насчет его обожательниц и, должно быть, выглядела в его глазах ревнивой ведьмой.

Но откуда в ней эта ревность? Боже, что с ней делается! Она не имеет никакого права! Ей нет места в жизни Макса Лейтона. Да он скорее всего и не захочет ее появления в своей жизни! Если бы не особые обстоятельства той дальней ночи, он бы и не взглянул на нее сегодня!

Потому что увидел ее такой, какая она есть на самом деле. Без очарования лунного света, без таинственной магии острова. Он не почувствует того же неистового притяжения, которое она до сих пор испытывала к нему. Да, на какой-то миг показалось, что он упивается ее видом. Но все это лишь причудливые грезы. Она просто ошиблась, приняв его взгляд за неистовый пыл, который воображала в самых потаенных фантазиях.

Преисполненная отвращения к себе, Каро со вздохом сняла ротонду. В камине разожгли огонь, на маленьком столике ее ждал легкий ужин, но она была слишком возбуждена, чтобы есть.

Ее чемодан уже успели принести наверх, и она подумывала было переодеться в ночную сорочку. Но вспомнила, что скоро должен прийти Торн. Более того, бал продлится еще несколько часов, а раздевшись, она почувствует себя совершенно незащищенной против прелестных дам в модных роскошных туалетах.

Каро рассеянно обошла комнату, но вынудила себя оста-

новиться, заметив свое отражение в зеркале. Темно-каштановые волосы растрепались и рассыпались по плечам. Непокорные локоны успели вырваться из шпилек и вьющейся массой обрамляли лицо. Неудивительно, что все эти спесивые красотки с таким презрением смотрели на нее. Что он не сводил с нее глаз.

Ничего страшного: всего лишь еще одна черная метка в невидимой книге общества, где против ее имени и без того уже стояли десятки подобных.

Она решительно подошла к зеркалу, причесалась, налила себе чашку чаю и устроилась в большом кресле у огня с недавно опубликованным медицинским трактатом на коленях, хотя понимала при этом разве что одно слово из трех. Еще и потому, что мыслями постоянно возвращалась к Максиму Лейтону и той невероятной ночи, которую она провела в его объятиях.

Прошло около получаса, когда в дверь тихо постучали. Думая, что это Торн, Каро поднялась и, не спрашивая, кто пришел, распахнула дверь.

При виде гостя ее бросило сначала в холод, потом в жар. – Вы исчезли прежде, чем я смог задать хотя бы один вопрос, – беспечно заметил Макс, вторгаясь в комнату без приглашения. – Я хотел узнать, как поживает лейтенант Иейтс.

Каро с трудом взяла себя в руки. Она не позволит ему снова лишиться себя равновесия, даже если он нагло ворвался в ее комнату! Слава Богу, что она не вздумала раздеться!

– Вы, несомненно, знаете о нем не меньше меня, мистер Лейтон! Джон сказал, что он регулярно пишет вам, как вы его и просили.

– Но я хочу услышать ваш отчет. Как еще иначе я могу проверить, правду ли он пишет, утверждая, что полностью оправился от раны?

Каро слегка расслабилась, поняв причину визита Макса. Он действительно волнуется и хочет узнать о своем бывшем подчиненном.

Она прикрыла дверь, оставив небольшую щель, чтобы соблюсти приличия.

– Джон Йейтс выздоровел и избавился от уныния и тоски, присущей людям, искалеченным войной. Его состояние куда лучше, чем можно было ожидать.

Макс рассеянно провел рукой по волосам.

– Я рад, что он пишет правду, а не просто старается меня успокоить.

Несколько секунд он внимательно рассматривал ковер, словно захваченный неким мрачным воспоминанием. Потом снова поднял голову, и ее сердце привычно затрепетало.

– А вы? Как живете вы?

Каро стиснула руки, чтобы он не заметил, как они дрожат.

– Спасибо, неплохо, – пробормотала она, решив умолчать о пропавшей подруге.

– Судя по тому, как вы спешили покинуть бальный зал, мне показалось, что я вас чем-то обидел.

На щеках Каро выступили красные пятна.

– О нет, никоим образом.

Он жадно пожирал глазами ее тело... губы... грудь... бедра... словно обнимая взглядом. Каро затрясло от возбуждения.

– Я не привык к тому, что женщины от меня убегают.

– Думаю, это так и есть, – усмехнулась она. – Скорее уж гоняются за вами. Судя по всему, вы главный брачный приз последнего десятилетия.

– Снова цитируете светскую хронику? – сухо усмехнулся он.

– Именно. Даже до нашего острова доходят газеты, мистер Лейтон. Правда, месячной давности, но все же мы их получаем. Ваше имя связывалось с десятком богатых наследниц и титулованных леди, которым не терпится вас заполучить. На прошлой неделе это была европейская принцесса, верно? Сплетники пророчат, что объявление о помолвке очень скоро появится в «Таймс».

– Они ошибаются. Я не собираюсь жениться. А вы? – неожиданно осведомился он, окидывая ее задумчивым взглядом. – Вы хотите выйти замуж, мисс Иверс?

Каро, не ожидавшая столь странного вопроса, растерянно уставилась на него.

– Ни в коем случае.

– Прекрасно. Просто гора с плеч!

– Непонятно, с чего бы это вдруг?

Макс, не отвечая, направился к окну, откинул тяжелую штору и осторожно выглянул наружу.

– Надеюсь, вы не возражаете, если я ненадолго найду здесь убежище?

– Вряд ли это прилично, – поколебавшись, ответила она. – Все-таки это моя спальня.

Макс, обернувшись, оперся плечом об оконную раму и продолжал молчать. Но при этом, подняв брови, изучал ее, всем своим видом словно говоря: «Мы с тобой были в куда более интимной обстановке, чем твоя спальня!»

– Вас так волнуют правила приличия? – осведомился он наконец. – Судя по слухам, вы при каждом удобном случае выказываете полное пренебрежение любыми правилами приличия.

Настал черед Каро опровергать сплетни.

– Вовсе не при каждом удобном случае! Насколько я поняла, вас уже просветили, объяснив шокирующие детали моего лондонского сезона, – сухо бросила она.

– Представьте, я не был так уж шокирован. Похоже, вашим главным преступлением было изучение человеческих внутренностей. А уж этого я насмотрелся во время войны столько, что меня ничем не проймешь.

– Но я женщина, – парировала Каро, не в силах скрыть язвительные нотки. – Светское общество считает возмутительным, если женщина пытается сделать для пациента нечто большее, чем пичкать его заливным из телячьей ножки.

– Нет, вы и в самом деле преступница, – ухмыльнулся он. На миг забыв о привычной сдержанности, она выдавила улыбку.

– Почему бы вам не вернуться на бал, к вашим поклонникам? Уж поверьте, они поведают обо мне истории, леденящие кровь.

Макс покачал головой:

– Бьюсь об заклад, они ничего не знают о настоящей мисс Каро Иверс. Например, то обстоятельство, что вы любите купаться при лунном свете.

У Каро перехватило дыхание.

– Вам действительно не следует оставаться здесь, мистер Лейтон.

– Но почему?

Не дождавшись ответа, он медленно пересек комнату и встал прямо перед ней. Так близко, что Каро поспешно отступила. И, как выяснилось, зря, потому что нечаянно уперлась спиной в дверь, каковая тут же, щелкнув, закрылась.

– Ты боишься меня? – спросил Макс, и его тихий голос показался более интимным, чем прикосновение рук к обнаженной коже.

– Конечно, нет. Но мне кажется, что вы по какой-то причине пытаетесь меня запугать.

– О, пустая трата времени, – улыбнулся он. – Всякому ясно, что такую женщину запугать не просто.

– И это совершенная правда. Но я все же предпочла бы,

чтобы вы ушли.

– А в ту ночь тебя не волновали приличия.

– В какую ночь?

– Опять притворяешься, что не помнишь?

Не отводя взгляда от ее лица, он шагнул еще ближе и коснулся ее губы подушечкой большого пальца.

Каро лихорадочно втянула в себя воздух. Еще бы не помнить! Все это время он присутствовал в ее снах. Даже днем она иногда мечтала...

– Вряд ли ты забыла о той ночи, – усмехнулся он. – Я уж точно не забыл.

Она не могла лгать так дерзко... но по крайней мере... притвориться вполне способна.

– Нет, не забыла. Довольно... интересные впечатления.

– Всего лишь интересные?

Полная решимости противиться этому нелепому притяжению, Каро отошла к столу, где лежал ее чемодан, и принялась деловито складывать шаль.

– Вы задаете слишком много нескромных вопросов, – заметила она.

– Тогда ответь на один. Почему ты отдалась в ту ночь мне, незнакомому человеку?

Каро раздраженно поджала губы, но продолжала играть роль.

– Пожалела вас. Просто пожалела.

Брови Макса взлетели вверх.

– Пожалела?

– Вам было больно. Вы нуждались в утешении.

– И поэтому ты пожертвовала собственной девственностью? – саркастически бросил он. – Скажи, ты каждого чувака утешаешь подобным образом?

– Разумеется, нет, – выдохнула она.

– Разумеется. Я был твоим первым любовником. Некоторые мужчины терзались бы угрызениями совести, лишив тебя невинности.

– У вас нет причин чувствовать себя виноватым, – возразила Каро. – Я, и только я, несу ответственность за все, что случилось между нами. Это я... настояла...

– Насколько припоминаю, я не слишком противился, – сухо перебил Макс. – Не пойму лишь, почему именно ты настаивала. Потому что ты целительница и хотела меня исцелить?

– Не только. – Она отвела глаза, не в силах выдержать его настойчивого взгляда. – Я еще тогда сказала, что хочу познать истинную страсть. Читала в медицинских учебниках о... соитиях... и мне стало любопытно...

В доказательство она вынула из чемодана тяжелый том в кожаном переплете и протянула ему.

Макс, однако, намеренно проигнорировал книгу и снова надвинулся на Каро. Той потребовалась вся сила воли, чтобы остаться на месте и не сбежать с позором и стыдом.

– И я удовлетворил твое любопытство? – внезапно охрип-

шим голосом осведомился он.

– Полагаю, что так.

О, какое невероятное преуменьшение! Страсть опустошает куда сильнее, чем она ожидала. По крайней мере страсть с этим мужчиной.

Он, казалось, ощущал то же самое, потому что тихо завещил:

– Поверь, я никогда не испытывал ничего подобного, как в ту ночь.

Она попыталась что-то сказать, но он приложил палец к ее губам:

– Только не тверди, что это магические чары острова. Это было нечто большее. Гораздо большее.

– Возможно, вы правы, – осторожно обронила она. – Слишком много смертей вы видели и нуждались в мире и тишине. Физическая страсть – один из способов бросить вызов смерти, удостовериться, что ты жив. А интим – естественное средство утешения. В ту ночь вы искали это утешение. Несколько моментов тепла и близости с другим человеческим существом – вот что было тогда главным.

– И откуда вы набрались столько мудрости? – поинтересовался он с веселым восхищением.

Она неловко передернула плечами:

– Дело не в мудрости. Я попросту практична. И хочу, чтобы вы знали... может, я не совсем обычная женщина, но все же не из тех, кто легко отдается незнакомым мужчинам.

– Конечно, нет. Иначе вы не были бы невинны. Он явно дразнит ее! Что тут смешного?

Но Каро не знала, куда деваться от смущения.

Макс несколько секунд изучал ее, прежде чем кивнуть.

– Кажется, я вижу, в чем проблема. Его туманное замечание смутило ее.

– Какая проблема?

– Ты смущена случившимся. Не стоит. В ту ночь ты спасла мне жизнь, ангел.

– О чем это вы?

– Ты понятия не имеешь, верно? – Подняв руку, он осторожно отвел с ее лба прядь волос. – Скажем так: ты облегчила мне возвращение на фронт. Если бы не ты, мне пришлось бы куда труднее.

Она едва не отшатнулась при виде выражения его глаз. Почти... почти чувственного. Ни один мужчина не смотрел на нее вот так. С желанием. Кроме Макса. Кроме Макса в ту ночь...

– С тех пор ты не даешь мне покоя, – просто ответил он едва слышным шепотом.

«Ты тоже не давал мне покоя...»

Каро пыталась сглотнуть, но не смогла. И язык ей не повиновался. Не дождавшись ответа, он медленно потер большим пальцем ее скулу и опустил взгляд к ее талии.

– Ребенка не было?

– Н-нет, – выдавила она.

– Я часто думал об этом.

Он снова шагнул вперед, так что их тела почти соприкоснулись.

Господи Боже, да он опасен, а его прекрасное лицо, синие глаза, чувственный рот сводят ее с ума.

Каро, затрепетав, зажмурилась. От его близости кружилась голова. Она ощущала тепло его тела, помнила поцелуи, все еще горевшие на губах, ласки, касания... чувствовала, как он вонзается в нее...

Святые небеса, она не может, не имеет права предаваться этим сладостным воспоминаниям!

Каро с протестующим возгласом прижала ладони к груди Макса, пытаясь его оттолкнуть, а сама выскользнула, подбежала к камину, подальше от угрозы его объятий, и поспешила встать за спинкой кресла.

Макс молча наблюдал за ней, удивляясь такой пугливости. Не думает же она, что он может причинить ей зло? Нет, скорее всего она просто стыдится, тем более что не ожидала увидеть его. Он сильно подозревал, что Каро Иверс не собирается оставаться такой же беззащитной, как в ту ночь. И сейчас он распознал искру застенчивости в ее светящихся серых глазах. До чего же она уязвима!

Но и он становился столь же уязвимым в ее присутствии. Таких отношений у него еще не было ни с одной женщиной, кроме Каро.

И ни одна так не интриговала его, как эта. До чего же уди-

вительно, что ее приходится добиваться. Не то что здешние красотки, которые видят в нем добычу. Но и это не объясняло полностью его безумное влечение к ней. С той самой ночи его желание ничуть не уменьшилось... мало того, только усилилось.

Да, может, он сошёл с ума и потерял голову. И не стеснялся признаться в этом. Он знал ее всего несколько дней, с тех пор прошло больше года, но потребность сделать ее своей горела в душе ярким пламенем. И теперь, снова найдя, он не собирался ее отпускать.

Но и все козыри выкладывать на стол не хотел.

– Ты упомянула, что завтра отправляешься в долгое путешествие. Не слишком ли рано? Ведь ты только что приехала.

Кажется, она обрадовалась перемене темы.

– Я выполнила все, зачем приехала сюда.

– И что именно это было?

Как ни странно, она не спешила отвечать.

– Собственно говоря... я приехала за Торном, – нерешительно пробормотала она наконец. – Моя лучшая подруга попала в беду.

– И он может помочь?

– Очень на это надеюсь.

– Насколько я знаю, Торн работает на министерство иностранных дел.

Каро удивленно уставилась на Макса.

– Откуда вы знаете?

– Он сам сказал.

Каро нахмурилась, не понимая, почему Торн так откровенен с этим человеком. Все «хранители» обычно пользовались этой легендой, чтобы объяснять посторонним свою тайную деятельность. Сама леди Хеннесси была твердо уверена, что ее племянник – один из главных лондонских представителей сэра Гавейна Олуэна.

Собственно говоря, это даже не было ложью. Теоретически, все «Хранители меча» были подотчетны британскому министерству иностранных дел. Официально сэр Гавейн возглавлял один из отделов министерства, и его работа считалась одной из самых секретных на службе правительства. Но очень немногие знали, сколько на самом деле агентов было под его началом. И только двум из этих избранных было известно, как основывался орден и как глубоко проникли его «хранители» в современное британское и европейское общество.

Причина такой секретности была крайне веской, поскольку именно секретность считалась основой успешных операций.

Каро хотела что-то ответить, но раздавшийся стук заглушил ее слова.

– Это, должно быть, Торн, – пробормотала она, подходя к двери.

В руках Торна был кожаный мешок, наверняка содержащий депеши для сэра Гавейна. Он вручил ей мешок, но

прежде, чем успел что-то сказать, она показала на первого гостя.

Заметив Макса, Торн остановился и удивленно выгнул бровь.

– Мистер Лейтон уходит, – объявила Каро.

– Как ни тяжело мне противоречить леди, все же придется. Я никуда не собираюсь уходить, – дружелюбно заметил Макс. – Я как раз собирался узнать, в какую ужасную беду попала подруга мисс Иверс и почему тебя призвали на помощь.

Торн долго колебался, переводя взгляд с Каро на Макса.

– Леди Изабелла Уайлд, – выговорила она, наконец. – Вы ее знаете?

– Нет, только слышал. Она была в отъезде, когда я в прошлом году гостил на Кирене. Эксцентричная богатая вдова.

– Эксцентричной ее не назовешь, – вступилась Каро за подругу. – Просто любит путешествия и меньше скована условностями, чем большинство женщин. Ее отец – граф Аранда, он был одним из самых влиятельных испанских министров.

– Именно из-за своей любви к приключениям Белла не раз попадала в переplet, – добавил Торн. – Просто на этот раз положение серьезнее, чем обычно. Ее судно скорее всего захвачено берберскими пиратами...

Он наскоро рассказал Макс, что произошло, не утаив и того, что Изабеллу, возможно, продали в рабство.

Откровения Торна удивили Каро. Она не видела причины

делиться подробностями с Максом, тем более что исчезновение Изабеллы его не касается.

Она также не могла понять, почему Макс упорно не желает покинуть ее спальню. Любой джентльмен давно бы понял намек и вежливо распрощался. Но Макс Лейтон, очевидно, не обычный джентльмен. Уж очень привык командовать и требует беспрекословного подчинения. И в отличие от нее его положение было достаточно высоким, чтобы он мог спокойно игнорировать правила и законы высшего общества, не навлекая на себя позора и не вызвав скандала.

– Значит, вы намереваетесь искать леди Изабеллу? – уточнил наконец Макс.

– Да. Завтра на рассвете я отправляюсь в Алжир. Тем временем нескольких друзей Изабеллы вызвали на Кирену на случай, если придется организовать спасательную экспедицию. Пока они соберутся, может пройти несколько недель, но к тому времени я надеюсь получить точную информацию о ее местонахождении.

– Возможно, и я смогу помочь, – протянул Макс.

– Ты? Ты хочешь все здесь бросить и помочь нам? – удивился Торн.

Макс кивнул.

– Несколько раз за свою военную службу мне удалось организовать освобождение взятых в плен британских солдат. Буду счастлив поделиться с вами своим опытом.

– Вам не стоит приносить такую жертву, мистер Лейтон, –

поспешно вмешалась Каро. – Вы только недавно вернулись к мирной жизни, и мы слишком много потребуем от вас, позволив ввязаться в очередной конфликт.

Макс устремил на нее взгляд:

– Вы спасли моего лейтенанта. Я попробую вернуть долг, сумею спасти вашего друга.

– Он прав, любовь моя, – поддержал Торн. – И насколько мне известно, Макс – блестящий тактик. Он может стать ценным приобретением в любом предприятии подобного рода.

Каро нахмурилась, пораженная тупостью Торна. Только при условии полной секретности «хранители» способны действовать наиболее эффективно. Если в этом деле будет участвовать Макс, вряд ли существование ордена останется для него тайной. И только сэр Гавейн имеет право решать, кого удостаивать доверием.

– Думаю, ты забываешь нелюбовь сэра Гавейна к участию чужаков в подобных предприятиях, – многозначительно подчеркнула Каро.

Торн широко улыбнулся:

– В этом случае я уверен, что сэр Гавейн меня простит. Макса не зря считают героем войны. Ему не раз приходилось выходить победителем в битвах, когда враг превосходил его не только численностью, но и вооружением. Именно его усилиями война закончилась гораздо раньше, чем могла бы. Нам нужны люди с его талантами и острым умом.

Каро вскинула брови, пытаясь заставить Торна понять ее

тревоги.

– Можно поговорить с тобой наедине?

– В этом совершенно нет нужды, любимая. Мы можем спокойно говорить в присутствии Макса. Для того чтобы участвовать в спасении Изабеллы, ему совершенно не обязательно работать в министерстве иностранных дел. Не сомневаюсь, что рано или поздно сэр Гавейн захочет завербовать его, но пока что он может просто присоединиться к нам как гражданское лицо.

Каро неохотно признала, что Торн, должно быть, прав. Максимум совершенно не обязательно рассказывать о «хранителях». Достаточно объяснить, что у Изабеллы есть защитники, исполненные решимости спасти ее. И любой новичок должен показать себя в деле, прежде чем получить приглашение вступить в орден. Торн явно увидел для Макса возможность доказать, на что тот способен. А вот Каро сильно сомневалась, что Макс Лейтон захочет посвятить жизнь их деяниям. Но вряд ли стоит обсуждать это, когда он стоит прямо перед ними, с живым интересом прислушиваясь к спору.

– Все очень просто, – пояснил Торн. – Макс может сопровождать тебя на Кирену и поселиться в твоём доме, пока мы не вернем Изабеллу.

Каро продолжала колебаться. В ней росло внутреннее сопротивление. Макс, разумеется, будет крайне ценным приобретением. И она не позволит своим личным чувствам ме-

шать достижению общих целей.

И все же она предпочла бы вообще не иметь дела с Максом. Не была готова к сложностям, ожидающим ее по пути на остров. Он будет слишком отвлекать ее от главной задачи. Недаром стоит ему подойти ближе, как она смущается, краснеет и теряет голову. Если же он будет ее сопровождать, вряд ли она сумеет совладать со своими нервами.

Более того, она не собирается снова соблазнять его так глупо и дерзко, как в прошлый раз. И снова переживать чувство невыразимой потери после его ухода.

Но может ли она высказать эти доводы вслух?

– Все равно не думаю, что его участие – такая уж хорошая идея, – пробормотала Каро.

– Почему нет? – с любопытством спросил Макс.

– Прежде всего я никогда не прощу себе, если с ним случится несчастье.

– Сомневаюсь, что опасности могут хотя бы отдаленно сравниться с той, что встречались во время войны.

– Но экспедиция в Берберию связана с риском для жизни.

– Я готов попробовать. И хотя я не особенный поклонник приключений и авантюр, все же немного отвлечься не помешает. Вся эта привольная гражданская жизнь начинает действовать мне на нервы.

– Хотите сказать, что находите ее унылой и скучной? – мило осведомилась Каро.

– Что-то в этом роде, – сухо согласился Макс.

– В таком случае, уверяю, вы не захотите оказаться на нашем крошечном острове. Наше общество ужасно отсталое по сравнению с лондонским. Вы найдете мало удобств, к которым привыкли, а уж о светской жизни *к* говорить нечего. И скоро затоскуете по цивилизации, какой вы ее привыкли видеть. Кроме того, ряды поклонниц, готовых пасть к вашим ногам, значительно поредеют.

От его медленной улыбки у нее привычно сжалось сердце.

– Откровенно говоря, это основная причина моего отъезда. Здесь так и кишат заботливые маменьки, которые уже точат на меня ножи. Участие в вашем приключении даст мне хороший повод ускользнуть от молодых барышень, которые спят и видят, как бы потащить меня к алтарю.

– Совершенно верно, – хмыкнул Торн. – И я уверен, что Макс не упустит случая насладиться миром и покоем. Более того, – Торн пронзил Каро строгим взглядом, – ты, моя милая озорница, сама не прочь немного отвлечься. Общество Макса поможет хоть ненадолго забыть о судьбе Беллы. Может, он даже сумеет вытащить тебя из твоей раковины.

Каро сердито нахмурилась:

– Нет у меня никакой раковины.

– Есть, любовь моя. И бьюсь об заклад, она стала еще толще в мое отсутствие, поскольку некому в нее стучаться и терзать тебя. Ты нуждаешься в ком-то вроде Макса, чтобы постоянно дразнить тебя и не давать покоя.

– Твое отсутствие было приятной передышкой, можешь в

этом не сомневаться, – парировала Каро.

Макс наблюдал за их дружеской перепалкой: ее серые глаза сверкают, щеки покраснелись... и невыразимое желание вместе с прежним влечением охватило его.

Такая реакция удивляла. Последний, кошмарный год войны он провел в мечтах об этой женщине, но считал ее своим ангелом-хранителем, а не предметом желания. Не ожидал, что его ощущения будут такими... плотскими. Не ожидал, что чувственный голод разгорится так жарко.

Всего несколько минут назад, подойдя достаточно близко, чтобы коснуться Каро, он испытал всепоглощающую потребность поцеловать ее, ощутить вкус нежных губ, вонзиться как можно глубже в тесное тепло. Даже теперь его чресла оставались напряженными.

Его больно уязвило заявление Каро, что их любовные ласки были не чем иным, как способом удовлетворить любопытство, хотя сам Макс подозревал, что та ночь значила для нее больше, чем она была готова признать.

Его также задевала ее близкая дружба с Торном. Ни одна женщина не вызывала в нем такого свирепого укола ревности.

Кроме того, Макса поражала его собственная готовность сопровождать ее на Кирену. Не хватало еще, чтобы война снова напомнила о себе в образе очередной спасательной экспедиции. Но он в большом долгу перед Каро не только за спасение лейтенанта, но и за сохранение его собственного

рассудка.

И теперь даже артиллерийская канонада не смогла бы удержать его от поездки на остров.

Он мог лгать себе и предлагать кучу доводов, чтобы оправдать свое решение. Но может, жизнь среди золотистой безмятежности острова поможет ему найти покой, которого он по-прежнему был лишен.

Но про себя он точно знал, что причина его возвращения куда серьезнее: это его шанс обнаружить, действительно ли волшебство, которое осветило ту ночь с Каро Иверс, настоящее, или это просто временные чары, наведенные красотой острова, те чары, которые не выдержат первых лучей солнца.

Сколько месяцев он провел, преследуемый ее образом! И если упустит ее сейчас, всю жизнь будет мучиться сознанием, что, возможно, совершил фатальную ошибку.

Он должен вернуться, только чтобы доказать себе, что ее странная власть над ним может быть разрушена. Что легендарная сила острова – не более чем миф.

Теперь он наверняка сможет изгнать Каро из своих мыслей, грёз и снов и начать новую жизнь.

Остается убедить ее согласиться с его присутствием. Она, очевидно, вовсе не желает капитулировать.

Он вскинул голову, и их взгляды скрестились.

– Мне показалось, вы утверждали, что не боитесь меня, мисс Иверс.

Гневный блеск в ее глазах был свидетельством того, что

он попал не в бровь, а в глаз.

– Я не боюсь вас!

– В таком случае не понимаю причины ваших возражений.

– Прекрасно, – бросила она, не скрывая раздражения. – Можете ехать, если хотите. Я бы заручилась пособничеством самого дьявола, если бы он помог мне найти Изабеллу.

Макс невольно улыбнулся:

– Вы ставите меня на одну ногу с дьяволом?

– По крайней мере, начинаю так думать, – отрезала она, вызываяще подбоченясь. – Конечно, мы должны быть благодарны за любое содействие, которое вы можете нам оказать, но прошу не винить меня, если будете умирать от скуки.

– Подозреваю, что скука окажется наименьшей из моих тревог, – пробормотал Макс себе под нос, тщательно скрывая свое торжество при виде капитуляции Каро.

– Значит, договорились, – удовлетворенно объявил Торн. – Вы оба завтра отплываете на Кирену.

В этот момент Макс ощутил, как мышцы живота судорожно сжались. Он знал, что это такое, нечто подобное случилось с ним перед каждым сражением: тело сковано напряжением, нервы гудят предвкушением боя, возбуждением, страхом.

Восторг опасности. Предчувствие поражения.

Макс продолжал смотреть Каро в глаза, наслаждаясь пляской гневных искорок. И все же он вполне представлял

всю трудность задачи. В нем росла странная уверенность, что эта битва будет куда важнее, чем все, которые он вел до сих пор. Именно ее было настоятельно необходимо выиграть.

Глава 3

Обратное плавание оказалось именно таким беспокойным, как и предвидела Каро. Вынужденная близость с Максом Лейтоном то и дело воскрешала воспоминания о его прошлом посещении острова. О трех напряженных днях, которые они провели, сражаясь за жизнь человека. Об их безумной, чарующей ночи страсти. О горьковато-сладкой боли, которую она еще долго испытывала после того, как Макс исчез из ее жизни.

К досаде Каро, все мечты о нем вернулись с новой силой, а вместе с ними – чувственные фантазии, будившие в ней жажду, голод и мешавшие спокойно дышать. И хуже того: путешествие давало ему слишком много возможностей пытаться проникнуть в ее секреты, а ей – волей-неволей узнать кое-что о нем.

Но разве можно было его игнорировать, тем более что они были единственными пассажирами частной шхуны. Обедали в капитанской каюте вместе с офицерами, но, даже не оставаясь наедине с Максом, Каро находила его присутствие раздражающим, особенно в такой тесноте.

Сначала она пыталась скрываться в своей крохотной каюте, но к середине следующего дня тоска и скука выгнали ее на палубу, под порывы ледяного морского ветра, навстречу возможности встретить Макса. Как-то она увидела его у са-

мого борта. Он стоял, опершись о поручни, словно сражаясь с ритмичным раскачиванием судна, разрезавшего серые волны. Каро опять разволновалась, вспомнив об их ночи в руинах, когда Макс смотрел на залитое лунным светом море.

Он неожиданно повернулся и встретился с ней взглядом, и Каро обдало привычным жаром.

Проклиная свое достойное всякого порицания влечение к нему, Каро нашла капитана и потребовала дать ей какое-то занятие, в надежде хоть ненадолго забыть о неотразимом мужчине с угольно-черными волосами, а заодно и о судьбе Изабеллы.

Краснощекий, дородный, уже немолодой капитан Биддик вот уже много лет был «хранителем» и вместе с Каро выполнял бесчисленные поручения. Поэтому он не только нагрузил ее бесконечной работой наряду с остальными членами команды, но и стал обучать основам судовождения и штурманского дела.

В эту ночь, когда она училась пользоваться секстантом, Макс нетерпеливо бродил по корме шхуны. К ее удивлению, он казался таким же беспокойным, как она сама.

Однако ей целых два дня удавалось избегать разговора с глазу на глаз. Третий день выдался хмурым и холодным, так что Каро нашла местечко с подветренной стороны шпангоута и принялась чинить парус.

Через несколько минут где-то справа послышался странный глухой стук. Когда стук повторился несколько раз, Каро

отложила шитье и пошла посмотреть, в чем дело, осторожно шагая по палубе, огибая ящики с грузом. И остановилась, заметив Макса у бизань-мачты. Каково же было ее удивление, когда Каро заметила блеск стали в поднятой руке. Лезвие ножа сверкнуло, разрезая воздух, и вонзилось в бочонок, стоявший ярдах в десяти от мачты.

Значит, он упражняется в метании ножа! Бочонок, должно быть, пуст, поскольку жидкость оттуда не вытекала, хотя с каждым броском лезвие погружалось все глубже.

Каро словно приросла к месту, не сводя глаз с Макса. Тот устремился к бочонку, вытащил нож, вернулся на прежнее место и снова размахнулся. И продолжал в том же ритме, вроде бы даже не целясь. Но его убийственная точность завоевала ее невольное восхищение.

Так прошло минут пять, прежде чем он заметил ее присутствие и, взвешивая на ладони нож, окинул ее пронзительным взглядом.

– Интересно, знает ли капитан, что вы проделали кучу дыр в его бочонке с бренди? – поинтересовалась Каро, выходя из тени.

– Собственно говоря, это мой бочонок с бренди. Я выиграл его в карты у Биддика.

– Что же, достойная победа. Его не так-то легко обыграть. Губы Макса скривились в улыбке, от чего ее сердце болезненно встрепенулось.

– Но я и сам немало наловчился во время бесконечной

кампании на Пиренейском полуострове.

– Хороший способ развеять скуку?

– Отчасти.

– Вы прекрасно владеете ножом. Макс опустил глаза.

– Это всего лишь... хобби.

– Хобби? Метание ножей?

– Помогает убить время, – равнодушно бросил он.

– Я предупреждала, что путешествие крайне утомительно.

– Совершенно верно, – кивнул он, задумчиво прищурился глаза. – Все эти дни я наблюдал за тобой, ангел. Ты не находишь себе места, как кошка перед грозой.

– Потому что тревожусь за Изабеллу.

– И это единственная причина? – допытывался он, вскинув брови. – Скажи, это игра моего воображения, или ты избегала меня с той минуты, как мы покинули Англию?

– Не понимаю, о чем это вы, мистер Лейтон, – с вымученной улыбкой увильнула Каро от ответа.

– Макс. И не пойму, почему ты обращаешься со мной как с незнакомцем.

– Но вы и есть незнакомец.

– Когда-то мы были любовниками. Думаю, это нечто большее, чем просто знакомые.

Каро тихо охнула и бесстыдно уставилась на полные, чувственные губы Макса, вспоминая, как их влажный жар опалял ее груди. Резкое, мучительно острое желание словно прострелило ее лоно.

Она глубоко вздохнула, стараясь успокоиться.

– Та ночь, очевидно, была ошибкой.

– Только не с моей точки зрения, – возразил Макс, небрежно сунув нож в карман куртки, после чего перевернул два бочонка и устроился на одном, облокотившись на переборку. – Расскажи о леди Изабелле.

Каро, чуть поколебавшись, присоединилась к нему. К собственному удивлению, она вдруг обнаружила, что хочет объяснить Макс, почему готова сделать все, чтобы спасти Изабеллу, и как случилось, что они так крепко сдружились.

– Моя мать умерла, когда мне было восемь лет. Белла была нашей ближайшей соседкой. Она в основном и вырастила меня, хотя постоянно твердила, что лишена материнского инстинкта. Дело в том, что мой отец почти постоянно был в отлучке. А Изабелла только после смерти второго мужа стала путешествовать по всему миру в поисках приключений.

– Значит, ты всегда жила на Кирене?

– Не всегда. Мои родители приехали туда, когда я была совсем маленькая. У матери были слабые легкие, и доктора считали, что теплый климат ей поможет. Он и помог, но недостаточно. – Каро грустно улыбнулась. – Собственно говоря, чахотка, убившая мать, и была основной причиной моего интереса к медицине.

– И твой отец тебя в этом поддерживал?

– Полностью. Он был рад, что у меня есть занятие.

– Но почему он так часто уезжал?

– Различные дипломатические поручения для министерства иностранных дел, – ответила она фразой, специально изобретенной для посторонних. – Он так тяжело пережил смерть матери, что с головой ушел в работу. А когда мне было шестнадцать, его убили...

Каро внезапно осеклась. Отец погиб во Франции, выполняя поручение «хранителей», после чего она заняла его место в ордене. Но о подробностях его смерти лучше умолчать: Макс слишком умен, чтобы не заподозрить неладное.

Не дождавшись продолжения, он задал еще один нескромный вопрос:

– И все же на время сезона ты жила у тетки Торна. Как это получилось?

Слава Богу, он выбрал безопасную тему. Она может вспоминать о тех днях без горечи и обиды. Может даже посмеяться над собой, над наивным желанием стать одной из своих в этом спесивом, надменном обществе. Теперь их признание и одобрение казалось чем-то незначительным, вероятно, потому, что у нее было много куда более достойных способов занять время.

– Как ни странно это звучит, но мы с леди Хеннесси подружились, когда она приехала на остров в гости к Торну. К тому времени ее дочери были уже взрослыми, и думаю... она возмутилась, найдя меня столь провинциальной и лишенной светских манер, – сухо усмехнулась Каро. – Надеюсь, вы знаете, что леди Хеннесси одна из заправил общества?

– Разумеется, – кивнул Макс.

– Так вот, она твердо уверена, что у каждой молодой леди должен быть лондонский сезон. Она взяла меня под свое крылышко и предложила оплатить все расходы. Но именно Изабелла убедила меня отправиться в Англию. Она всегда презирала британское общество, но твердила, что я просто обязана расширить свой кругозор, прежде чем строить планы на будущее. Увидеть мир и уж только потом похоронить себя на острове. Она считала, что, если я увижу настоящую жизнь, сумею сделать лучший выбор.

Например, ни за что не становиться «хранителем»...

– Понимаете, все молодые леди на острове обязательно проводят в Лондоне хотя бы один сезон. Поэтому пять лет назад и я отправилась в Лондон вместе с двумя другими де-бютантками и их семьями. Чем все это закончилось, вам известно. Скандалом.

– Из-за вашего нетрадиционного интереса к медицине?

Каро наморщила носик и кинула на Макса задорный взгляд.

– Совершенно верно. И, как вы уже успели заметить, во мне нет ничего чинного, приличного и скромного.

Глаза Макса весело сверкнули.

– Нет, скромность и чинность – не те качества, которыми отличается твой характер.

– Кроме того, я решительно отказывалась учиться всем женским искусствам, чтобы поймать достойного мужа. По-

этому, не желая и дальше подвергать леди Хеннесси публичному позору, я сократила свое пребывание в Лондоне. Но втайне была только рада поскорее вернуться домой, на Кирену, и работать с доктором Алленби. – Ее улыбка стала откровенно вызывающей. – И решила, что буду вполне счастлива доживать свои дни старой девой. Поверьте, я ни на секунду об этом не пожалела. Моя жизнь достойна и прекрасна.

И это было действительно так. Она делала все, что в ее силах. Отправлялась выполнять задания «хранителей» в том случае, когда срочно требовалась женщина или медик. Помогала стареющему доктору на острове, хотя вначале ей пришлось преодолевать предрассудки жителей острова, особенно мужчин.

Но теперь Макс снова смотрел на нее с этим странным выражением в глазах, словно никак не мог решить, чему верить, когда речь идет о таком создании, как Каро.

– И ты без сожалений оставалась незамужней все это время? – спросил он.

Каро кивнула. Она отказывалась выходить замуж по многим, достаточно серьезным причинам. И больше всего ее тревожило возможное требование мужа отказаться от столь необычных для леди занятий.

Каро вновь подняла глаза на Макса и сухо усмехнулась:

– Вряд ли какой-то джентльмен, считающий себя уважаемым и респектабельным, захочет иметь жену, которая каждый день возится в крови и гное да еще и рассматривает об-

наженные тела.

– Тут ты права, – признал Макс, согласно кивнув. – Но не думаю, что все мужчины будут возражать против твоего призвания.

Может, и нет. Но никто не потерпит такого опасного занятия, как служение ордену «хранителей». Да и она не рискнет открыть тайны ордена чужаку, даже если этот чужак – ее собственный жених или поклонник. Следовательно, обычные отношения между женщиной и мужчиной для нее невозможны. Она уже давно смирилась с тем, что никогда не будет вести нормальную жизнь.

– Большинство завидных женихов нашего острова не обладают настолько широкими взглядами, – беспечно бросила она. – А я никогда не захочу покинуть Кирену, чтобы жить в Англии.

Были еще и другие причины оставаться одинокой, кроме того факта, что любой мужчина хотел иметь примерную жену.

Каро, сама того не замечая, вскочила и глянула поверх поручня на серые воды Атлантического океана. Все мужчины, которыми она восхищалась и которых уважала достаточно, чтобы выйти за одного из них замуж, были «хранителями», и она относилась к ним скорее как к братьям, чем возможным женихам. Правда, втайне она всегда завидовала глубокой, беззаветной любви, выпавшей на долю ее родителей. Если она до сих пор не встретила такую любовь, к чему то-

гда выходить замуж? Кроме того, она больше не девушка, а джентльмены, как правило, высоко ценят девственность ноборачных.

Каро смущенно покраснела и снова уставилась на неспокойное море. За последние несколько дней пришлось вспомнить еще одну причину, по которой она намеревалась остаться одна. И эта причина – Макс Лейтон.

Он подарил ей невероятно чувственную ночь страсти и сознание того обольстительно могущественного влечения, которое может существовать между мужчиной и женщиной.

Правда заключалась в том, что с тех пор, как она познала страсть этого мужчины, довольствоваться чем-то меньшим, не было смысла.

Она украдкой взглянула на него, любясь прекрасными чеканными чертами его лица. Яростная нежность его ласк изменила ее. После их ночи становилось все труднее довольствоваться той жизнью, которую она вела. Макс пробудил в ней дремлющие до сих пор инстинкты. Обострил женские желания, от которых она так старалась отречься. Она даже позволила себе гадать, каково это – иметь мужа... семью... возможно, детей...

Пришлось с головой окунуться в работу, но иногда даже усталость не могла заглушить навязчивые мысли, затмить недозволенные образы.

А теперь она и вовсе была не в силах отделаться от Макса. Стоило ему подойти и встать рядом, как она полностью

ощутила всю силу его могучего притяжения. Его близость волновала ее, будила чувства, заставляла кровь петь в жилах, наполняла ее потребностью... безумным желанием, которое она до этого познала всего однажды...

Каро изо всех сил сопротивлялась непрошенной волне эмоций, нахлынувшей на нее, и все же его небрежное замечание застало ее врасплох.

– Трудно поверить, что ни один мужчина не добивался тебя. Не хотел стать твоим любовником. Неужели все мужчины на Кирене слепы?

Каро сама не понимала, как ей удавалось казаться спокойной.

– Ни в малейшей степени. Они просто находят меня чересчур устрашающей, властной и независимой. Кроме того, большинство мужчин предпочитают определенный тип красоты. Я вряд ли соответствую их идеалу. Не бледна, не хрупка, не беспомощна, не величественна и не могу похвастаться пышной фигурой. Я обнаружила, что многие мужчины восхищаются полногрудыми дамами.

– Я нахожу прелестной твою кожу, которую поцеловало солнце. И могу заверить, что у тебя изумительное тело.

Каро чуть свысока взглянула на него.

– Вам нет нужды осыпать меня пустыми комплиментами, мистер Лейтон.

– О нет, это не пустые похвалы. Я нахожу тебя невероятно желанной.

Она скептически усмехнулась. Макс не находил слов от изумления. Подумать только, Каро Иверс равнодушна к собственной красоте!

Верно и то, что она не соответствует нынешним идеалам женственности и красоты. Мало того, ее прямота и откровенность, а также естественность выделяли ее из сонма светских красоток. Фигура была стройной и гибкой, более мальчишеской, чем того допускала мода, тело – упругое и слегка мускулистое. И она не делала ничего, чтобы выгодно подчеркнуть свои преимущества, носила темные, простые платья и укладывала кудрявые непокорные волосы в строгий узел. Руки, хоть и мягкие, были сильными и умелыми, а не изящными и изнеженными.

Правду сказать, она разительно отличается от тех роскошных, элегантных женщин, которых он когда-то находил привлекательными. И все же, к собственному удивлению, он считал Каро красавицей. И необыкновенной личностью.

Под внешней сдержанностью таилось нечто неожиданное: неистовое, страстное и непередаваемо чувственное.

Волшебница, которую он познал в ту ночь на Кирене, была наделена чувственностью, которой он до этого не видел ни у одной женщины. Ее невинный, пылкий ответ на его ласки заставил Макса потерять голову. Даже сейчас, при одном воспоминании, его охватывал жар.

И она была храброй, отважной и неsgiбаемой – качества, которые он ранее считал присущими исключительно мужчи-

нам. С самого начала он был поражен ее острым умом. И, что удивительнее всего, она придавала значение только действительно важным вещам. Главным для нее было спасти жизнь умирающего и выручить из плена подругу. Он подозревал, что Каро ничего не делает наполовину. Торн был прав, считая ее уникальной, особенной, единственной в своем роде.

Мысль о Торне, однако, вновь зажгла искру ревности в его груди.

– Что между тобой и Торном? – неожиданно спросил он. – Вы, случайно, не любовники?

Она растерянно моргнула от столь неожиданной смены предмета беседы, но, опомнившись, тихо рассмеялась:

– Господи, нет! Он считает меня кем-то вроде сестры.

– Значит, в твоей жизни нет другого мужчины?

Каро озадаченно нахмурилась:

– Почему вы спрашиваете?

– Я настолько собственник в душе, что хочу быть твоим единственным любовником, – очертя голову признался Макс.

И услышал, как она охнула, ошеломленно уставясь на него. Но довольно быстро пришла в себя, потому что надменно вскинула подбородок.

– Если вздумали использовать меня, просто чтобы провести время и найти лекарство от скуки, можете немедленно об этом забыть.

Макс покачал головой:

– Скука никогда не представляла для меня проблем. Во время войны я привык к долгим часам ожидания между битвами и научился такой добродетели, как терпение.

– Тогда что вы задумали? – прошипела она, зловеще прищурившись. – Собираетесь провоцировать меня, как предложил Торн? Заверяю, мне не требуется обольщение, чтобы отвлечь ох мыслей о судьбе Изабеллы!

– О нет, это не входило в мои планы, и все же я очень хотел бы вновь стать твоим возлюбленным!

– Почему? – вызывающе бросила она.

– Потому что после одной лунной ночи, – честно ответил Макс, – я одержим ангелом милосердия. И мне необходимо знать, реально ли то, что я испытываю к тебе, или всего лишь фантазия.

Каро долго недоверчиво молчала, прежде чем ответить:

– Говорю же, в ту ночь вас просто мучили ужасы войны.

– Может, и так. Но мой разум отчего-то отказывается соглашаться с логическими доводами. Как и мое тело. – Его взгляд упал на ее груди. – А твое?

«Да, конечно, да».

Она почти не контролировала чувственные реакции своего тела на его близость.

Макс, подняв глаза, удовлетворенно улыбнулся. Словно прочитал ее мысли!

Но девушка решительно покачала головой:

– Я прекрасно вас поняла, мистер Лейтон. Та ночь была

всего лишь фантазией. На вас подействовали чары Кирены. Потому вы нашли меня желанной... тогда... и потому ваше воображение сейчас сыграло с вами злую шутку.

Макс оперся локтями о поручень.

– Ты утверждаешь, что твой волшебный остров создал Аполлон, но это, разумеется, чистейший миф.

– Возможно, но я всегда находила его привлекательным. Кирена была водяной нимфой и принцессой, обожавшей охоту и борьбу со львами...

– Львами? – удивился Макс. – Действительно необыкновенное создание.

– Так оно и было. Аполлон увидел ее и влюбился, но когда она отвергла его, заколдовал уединенный остров, создав рай для влюбленных, где держал ее пленницей, пока она не полюбила его в ответ. И по сей день остров производит необыкновенное воздействие на всех, кто туда приезжает.

– Воздействие на простых смертных?

– Да. Он заставляет их ощущать страсть. Поэтому вы воображаете, что снова хотите стать моим любовником.

Макс взял Каро за локоть и повернул лицом к себе.

– Но в ту ночь ты испытала страсть, ангел?

Каро вспыхнула:

– Ну... да... но на меня подействовали те же чары. Макс пристально всмотрелся в нее.

– Думаю, то, что мы испытали в ту ночь, не имеет ничего общего с какими-то чарами, – покачал он головой, подвига-

сь ближе. – И я не верю, что ты так хладнокровна, как при-
творяешься.

Он неожиданно погладил ее по щеке, опалив Каро своим
прикосновением. Она резко отпрянула.

– Мои ласки жгут, верно? – пробормотал он. Сжигают...

Каро вдруг представила сильные бронзовокожие пальцы,
сжимающие ее белые груди в серебристом лунном свете.

– Ты помнишь? Помнишь мое вторжение? Помнишь, как
я двигался между твоими бедрами? – едва слышно спросил
он.

У Каро голова пошла кругом. Стоило представить мощ-
ную мужскую плоть, вонзавшуюся в нее, и она задохнулась.
Но, отказываясь признать свою слабость, беспечно бросила:

– Я прекрасно помню ту ночь и вовсе не горю желанием
ее повторить. Мне не нравится терять разум из-за минутного
очарования.

От его медленной понимающей улыбки ее сердце засту-
чало сильнее.

– Думаю, ты себя обманываешь.

– А я думаю, вы чересчур переоцениваете свою привле-
кательность.

Глаза Макса потемнели.

– Обещаю, что не дам тебе забыть того, что было между
нами той ночью.

Их взгляды скрестились. В воздухе между ними словно
молния промелькнула, и Каро стало трудно дышать. Жар-

кое притяжение росло с каждой секундой, становилось все напряженнее. Макс снова поднял руку и осторожно провел большим пальцем по нижней губе Каро.

Ее снова обожгло. По телу разлилось тепло, посылая по нервам крохотные искорки желания. Она хочет, хочет его, и в этом нет сомнения.

Расстроенная и встревоженная, Каро отступила, но, овладев собой, надменно подняла подбородок.

– Не волнуйся, – пробормотал Макс, слегка улыбнувшись. – Я не собираюсь насиловать тебя здесь и сейчас.

– Я бы посоветовала вам и не пытаться.

Однако ее предупреждение ничуть на него не подействовало. Макс, очевидно, не имел ни малейшего представления о весьма опасных искусствах, которыми она владела. До сих пор он видел в ней лишь целителя, талант, которым восхитился бы любой военный. Знай он некоторые мужские черты ее характера, вряд ли так уж стремился бы стать ее любовником, заявляя, что находит ее желанной.

Каро протянула руку:

– Пожалуйста, дайте мне нож.

Макс немного помедлил, удивленно пожал плечами, но все же подчинился, вытащив нож из кармана куртки.

– Позвольте показать, почему джентльмены находят меня чересчур устрашающей, – сладко улыбнулась Каро.

Повернувшись, она тщательно прицелилась в бочонок, служивший Максиму мишенью, после чего отвела руку и мет-

нула нож. Лезвие, вибрируя, вонзилось в дерево дюймах в двух от центра.

– Не слишком метко, – вздохнула она. – Давно не тренировалась. Но уверяю, я могу и лучше. К сожалению, сейчас мне нужно выполнять задание капитана Биддика. Так что, если устанете бросать нож и захотите немного отвлечься, можете принести некоторую пользу, чиня паруса.

Довольная, что последнее слово осталось за ней, она повернулась к нему спиной. Но ей показалось, что она слышит тихий хриплый смешок, который еще долго будет ее преследовать.

Каро не слишком поверила в его признание. Он хочет стать ее любовником? Скорее всего просто пытается убить время и развлечься, обольстив ее, поскольку она единственная женщина на борту. А может, просто выполняет просьбу Торна, забавляя ее ничего не значащими признаниями во время долгого путешествия.

Не может она поверить и другому поразительному заявлению: оказывается, он одержим ею после их страстной ночи вместе! По ее мнению, Макса просто заворожила красота ночи. Воспоминания – причина тому, что он до сих пор испытывает к ней желание. Но эта его одержимость вряд ли продлится при более близком знакомстве.

И все же Каро жалела, что большая часть совместного путешествия еще впереди. Чем скорее они доберутся до острова, тем меньше ей придется в дальнейшем бывать в обществе

Макса.

Ей не терпелось поскорее оказаться дома и узнать, нет ли каких известий от Изабеллы. Шхуна была куплена сэром Гавейном и славилась своей скоростью, поскольку имела специальную конструкцию и легко обгоняла другие суда. Но все же путешествие длилось куда дольше, чем хватало терпения у Каро.

Когда они обогнули Гибралтар и серый цвет Атлантики уступил приветливому синему сверканию Средиземного моря, Каро стало намного легче в знакомом теплом климате. И все же ее настроение оставалось мрачным. В ясные дни она могла различить очертания Берберийского побережья на южном горизонте, где Изабеллу скорее всего держали в плену.

Стоило подумать о Белле, затерявшейся в огромных просторах Аравии, как Каро приходила в отчаяние.

Как ни удивительно, но настроение Макса казалось еще хуже, чем у нее. К началу второй недели их совместного путешествия он уже бесконечно мерил шагами палубу. Иногда по ночам она видела, как он крадется по судну медленной, разъяренной походкой загнанного в клетку зверя. Его словно терзали темные демоны.

Она так расстраивалась за него, что как-то днем подошла ближе, когда он снова стоял у поручня.

– Буду рада прописать снотворное, – предложила она. – Если считаете, что это поможет.

Он угрюмо уставился на нее.

– Что заставило вас посчитать, будто я нуждаюсь в снотворном?

– Может, ваше желание протереть подошвами дыры в палубе капитана Биддика? – улыбнулась она, но лицо его еще больше потемнело.

– Мне не нравятся последствия приема опия.

– Есть несколько трав, которые не вызывают таких кошмаров, как настойка опия.

– Не стоит пытаться излечить меня, ангел.

Его сухой тон задел Каро, и все же она не могла вот так просто уйти от страдающего человека.

– Вы плохо переносите плавание?

Макс колебался так долго, что она уже отчаялась получить ответ. Но тут он покачал головой:

– Нет, но это путешествие воскрешает воспоминания о том времени, когда я так безмятежно отправился на войну. Впрочем, транспортные корабли, перевозившие нас на Пиренейский полуостров, были куда менее роскошны, чем этот.

Каро думала, что он добавит что-то. Но Макс продолжал молчать.

– Ну... – Она положила руку на его рукав и ощутила, как напряглись мышцы. – Если я смогу чем-то помочь, только попросите.

Его губы шевельнулись, словно пытаясь удержать ответ.

– Все будет хорошо, – резко бросил он, отнимая руку.

Поняв, что он не желает продолжать разговор, Каро поспешно ушла. И все же не могла забыть тоскливого взгляда синих глаз. И невольно гадала, какие воспоминания стали причиной его мук.

...Взрыв... комья земли летят во все стороны... почти человеческий вопль издыхающей лошади... падение... удар о влажную землю... боль в груди... ранен?

Нужно пошевелиться... оцепенение... попытки подняться... впереди Филипп разворачивает коня... больно... трудно стоять...

Филипп возвращается... спрыгивает с седла...

– Филипп... убирайся отсюда... какого черта... спасайся...

Его мрачная улыбка...

– Ты спятил, если воображаешь, что я тебя оставлю... Рука тянется к нему... резкий треск выстрела... его голова... лицо... кровь...

Филипп опускается на колени.

Боже, Филипп, нет! Нет! Господи. Нет...

– Макс, проснитесь. Это всего лишь дурной сон.

Ее нежный голос. Легкое прикосновение руки ко лбу...

Макс очнулся весь в поту. Опять тот кошмар, вытесняющий воздух из легких...

Тяжело дыша, он с безумным видом огляделся, но кругом был сплошной мрак. И все же ритмичное покачивание судна заставило вспомнить, где он находится. В каюте. На борту

шхуны.

Он снова лег, судорожно втягивая в себя воздух.

В последнее время кошмары посещали его чаще. И становились все страшнее. Больше походили на явь. Оставляли его обессиленным. Он всегда знал, чего ожидать, но ничего не мог поделать. Мог только пытаться побороть их.

Макс закрыл глаза и представил лицо Каро. Его ангел-хранитель. Только она может успокоить его нежным голосом и добрыми руками. Ее серые глаза, мягкие, светящиеся и понимающие...

Но даже она не сможет заставить его забыть вину.

Отбросив смятые одеяла, Макс свесил ноги на пол и сильно растер ладонями лицо. Он все еще ощущал острую боль, так отчетливо, словно все было вчера, а не пять лет назад. Тот момент обреченного мужества, когда ближайший друг вернулся, чтобы спасти Макса, и был убит на его глазах.

Господи... его по-прежнему трясет от этого видения.

Макс прерывисто вздохнул, мысленно упрекая себя в том, что не может лучше держать себя в руках. Нет, он не хотел забыть. Хотел только небольшой передышки от боли.

Днем он знал, как забыться. Находясь на суше, он часами скакал по лугам и полям, доводя себя до изнеможения в надежде, что сможет уснуть. Но сейчас у него не было лошади, а проклятое путешествие длится целую вечность. В Лондоне он отправился бы прямо в боксерский салон Джексона, чтобы выплеснуть горечь и досаду в физическом насилии, из-

бивая противника голыми руками. Но на борту шхуны не с кем было сразиться, особенно в этот поздний час, когда почти вся команда мирно спала.

Поднявшись с койки, Макс прошел к тому месту, где лежала его одежда. Ему не нужен свет, чтобы найти нож. Порывшись в карманах куртки, он нашел кожаные ножны, защищавшие трехдюймовое стальное лезвие, вставленное в резную деревянную рукоятку.

Нож Филиппа. Филипп часто коротал бесконечные часы между сражениями, вырезая из дерева грубые фигурки людей, солдат, коней. Не столь изящные, как те игрушки, которыми они играли в детстве, но почему-то совсем как живые. Филипп никогда не расставался с ножом, даже в тот последний ужасный день. И Макс сохранил этот нож, чтобы никогда не забывать принесенную другом жертву.

За последние годы он приобрел странную привычку, помогавшую успокоить разгулявшиеся нервы, особенно когда одолевала бессонница. Ставил бочонок и метал нож – раз, другой, третий... Монотонные удары немного отвлекали его от мрачных мыслей.

Макс тихо оделся в темноте, вынул из ножен нож и пошел на верхнюю палубу, где так свободно дышалось.

Глава 4

Каро медленно пробудилась от беспокойного сна, гадая, что могло ее разбудить. Тихий стук закрывшейся двери? Почти бесшумные шаги в коридоре?

Она полежала, прислушиваясь к вою ветра в парусах, немного успокоенная обычным поскрипыванием и качкой. Острая боль, воскрешенная сном о Максе, все еще не утихла, и она никак не могла отделаться от ощущения чего-то неладного.

Встав с узкой койки, она ощупью поискала полусапожки, набросила плащ на ночную сорочку и выскользнула из каюты.

В коридоре и на лестнице, ведущей к палубе, было темно. Но в небе висел полумесяц, бросавший призрачный свет на шхуну и выбеливший надувшиеся на ветру паруса.

Каро остановилась, дожидаясь, пока глаза привыкнут к полутьме, и услышала знакомый приглушенный стук справа. Повернувшись, она увидела на корме мужской силуэт. Она знала, кто там стоит. Потому что льнула к этим плечам в эротических снах всего несколькими минутами раньше. Все контуры его тела были ей знакомы: каждый изгиб, выпуклость, каждая мышца отпечатались в памяти год назад.

Услышав очередной глухой удар, она подвинулась ближе, словно влекомая неумолимой силой. И остановилась в тени

понаблюдать за Максом. Но тот неожиданно опустил руку и резко повернулся в ее сторону, словно ощутив чье-то присутствие.

– Макс, это Каро, – предупредила она, не желая становиться его мишенью в случае, если он заподозрит в ней угрозу. Даже в тусклом свете она заметила, как сжались его пальцы на рукоятке ножа. – Я не хотела вас беспокоить, – добавила Каро. – Просто подумала: вдруг что-то неладно. Я уже ухожу...

– Останься.

Она почувствовала его пристальный взгляд, вбирающий в себя все: ее более чем простой наряд, волосы, разметавшиеся по плечам, – услышала его глубокий вздох.

– Я с удовольствием побуду в твоём обществе.

Каро замялась, глядя на нож. Макс вымученно улыбнулся:

– Поверь, я не опасен.

Так ли это? Сама Каро считала этого человека чрезвычайно опасным. И уж, во всяком случае, не стоит оставаться с ним наедине, особенно ночью. Да и судя по виду, он не нуждается ни в чьем обществе: лицо обросло темной щетиной, а волосы выглядели так, словно он то и дело их ерошил.

И все же он попросил ее остаться. И даже вежливо показал на бочонок, служивший мишенью:

– Не хотите присоединиться ко мне?

Каро пересекла палубу и неловко присела на бочонок. К ее удивлению, Макс немного отодвинулся, словно, в свою

очередь, считал ее опасной. Однако голос его звучал достаточно дружелюбно:

– Итак, что выманило тебя из уютной теплой каюты и чудесной жесткой койки, милая?

Исполненная решимости не беседовать с ним на серьезные темы, Каро ответила в том же духе:

– Моя чудесная жесткая койка, разумеется. А вы? Опять бессонница? Но, Макс, с этим нужно что-то делать. Есть же медицинские средства...

Выражение его лица оставалось бесстрастным. Но она остро ощутила его подавленность.

– От такой бессонницы, как у меня, лекарства не бывает.

Каро нахмурилась, пытаясь понять, о чем он умалчивает, гадая, насколько серьезны его страдания. Увидев Макса в Лондоне, она посчитала, что он излечился: в конце концов, прошел целый год. И все же его душевные раны оказались слишком глубоки, и если и зарубцевались, то лишь на поверхности, а страдания, хоть и уменьшились, все же продолжали мучить его. Она слышала, что иногда солдатам, вернувшимся с войны, требовались годы, чтобы прийти в себя.

Может, ей следует оставить его в покое?

Но с языка неожиданно сорвалось:

– Почему вы не спите, Макс? Не дают покоя военные воспоминания?

– Можно сказать и так, – тихо рассмеялся он. Но она услышала в этом смехе его гнев, досаду, раздражение. Сунув нож

в карман, он повернулся и взгляделся в темное море. – Разве солдат сможет забыть все, что видел?

Вряд ли ей удастся хотя бы представить, что он видел. Ужасы, которые не в силах ни понять, ни принять душа.

У нее сжалось сердце от жалости к нему, совсем как год назад. Поразительная, почти божественная красота его лица тоже напоминала о той ночи.

– Жаль, что я не могу помочь, – тихо пробормотала она. Он повернулся к ней и покачал головой:

– Ты помогла, ангел. Больше, чем представляешь. Та ночь в развалинах... – Он прерывисто вздохнул, но не отвел глаз. – Весь последний, мучительный год я жил только воспоминаниями о тебе. Если бы не ты, вряд ли я смог бы выжить.

Каро непонимающе уставилась на него широко раскрытыми глазами.

Макс грустно усмехнулся:

– Это правда. Ты дала мне силы идти в бой. И я несколько не сомневаюсь, что вернулся живым только благодаря тебе.

Что же, может, отчасти она и смогла восстановить силу его духа. Макс попал в настоящий ад, а она, хоть и на короткое время, заставила его забыть всех демонов. Но все же трудно поверить, будто именно она спасла ему жизнь.

Однако он, похоже, ничуть не шутил.

– С той ночи я стал думать о тебе как о своем ангеле-хранителе.

Потрясенная его Откровениями, она молча смотрела на него, не зная, что и думать. В голове мелькали бессвязные обрывки мыслей.

Макс назвал ее ангелом-хранителем. Но не знал, что она и есть настоящий «хранитель». Все же его признание окончательно опрокинуло все ее защитные барьеры. Как соблазнительно слышать, что она так много значит для него! Что занимает столь важное место в его жизни!

И в этот момент под пристальным взглядом Макса желание вновь захлестнуло ее, такое внезапное и острое, что она испугалась. Однако сейчас его чувства были куда важнее ее собственных. Может, если удастся разговорить Макса, выслушать кошмар воспоминаний, его бремя станет легче.

Немного подумав, она тихо спросила:

– Это было так ужасно? То, что тебе пришлось вынести?

И по его лицу поняла, что попала в самую точку. Мириады эмоций сменились на его лице всего за несколько ударов сердца: отчаяние, одиночество, тоска и мука, от которой разрывалось сердце...

– Есть один кошмар, который постоянно преследует меня, – хрипло признался он.

– Какой кошмар?

– Мой лучший друг...

Он осекся и закрыл глаза. Невыносимо видеть его таким! Каро жаждала прогнать зловещие тени!

– Я хочу помочь, – повторила она.

Он стиснул кулаки, явно пытаясь взять себя в руки.

– Ты ничего не сможешь сделать. А что, если сможет?

Каро молча сидела, борясь с обуревавшими ее чувствами: желанием, сочувствием, отчаянной потребностью утешить его.

Потом медленно поднялась и подошла к нему, зная, что сделает все на свете, лишь бы прогнать мрак, заставший его глаза. Протянув руку, она положила ладонь на пылавшую жаром щеку Макса.

– Каро... – резко предупредил он. Теперь он смотрел на нее с мольбой и отчаянным голодом, до боли сжимая ее плечи, и все же сдерживался из последних сил. Он боролся с собой.

Он разжал руки, скользнул ладонями по ее шее, затылку... пальцы почти грубо погрузились в шелковистые локоны. Глядя в ее запрокинутое, освещенное лунным светом лицо, Макс боролся с поистине дикарскими, примитивными инстинктами. Он страстно хотел и добивался одного – взять то, что предлагала Каро, и все же не доверял себе: сейчас он чересчур уязвим, чересчур открыт. Если он позволит своим губам изведать вкус ее рта, значит, не остановится, пока не войдет в ее лоно и не останется там до тех пор, пока они оба не достигнут экстаза. Он подхватит ее на руки, отнесет в каюту, где остаток ночи будет тешить свое плотское желание.

Макс стиснул зубы, пытаясь сдержаться. Если капитуляция Каро – все, что ему нужно, значит, его ждет победа. Он

распознал в ее глазах блеск желания, безошибочное стремление изведать его ласки. Она принадлежит ему, и он возьмет ее!

Но он хотел большего, чем простое обольщение. Больше, чем ее участие. Он хотел страсти, полной и беззаветной. Не только утешения, как в тот раз, когда она пыталась исцелить его.

И поэтому нечеловеческим усилием воли противился порыву взять ее прямо сейчас.

– Тебе пора идти, – сухо процедил он и схватил ее за плечи, чтобы оттолкнуть от себя.

Смущенная, Каро продолжала смотреть на него во все глаза. Макс поспешно отошел.

– Мне твое утешение ни к чему, милая, – хмуро пробормотал он. – Я в нем не нуждаюсь.

Про себя Каро подумала, что последнее утверждение весьма спорно, но промолчала, разрываемая одновременно злостью и унижением. Как он мог двумя небрежными словами отделаться от нее! Но она не собирается стоять здесь и спорить с ним!

– Прекрасно. Оставляю вас в вашем же блистательно остроумном обществе.

Гордо выпрямившись, она повернулась и направилась к трапу через всю палубу. К тому времени, как Каро одолела темный коридор и добралась до своей каюты, ее трясло от ярости к себе самой! Она снова фактически вешалась Мак-

су на шею! Опять! И на этот раз он отверг ее в самых недвусмысленных выражениях!

Каро бросилась на койку лицом вниз, проклиная и его, и себя, бешено колотя кулаками подушку. Как она могла вести себя подобно безмозглой дурочке?

Она рада, рада, что Макс у нее не к чему ее утешение! Рада, что не сделала той же идиотской ошибки, что и год назад! Не отдала ему свое тело в попытке исцелить душу! Следовало усвоить урок в первый раз!

Но отныне она грубо раздавит все мягкие женственные чувства, которые когда-либо испытывала к Макс у. Каждую унцию сострадания. Каждый намек на желание. Каждую частичку сладострастия.

Безжалостно.

Она во что бы то ни стало победит свое проклятое влечение к нему.

Макс стоял у поручня в сверкающем свете солнца, вспоминая несчастную встречу с Каро прошлой ночью. Несмотря на резкость, с которой он прогнал ее вчера, его намерения по крайней мере были благородны. Было бы нечестно воспользоваться ее сочувствием к раненым созданиям. Он хотел ее больше, чем следующий глоток воздуха, – только не на этих условиях.

Кроме того, он не желал, чтобы она старалась проникнуть в его тайны. Не желал, чтобы она знала, сколько ночей он просыпался в холодном поту, борясь с когтистой лапой, сжи-

мавшей горло и не дававшей дышать, дрожа от воспоминаний о гибели Филиппа. А прошлой ночью Макс, к сожалению, сказал слишком много. Открыл свою душу.

И все же вкус нежности Каро изгнал, хоть и ненадолго, ледяной озноб, завладевший им. И это не впервые. С той ночи любви в развалинах он ощущал между ними невидимую связь. Она была его ангелом-хранителем, любящим духом, который стоял за его плечом, заботился, защищал и спасал.

Он потерял счет ночам, когда она уговаривала и успокаивала его. Иногда просто звала по имени, пробуждая от кошмара. Иногда пела колыбельную, убаюкивая его. Иногда он даже вел с ней длинные воображаемые беседы.

Он всегда представлял ее прекрасный образ и долго мечтал перед сном...

В последний год войны он, наверное, сошел бы с ума, если бы не она.

Возможно, он до сих пор немного безумен, если не может забыть случившееся в сражении при Талавере. Не может простить себя.

Как можно жить в мире с собой, когда твой лучший друг отдал свою жизнь ради тебя?

Макс задумчиво смотрел на переливающиеся золотистые отблески солнца в голубой воде. Если бы не он, Филипп вообще не пошел бы в армию. Филипп Херст был наследником графского титула, а старшие сыновья аристократов не должны становиться пушечным мясом. Но он без всяких угово-

ров последовал за Максом.

Тогда они оба были такими наивными идеалистами! Отплыли на Пиренейский полуостров, смеясь и споря, кто больше прикончит лягушатников! К сожалению, оба довольно скоро познали страшную реальность войны.

Макс стиснул зубы. Недаром он отказывался говорить о гибели друга с кем бы то ни было. Даже сейчас не мог заставить себя обнажить свою скорбь, свою вину. Даже перед Каро. Но зато мог бы более мягко попроситься с ней вчера ночью. Потому что страстно нуждался в ее утешении. Хотел его. В каждом ее прикосновении было нечто необычайно целительное. Но еще больше он жаждал ее страсти.

Прищурившись от ослепительно яркого света, Макс повернулся и оперся спиной о поручень. Он хотел увидеть Каро в тот момент, когда она поднимется на палубу. Потому что желал ее. Желал страстно. Огонь, зажженный ими в руинах, все еще полыхал между ними, и доказательством служило единственное прикосновение к ней. Но после вчерашней ночи ему придется убедить Каро в своем желании.

Вчера он намеренно отпугнул ее, но сейчас намеревался исправить ошибку. Дать ей ясно понять, что тоска и скорбь о погибшем друге не имеют ничего общего с его чувствами к ней.

Она увидела Макса, как только поднялась на палубу, и чуть не споткнулась, густо покраснев при мысли о собственном бесстыдстве прошлой ночью. Даже после беспокойного

сна сердце все еще жгло при воспоминании о том, как он ее отверг.

Когда он шагнул ей навстречу, она расправила плечи и гордо вскинула голову. Его черные волосы растрепало ветром, и один локон упал на лоб. Так он казался моложе и чутьточку уязвимее.

Не успела она раскрыть рот, как Макс предупреждающе поднял руку:

– Я должен извиниться, ангел. Знаю, вчера ночью ты всего лишь хотела помочь.

– Т-так и есть, – настороженно пробормотала она.

– Я не люблю говорить о своих кошмарах.

– Я так и поняла, – сухо бросила Каро. – Но не стоит бояться, что я повторю свою ошибку. Я больше не попытаюсь утешить вас.

– Поверь, я буду невероятно сожалеть об этом. Прошлой ночью мне страстно хотелось поцеловать тебя, и не только. Просто я знал, что стоит начать, и я не смогу остановиться.

Судя по пристальному мрачному взгляду, он говорил правду.

– Ну... теперь это вряд ли что-то значит, – пожала плечами Каро.

– Значит, и очень много, – возразил Макс и, подойдя ближе, накрыл ладонью ее затылок и припал к губам. Поцелуй был жестким, чувственным, исступленным... намеренно возбуждающим.

Каро, охнув от изумления, так растерялась, что и не думала сопротивляться. Как может единственный поцелуй сотворить с ней такое – отозваться в каждой клеточке тела, наполняя его пьянящими волнами ощущений? Все ее чувства мгновенно возродились к жизни, а опаляющий жар вспыхнул внутри, собравшись огненным озером внизу живота.

Но поцелуй оказался ей слишком коротким. Макс так же резко освободил ее и отступил. Каро продолжала стоять, ошеломленная, лишившись дара речи, ежась под его бесцеремонным взглядом. Должно быть, увиденное ему понравилось, потому что синие глубины глаз зажглись чисто мужским удовлетворением.

– Я так и думал, – хрипло пробормотал Макс. – Ты больше не сможешь изображать безразличие. Так же, как и я.

Каро, подняв подбородок, пронзила его негодующим взглядом.

– Какого черта вы целуете меня на открытой палубе, где любой из команды может нас увидеть?

– В следующий раз я постараюсь найти более уединенное место.

– Следующего раза не будет!

– Конечно, будет. Ты только что доказала мою правоту.

– Какую еще правоту?

– Я хочу тебя, милый ангел. И ты хочешь меня так же сильно.

Каро пришлось признать, про себя, разумеется, что это

чистая правда. Она хотела его – безумно. Но не доставит Максуду удовольствия, подтвердив это.

Проклиная свою пылкую натуру, она глубоко вздохнула и порылась в кармане. А когда вынула острый четырехдюймовый стальной клинок и показала Максуду, тот зловеще прищурился.

– Как видите, – объявила она, – у меня есть свой нож.

Настала очередь Макса насторожиться.

– Не волнуйтесь, я не собираюсь бросать его в вас, – снисходительно обронила Каро. – Просто подумала, что можно устроить состязание.

– Состязание?

– Да, по метанию ножей. Это развлечет нас обоих. Поможет скоротать время. Что? – спросила она, когда Макс оценивающе смерил ее взглядом. – Бойтесь проиграть?

Его губы изогнулись в нерешительной, но, вне всякого сомнения, веселой улыбке.

– Может, мне и стоит бояться. Я начинаю понимать, насколько опасно тебя недооценивать.

– Совершенно верно. Но наше состязание подождет несколько часов. Я пообещала капитану Биддику проверить корабельные журналы, поскольку сам он не в ладах с математикой. Три часа не слишком поздно?

– Прекрасно, ангел. Три так три.

Они встретились в назначенное время и установили правила и условия состязания: десять бросков по каждой из де-

сяти мишеней, и так три гейма подряд.

– Вы вполне можете выиграть, потому что я давно не практиковалась, – вздохнула Каро, пока они расставляли бочонки различной высоты и на различных расстояниях и рисовали кружки, – но я быстро учусь.

– Я помню, – блеснул глазами Макс.

При этом недвусмысленном напоминании об их ночи страсти Каро порозовела, но следующее замечание Макса вывело ее из себя.

– Если я выиграю, в качестве приза потребую тебя.

– Ничего подобного! Игра идет на деньги!

Когда она сделала первый бросок и нож вонзился в дюйме от кружка, Макс одобрительно кивнул.

– Кто научил тебя орудовать ножом?

– Отец.

– Очевидно, он весьма своеобразно понимал принципы воспитания единственной дочери.

«Ты и половины всего не знаешь», – подумала Каро.

– Верно, но на нашем острове к необычным женщинам относятся гораздо более снисходительно. Впрочем, и неотразимых мужчин у нас хоть отбавляй. Я как-то знала пирата, обожавшего метать ножи в живые мишени.

– Он таким образом развлекался?

– Да, но однажды встретил собрата, прекрасно владевшего саблей, и лишился головы.

– Кроважидный народ живет на твоём острове. Каро зага-

дочно улыбнулась:

– Вовсе нет, но авантюристов у нас хватает.

Солнце грело так сильно, что Макс сбросил сюртук. Видя игру его мышц под тонким полотном рубашки, Каро сказала себе, что сердце бьется исключительно в предвкушении состязания. Но при этом отчетливо сознавала, что лжет.

Оба немного притихли, когда игра началась, поскольку от соревнующихся требовалась сосредоточенность. Наблюдая действия Макса, Каро сразу поняла, что имеет дело с мастером. Он бросал нож, казалось, без усилия, и все же так метко, что ни разу не промахнулся. И в отличие от нее он умел делать допуски на качку судна.

Ее раздражало такое безупречное умение, поскольку на овладение подобным искусством у нее самой ушли годы.

Еще больше ее выводил из себя тот факт, что она не может скрыть восхищения. Он так же метко бросает ножи, как «хранители», которые ее обучали! Беда в том, что на Макса она реагировала совсем по-иному, чем на «хранителей». Она не могла смотреть на него как на брата! И невозможно игнорировать так явственно исходившие от него чувственность и жизненную силу. Но еще более очевидной была его сила духа.

Он был воин до мозга костей, и это отвечало ее собственному воинственному духу.

Именно во время состязаний она поняла, насколько неверны ее расчеты. Каро хотела доказать Максусу, что нельзя

желать женщину, владеющую мужскими приемами борьбы, но он, вместо того чтобы презирать, находил ее откровенно чарующей и женственной.

Она почти жалела, что предложила это состязание. И все же достаточно было увидеть неистовый блеск глаз Макса, чтобы понять, как наслаждается он этими минутами.

Она проиграла, но отнюдь не с разгромным счетом. И задолжала Максу шесть шиллингов, заявив, правда, что долг придется подождать.

– Потому что завтра я намерена побить вас, – объявила она, вызываяще тряхнув головой.

Ленивая улыбка тронула его губы.

– Я никогда не говорил тебе, что обожаю вызов?

У нее появилось отчетливое чувство, что Макс имеет в виду не только игру.

– Я тоже, – парировала она.

Синие глаза насмешливо сузились. Его взгляд был достаточно призывным и чувственным, чтобы ее сердце пропустило удар.

– Значит, мы – два сапога пара. И прекрасно подходим друг другу.

Дрожь предвкушения прошла по спине Каро. Она сказала бы то же самое. Они прекрасно подходили друг другу!

Ясно, что от нее потребуется не только все умение, но и сила воли, чтобы устоять против Макса.

Хотя она так и не выиграла, все же ей нравилось состяз-

заться с ним, поскольку это не только помогало убить время в последние дни путешествия, но и отвлекало от безумных, отчаянных мыслей, преследовавших ее со дня исчезновения Изабеллы.

Только когда они прошли Ибицу и другие Балеарские острова – Майорку и Менорку, Каро стало немного легче. Скоро она будет дома. Сможет что-то сделать. Как-то помочь лучшей подруге, вместо того чтобы терпеть бесконечное ожидание.

Она хотела поскорее добраться до Кирены и ради Макса, зная, что безмятежность острова успокоит его. Ему уже и сейчас стало немного легче: он был азартным противником и находил их соперничество таким же возбуждающим, как и она сама. Но все же иногда по ночам она слышала его шаги на палубе.

И наконец, она хотела быть дома ради себя. Хотела очутиться на знакомой почве, где сможет лучше владеть собой. Потому что все еще не преодолела проклятое влечение к Максy. Особенно в лунном свете.

В последнюю ночь их плавания они ужинали с капитаном и первым помощником. Когда позже Каро приняла приглашение капитана прогуляться, Макс присоединился к ним. Вскоре, к досаде Каро, капитана вызвали по важному делу, касавшемуся дисциплины команды.

Оставшись наедине с Максом, Каро мгновенно почувствовала, как вернулось напряжение, терзавшее ее во время

первых дней путешествия. И хотя на небе виднелась лишь бледная половинка луны, света оказалось достаточно, чтобы превратить море в сверкающее, переливающееся серебром зеркало, напомнив о той ночи, когда они любили друг друга.

И когда Макс повернул голову, она по его взгляду поняла, что он думает о том же. И сердце ее сжалось знакомой болью.

– Каждый раз при виде луны я думаю о тебе, – пробормотал он.

Каро боялась отвечать. Все ее чувства резко обострились. Нервы натянулись, как тетива лука.

И тут Макс встал за ее спиной. Если он хотел напомнить об их разделенной страсти, это ему удалось.

Ему даже не нужно было касаться ее. Каро возбуждала одна его близость. Она горела желанием. Желанием отдаться ему.

И чтобы удержаться, схватилась за поручень, беспомощно глядя на безбрежное серебряное море.

Макс продолжал молчать. Они словно очутились в своем собственном тайном мире, своем сне, совсем как в развалинах.

Но если это сон, он распустит ее волосы и зароется в них руками, глядя и возбуждая ее. Если это сон, она обнажит свои груди в лунном свете, и он накроет сосок губами, принимаясь сосать.

Каро зажмурилась. Она не хотела, чтобы это был сон. Пусть все будет на самом деле. Рядом с Максом она оживает,

чувствует себя бесшабашной и неистовой. Он был олицетворением соблазна.

Она прерывисто вздохнула. Страшно подумать, как она жаждет его прикосновений.

И словно исполняя ее желание, он легонько сжал плечи Каро и прижался губами к волосам.

Каждая мышца ее тела напряглась. Потом он нагнулся ниже, коснулся губами ее затылка. Горячее дыхание оведало кожу, обостряя желание. Похоже, он намеренно терзает ее.

Она тяжело дышала. В ушах стучала кровь. Соски напряглись и ныли, между бедрами собралась влага. Пусть Макс легко и без усилий скользнет в нее...

И когда его губы снова прижались к ее затылку в легком поцелуе, она невольно выгнулась. Физическое притяжение было так же безмерно и ошеломляюще, как в первую ночь, а может, и сильнее. Желание вспыхнуло в ней лесным пожаром, истерзало голодом.

Помоги ей Боже, она в опасности! Макс опасен! Он пробуждает в ней неведомые ранее чувства. Заставляет жаждать всего на свете...

И эту жажду она должна побороть, прежде чем глупо поддастся искушению в очередной раз...

Резко отстранившись, Каро на подгибающихся ногах отошла в сторону.

– Пора спать, – пробормотала она. – Нужно хорошо отдохнуть к завтрашнему прибытию.

Он не попытался остановить ее, но она ощущала его взгляд, когда шла в каюту. Сердце по-прежнему глухо колотилось, низ живота пульсировал.

Вынудив себя выдохнуть воздух, который она до сих пор удерживала в легких, Каро открыла иллюминатор, чтобы впустить свежий ветерок и немного охладиться. Это уже слишком! Почему она не может совладать с собой, когда этот человек оказывается рядом?! Она «хранитель», истинный воин, если этот термин может подойти женщине. Сколько раз она встречала опасность лицом к лицу и побеждала там, где спасовали бы храбрейшие!

И все же она ничего не в силах поделать с Максом.

Тихо выругавшись, Каро сжала кулаки. Так дальше продолжаться не может. Придется занять оборонительную позицию. Иначе Макс медленно сведет ее с ума.

Каро провела очередную беспокойную ночь, ворочаясь в постели до рассвета. Зато к утру у нее был готов план. Как только они прибудут на Кирену, она намерена найти женщину, которая наверняка привлечет внимание Макса. Настоящую неотразимую красотку, умеющую привлечь, очаровать и утешить его. У нее уже были две превосходные кандидатуры. И обе куда более привлекательны, чем она сама.

Решившись сопротивляться до конца, Каро немного успокоилась. После завтрака она вышла на палубу, чтобы первой увидеть берег.

Крик впередсмотрящего на мачте означал, что Кирена

уже недалеко. Немного спустя она различила темную точку на горизонте. Точка продолжала расти, пока не приобрела очертания Кирены с двумя горными пиками, поросшими густым лесом.

При виде любимого дома на сердце сразу стало легче. Даже на расстоянии очарование острова никогда не переставало волновать ее душу. Самый воздух, казалось, был прозрачнее, небо – синее, море переливалось всеми оттенками синего – сапфира, бирюзы и аквамарина.

Магия острова уже успокаивала ее взбудораженные нервы. Каро повернула лицо к солнцу, впитывая благодатное тепло.

Она почувствовала присутствие Макса прежде, чем он заговорил:

– Выглядишь так, словно приносишь жертву богу солнца. Каро улыбнулась, зная, что выражение ее лица далеко от благоговейного. Всего лишь удовольствие, не больше.

– Это не так уж далеко от истины. Аполлон с древних времен почитаем на нашем острове.

– Значит, тебе не терпится оказаться дома? – спросил Макс, встав рядом.

Она радостно закивала:

– Я хотела бы жить только здесь. А вы? Разве не предпочитаете свой дом всем остальным?

– Я не особенно привязан к дому. Возможно, потому, что почти не бывал там с того времени, когда вступил в армию.

Мои поместья в Йоркшире. Земля там отличается грубоватой красотой. Но с твоим островом ей не сравниться, – пояснил Макс и, помедлив, добавил: – Почему ты не расскажешь мне о Кирене? В свой первый визит я был слишком озабочен критическим состоянием Йейтса, чтобы что-то заметить, помимо больничной палаты. Но, насколько мне известно, здесь живут несколько тысяч людей различных национальностей.

– Да, в основном испанцы, но есть также британцы, французы, итальянцы и даже греки, – пояснила Каро.

– Торн говорил, что самые знатные семьи – английского происхождения. Как это вышло?

Каро поджала губы, не зная, что сказать. Поразительная история о том, как первые «Хранители меча» основали остров несколько веков назад, считалась тщательно охраняемой тайной.

– Вероятно, причиной были войны. Первые британцы явились сюда давно, еще до того, как мавры захватили западное Средиземноморье. Десятки британских эмигрантов оседали здесь в результате различных политических и военных переворотов. Потом Киреной завладели испанцы, но сто лет назад остров был передан во владение Британии.

– По Утрехтскому договору?

– Да, вместе с Меноркой и Гибралтаром. После этого английское население значительно увеличилось, да и испанцы стали перенимать их обычаи. Потом Менорку вернули Испании, но мы остались британским протекторатом, с соб-

ственными законами и губернатором. Мы всегда были крайне независимым народом.

– Но как вам удалось остаться таковым за последние годы и избежать покорения другими странами?

– Мы оказались достаточно мудры, чтобы платить налоги правителям, прося взамен защиты, – сухо пояснила Каро. – Хорошо еще, что мы находимся на отшибе и имеем кое-какую природную защиту. Видите вон те скалы? – Она показала на иззубренные острые скалы, обрамлявшие западный берег Кирены. – На остров трудно проникнуть. Кроме того, у нас есть три крепости и с дюжину сторожевых башен, выстроенных над самыми доступными бухтами и пристанями. И обратите внимание на вон ту белую пену. – Она показала туда, где ярко-голубая вода уступала место зеленоватой, увенчанной белыми шапками пены. – Там острые рифы, а вокруг – опасные течения. Капитан Биддик хорошо знает все судоходные каналы вокруг острова, но для незнающих течения могут быть предательскими.

– Значит, Кирене удалось избежать кровавой истории многих средиземноморских городов.

– К счастью, – кивнула Каро. – Самой большой бедой всегда были пиратские набеги, во время которых остров грабили и уводили население в рабство. Но более масштабные вторжения никогда не были успешными. Когда девять веков назад мавры попытались атаковать Кирену, ужасный шторм потопил половину их флота. А десять лет назад, когда фран-

цузы собирались напасть на остров, несколько дней подряд странный туман окутывал их корабли, и некоторые погибли на рифах.

Макс скептически усмехнулся.

– Это исторические факты, а не легенды. Имеются письменные доказательства, – настаивала Каро.

Макс успел хорошо разглядеть Кирену, которую судно огибало с юга. Каро не преувеличила, рассказывая о природной защите острова. Высокие скалы, острые рифы, коварные течения – все это важные орудия защиты.

Кроме того, он успел насчитать не менее восьми сторожевых башен, вместе с величественной крепостью охранявших западное побережье. К югу виднелась еще одна крепость, там, где горы были ниже всего и наиболее уязвимы к атаке.

– Там живет сэр Гавейн Олуэн, – пояснила Каро, показывая на южную твердыню. – Замок Олуэн оставался во владении его семьи много веков.

– Тот человек, который возглавляет средиземноморское отделение министерства иностранных дел? Начальник Торна?

– Это он.

На юго-востоке возникла еще одна массивная крепость с пушками, смотревшими в сторону порта. Для того чтобы попасть в маленькую гавань, приходилось войти в узкий пролив, образованный двумя зазубренными скалами.

Ничего не скажешь, надежная оборона.

Когда шхуна сменила курс, чтобы приблизиться к проливу, Каро показала направо:

– Вон там вилла Торна, где вы будете жить. Это в нескольких милях вверх по побережью. Фасад выходит на уединенную бухту, и из окон открывается великолепный вид на море.

– А как насчет развалин? Помню, что они где-то на востоке, но где именно? – многозначительно осведомился Макс.

Каро мгновенно залилась краской.

– Еще семь-восемь миль к северу от поместья Торна.

– Я намереваюсь снова приехать туда с тобой.

Ее сердце пропустило удар. Она редко посещала развалины, боясь и без того навязчивых воспоминаний. И уж конечно, никогда не поедет туда с Максом, иначе окончательно потеряет голову.

– Буду счастлива нарисовать вам карту, чтобы вы смогли поехать туда сами, – бросила она.

– Не ожидал, что ты такая трусиха.

– Ничего подобного! – возмутилась Каро. – Просто не желаю быть вашей любовницей.

– Но почему?

«Потому что из этого ничего не выйдет. Потому что я не хочу снова оказаться беззащитной перед твоим очарованием. Потому что ты снова покинешь меня...»

– Потому что вы пробудете на Кирене очень недолго, – отрезала она.

– Достаточно для того, чтобы мы получше узнали друг

друга. Поверь, в любви есть много такого, чему я не успел научить тебя.

Она изобразила беспечную улыбку:

– На случай, если вы меня не поняли, мистер Лейтон, повторяю: меня это не интересует.

– Прошу простить, но я не верю.

Макс поднял руку, чтобы провести большим пальцем по ее нижней губе до уголка рта, и улыбнулся, когда Каро резко отстранилась.

– Видишь? Ты не можешь отрицать того, что чувствуешь.

Он прав. Она не может. Стоило Максу коснуться ее, и огонь между ними стал разгораться с новой силой.

– И ты не можешь делать вид, что равнодушна ко мне, – продолжал он. – Я распознал все признаки охваченной желанием женщины – частое дыхание, быстро бьющийся пульс, румянец на щеках.

Каро неловко откашлялась.

– Возможно. Но если верить медицинским журналам, физическое желание – довольно частое явление в природе.

– И поэтому ты так напряжена?

Откуда он знает, что творится с ее телом? Неужели ощущает эту горячую пульсацию, видит, как затвердели ее соски, как налилась грудь, охваченная приятной болью...

Каро отвела глаза, притворяясь, что рассматривает дальние холмы.

– Естественное явление, – настаивала она куда более го-

рячо, чем намеревалась. – Спонтанная физическая реакция на... э... привлекательного мужчину. Также как и ваше состояние. Вполне предсказуемо и естественно. – Послав Максу многозначительный взгляд, она хрипло добавила: – Мужская порода тем и отличается, что ее вечно обуревают похоть. Уверена, мистер Лейтон, что в этом и кроется ваша беда. Вы страдаете от обыкновенной похоти! А я... я знаю идеальное средство. – Она позволила губам растянуться в фальшиво-радостной улыбке. – Другая женщина, которая наверняка привлечет ваше внимание! Я знакома с несколькими красавицами, которые будут счастливы вас утешить. И они куда привлекательнее меня, по крайней мере две из них. При первой же возможности я вас им представлю.

Макс уставился на нее, не скрывая веселой ухмылки.

– Меня не интересует ни одна женщина, кроме тебя, солнышко.

И он не лгал. Все это чистая правда! Потому что он страстно желал Каро, и только Каро. Прошедшие дни ничуть не уменьшили его странной одержимости Каро... мало того, еще больше ее подогрели.

Каро волновала его кровь, как ни одна другая женщина. Сила ее духа, живой характер и постоянный вызов, который она ему бросала, опрокинули все защитные стены, возведенные им. И теперь он чувствовал, что потихоньку оживает. Впервые после той трагедии мрачные воспоминания о Филиппе стали отходить на второй план.

О да, он хотел Каро. И за последнюю неделю его желание только возросло. И кошмары посещали его куда реже. Беда в том, что его сны стали более эротичными и героичней этих снов оставалась Каро, несмотря на все усилия держать свою фантазию в узде. При одном взгляде на нее он отчетливо вспоминал тот момент, когда потерялся в магии ее сладостного тела. Теперь он мечтал только об одном: глубоко погрузиться в нее, в этот бархатный жар, сжимавший его плоть...

– Не сомневайся, мы снова станем любовниками, – с непоколебимой уверенностью заключил Макс.

Каро покачала головой и вымученно рассмеялась:

– Вы очень надменны.

– Просто знаю, что говорю.

– Но вы ошибаетесь. Я не собираюсь поддаваться никаким соблазнам.

– Может, стоит проверить? – улыбнулся Макс.

Она строго свела брови: – Вы о чем?

– Думаю, нам и здесь не мешает устроить состязание. Посмотреть, как долго ты сумеешь противиться мне. Готов побиться об заклад, что все не продлится и нескольких дней.

Она настороженно уставилась на него, явно споря с собой. Макс намеренно провоцирует ее, но, зная ее характер, не сомневается, что она не устоит перед вызовом. Каро Иверс – не та женщина, которая прячется в кусты при малейшей опасности.

И он оказался прав.

– Я требую кое-каких условий, – объявила она. – И если выиграю – вы перестаете меня преследовать. Договорились?

– Да, поскольку ты ни за что не выиграешь. А срок... скажем, до следующего новолуния.

– То есть больше двух недель, начиная с сегодняшнего дня.

– Так быстро струсил?

Она презрительно фыркнула и вскинула голову:

– Прекрасно. Если желаете состязаться, я согласна. Но вы уж точно проиграете!

Макс едва сдержал торжествующую улыбку. Каро, очевидно, в голову не приходила мысль о поражении. Впрочем, и ему тоже. Он готов на все, лишь бы завоевать ее!

Макс отвернулся и устремил взгляд на приближающуюся гавань. Необыкновенная красота и все очаровательные детали средиземноморского пейзажа. Даже чайки кричат так громко, словно приветствуют корабль.

Над ними на склоне горы, окутанный золотистым сиянием, раскинулся оживленный город. Увитые бугенвиллеей белоснежные дома с обведенными голубой краской окнами и красными черепичными крышами сверкали на солнце, высокие пальмы приветливо шевелили на ветерке перистыми листьями. Крутая, выложенная брусчаткой тропа спускалась к воде. Сама гавань пахла солью, рыбой и смолой, но казалась безупречно чистой. Кроме дюжины рыбацких лодок, Макс

увидел два корабля, стоявших на якоре. Каро, похоже, узнала их, потому что облегченно вздохнула.

Макс уже хотел расспросить ее, но в этот момент капитан приказал спускать паруса, и Каро поспешила первой уведомить его о своих планах:

– Как только мы причалим, капитан Биддик пошлет кого-нибудь проводить вас на виллу Торна. Она не слишком далеко от города.

– А ты не поедешь со мной?

Она ответила задорным взглядом, напоминая о заключенном пари:

– Вряд ли я вам понадоблюсь. Кроме того, нужно как можно скорее встретиться с сэром Гавейном, узнать, нет ли известий об Изабелле. Да и депеши надо отдать.

– Не следует ли обсудить мое участие?

– Это может подождать. Ему нужно время, чтобы прочитать рекомендательное письмо, которое дал для вас Торн. Только потом сэр Гавейн решит, что делать с вами.

Макс печально усмехнулся:

– Ты не слишком хотела моего участия в спасении Изабеллы. Могу я надеяться, что ты не отговоришь сэра Гавейна дать мне задание?

– Если вы так опытны, как утверждал Торн, я буду только приветствовать вашу помощь. Пусть сэр Гавейн сам решает, что делать. Он прекрасно разбирается в людях.

Макс хотел было сказать словечко в свою защиту, но вни-

мание Каро было приковано к гавани.

– Возможно, меня встречают, – пробормотала она, с беспокойством рассматривая собравшуюся толпу. – А, вот и сеньор Верра.

Она, похоже, узнала высокого смуглого мужчину, стоявшего рядом с тележкой, запряженной двумя мулами, и махнула рукой. Тот ответил на приветствие.

– Надеюсь, вы простите меня за то, что бросила вас, – пропела Каро с явным желанием избавиться от него.

– Разумеется. Главное – твоя подруга, леди Изабелла. Я увижу тебя завтра?

– Скорее послезавтра. Завтра я могу понадобится доктору Алленби. Бедняге все эти недели пришлось обходиться без ассистента. Но я обязательно договорюсь, чтобы кое-кто из жителей нашего острова навестил вас прямо с утра и поздравил с прибытием.

Сжимая кожаный мешок, переданный Торном, она подошла к мостику, где стоял капитан. Они перебросились двумя-тремя словами, причем капитан Биддик несколько раз кивнул, прежде чем проводить ее к поручню.

Несмотря на сковывавшие движения юбки, Каро ловко спустилась по веревочному трапу в маленькую шлюпку, которая тут же понеслась к причалу.

Макс ощутил странную тоску, сменившуюся уколом ревности, когда Каро оживленно заговорила с сеньором Веррой. Он не отрываясь смотрел, как она позволила Верре подса-

дить ее в тележку, и сгорал от желания добраться вплавь до берега и потребовать, чтобы она поехала с ним. Но лишь продолжал смотреть вслед тележке, поднимавшейся по холму. И растерянно вздрогнул, когда рядом раздался голос капитана:

– Добро пожаловать на Кирену, мистер Лейтон. Надеюсь, вам понравится пребывание на нашем прекрасном острове.

Но Макс, не оборачиваясь, пристально разглядывал удаляющуюся тележку. Ничего не скажешь, этот раунд Каро выиграла. Он понятия не имел, когда снова увидит ее. А учитывая то обстоятельство, что она пять минут назад уехала с другим мужчиной, кампания по ее завоеванию только сейчас потерпела решительную неудачу.

Но Макс напомнил себе о том, что никогда не сдастся. И если это зависит от него, он определенно прекрасно проведет время на Кирене.

Глава 5

Сжимая в руках стакан с бренди, Макс направился к стеклянным дверям кабинета с видом на Средиземное море. Роскошная вилла Торна находилась на высоком холме над уединенной бухточкой и оказалась на редкость комфортабельной. Как многие особняки в испанском стиле, она имела четыре окруженных галереями крыла, выстроенных вокруг открытого центрального двора. Но больше всего Макса привлекал великолепный вид ночного моря.

Он открыл двери, чтобы впустить легкий ветерок с привкусом соли. В Англии сейчас середина осени, а здесь лето предпочло задержаться, и на огромном пространстве воды серебрилась лунная дорожка.

В этом краю так легко было поверить в волшебные чары и чудеса! Согласиться, что Кирена – остров блаженства, искушающий чувства и возбуждающий первобытные, дикие порывы в его обитателях. Он действительно ощущал странную манящую силу, хотя относил ее за счет необычайной красоты острова. Действительно, настоящий рай, с безмятежностью которого не могла сравниться ни одна страна мира.

Непонятно только, почему он и здесь не находит покоя! Приехав сюда, он долго плавал в бухте и насладился вкуснейшим ужином – шедевром повара Торна, после чего погулял в саду и полистал несколько редких исторических книг в

богатой библиотеке Торна, пока не пришло время ложиться спать. Но покой по-прежнему бежал от Макса.

Он, как обычно, противился сну, чтобы держать в узде мрачные видения.

Теребя в кармане нож, Макс медленно глотнул бренди. Некоторое время после гибели Филиппа он пытался напиться до бесчувствия, но и это не помогло.

Зато с прошлого года рядом всегда находился ангел-хранитель, составляя ему компанию, придавая сил.

Ему становилось легче при одной мысли о ней. Ее образ имел силу изгонять химер, терзавших его.

Он закрыл глаза и живо представил Каро. Представил, как бился пульс под кончиками его пальцев, когда наслаждение заставило ее выгнуться. Представил вкус ее теплых губ, когда она открылась ему. Яростный экстаз, когда ее влажный жар сомкнулся вокруг его ноющей плоти.

Может, все дело в чарах Каро, не острова. И он скорее всего никогда не избавится от той власти, которую она имела над ним. Никогда не выбросит ее из головы, из своей крови...

Макс внезапно напрягся, не в силах избавиться от ощущения, что за ним наблюдают. И ощутил едкий запах сигары в тот самый момент, когда в темноте загорелась красная точка.

В тени рожкового дерева стояла темная фигура.

Тревожные иглы озноба кольнули спину Макса, заставив инстинктивно потянуться к сабле. Не обнаружив привычно-

го оружия, еще несколько месяцев назад висевшего на боку, он выхватил из кармана нож. Как раз в этот момент незнакомец раздавил сигару каблуком и выступил вперед, в полосу света, падавшего из дверей кабинета. За ним по пятам следовал коренастый дородный мужчина.

– Вижу, вы уже успели познакомиться с бренди Торна, – усмехнулся первый джентльмен, проходя мимо Макса в комнату, и, когда тот вскинул брови, удивленный такой фамильярностью, спокойно представился: – Я Алекс Райдер. А это – Сантос Верра.

Верра! Тот самый человек, что увез Каро сегодня днем!

– Доброй ночи, сеньор Лейтон, – кивнул испанец, блеснув белозубой улыбкой.

У Райдера тоже были темные глаза и волосы, но цвет кожи казался бронзовым, а не оливковым, как у большинства местных жителей. И его выговор был истинно английским. Так изъяснялись члены лондонского высшего света. Верра выглядел лет на десять старше Райдера. Тому на вид было года тридцать два.

Встретившись со взглядом Райдера, Макс немедленно понял, что имеет дело с достойным противником: эти пронизательные темные глаза принадлежали человеку, который ни на дюйм не уступит в битве.

Райдер не протянул ему руки. Он щедро налил себе вышеупомянутого бренди и вручил второй стакан испанскому другу.

Когда губы Макса презрительно скривились, испанец снова расплылся в улыбке:

– Уверяю, сеньор Торн вряд ли будет возражать. Мы хорошие друзья.

– Может, вы возражаете? – холодно осведомился Райдер, усаживаясь в мягкое кожаное кресло.

– А если и так?

Райдер ответил зловещей улыбкой, открыто разглядывая нож в руке Макса.

– Я бы принял в расчет ваше недружелюбие и отсутствие гостеприимства.

– Если ожидаете от меня гостеприимства, по крайней мере, объясните, почему следили за мной.

– Сэр Гавейн Олуэн послал нас поздороваться и задать несколько вопросов.

– Вот как? – оживился Макс, заметно расслабившись. Теперь все ясно. – Вы решили посмотреть, выдержу ли я экзамен?

Глаза Райдера одобрительно блеснули.

– Что-то в этом роде.

Сунув нож в карман, Макс устроился в кресле напротив и стал беззастенчиво разглядывать непрошенных гостей. Райдер казался куда менее искренним, чем жизнерадостный Верра. Макс решил, что, если надеется узнать что-то, пока они ведут собственное расследование, будет лучше обратиться к испанцу.

– Капитан Биддик кое-что рассказал о вас, сеньор Верра.

Вы – владелец местной таверны.

– Да, сеньор. У меня лучшие вина и ликеры на острове. Я пополняю запасы Торна. Вам следует попробовать мадеру.

– Уже попробовал, и нашел ее превосходной. Однако Биддик ни разу не упомянул о вас, мистер Райдер.

– Я прибыл только вчера. До этого жил в Испании.

Вспомнив два корабля, стоявших на якоре в гавани, Макс кивнул.

– Насколько я понимаю, вы оба работаете на министерство иностранных дел.

– Да, на сэра Гавейна Олуэна.

– Какие-то новости относительно леди Изабеллы Уайлд?

– Пока что только одна. Теперь мы уверены, что ее судно увели в Алжир, но после этого ее следы теряются. К сожалению, мы все еще ищем ее. – Темные глаза Райдера оценивающе прищурились. – Теперь моя очередь задавать вопросы.

– Разумеется, спрашивайте.

– Я слышал, что вы вызвались присоединиться к спасательной экспедиции, если таковая понадобится. Почему?

В его тоне одновременно звучали вызов и скептицизм, но Макс спокойно ответил:

– Потому что благодаря мисс Иверс мой лейтенант до сих пор жив, и я хотел бы отдать долг.

– Торн высказался в вашу пользу, – признался Райдер. – И у нас есть свидетельства Джона Йейтса. Кстати, последний

считает, что вас следует канонизировать, признав поистине святым. И на сэра Гавейна произвели немалое впечатление ваши былые подвиги. Вы, очевидно, храбры и отважны и, кроме того, прекрасный командир, но я не убежден, что это именно то, что нам необходимо.

– И ваше мнение основано на...

– Вы профессиональный солдат, Лейтон, привыкший к правилам ведения боя. Но наша спасательная экспедиция ничем не напоминает военную операцию. И нас не сопровождает тяжелая артиллерия.

– Разумеется, – кивнул Макс. – Вы полагаетесь на внезапные удары, ночные набеги и разведку.

– Но некоторые военные считают, что единственный благородный способ ведения боя – это фронтальная атака.

– Она действительно имеет стратегическое значение, когда у вас превосходящие силы, а не когда вы собираетесь освободить заложника. Если леди Изабеллу держат в плену и под стражей, прямой штурм – верный способ добиться ее гибели.

– Несомненно, – кивнул Райдер, поднося к губам стакан с бренди. – И наша организация не зря установила свои законы. Мы больше заинтересованы в успехах, чем приверженности традициям.

– Позвольте предположить: вы действуете небольшими, но весьма эффективными и тщательно отобранными группами. Ваши обычные задания включают шпионаж, слежку,

тайные миссии, короче говоря – партизанская война.

– Теперь вы и на меня произвели впечатление, – неохотно усмехнулся Райдер.

Макс взглянул на сеньора Верру.

– В Испании я знал многих бойцов Сопротивления. У вас вид именно такого, сеньор.

– Мой кузен был в Сопротивлении, но сам я дальше контрабанды не пошел, – широко улыбнулся Верра. – Я был контрабандистом до того, как перешел на службу к сэру Гавейну. Я человек коварный и хитрый.

– В организации у каждого своя специальность, – пояснил Райдер.

– А какова ваша?

– Вооружение. Взрывчатые вещества. Карты. Этот очень опасен.

– А Торн? – спросил Макс.

На этот раз улыбка Райдера была искренней.

– Торн – сорвиголова. Стальные нервы.

– Насколько я понял, сэр Гавейн – ваш главный стратег?

– Да. Он отдает приказы, но даже им не следует подчиняться буквально. Он ожидает, что мы воспользуемся не только интеллектом, но умением и интуицией. Мы составляем планы, но иногда события разворачиваются не так, как ожидалось. В таких случаях нам позволено нарушить законы чести и традиций.

Такая свобода весьма привлекала Макса, который часто

не соглашался с приказами вышестоящих офицеров, даже великого Веллингтона.

– Опытный тактик нам не помешает, – добавил Райдер. – Возможно, вы подойдете на эту роль. – Он помедлил, не сводя с Макса пристального взгляда. – Но буду откровенен, Лейтон. Большинство из нас работали вместе много лет, и мы не слишком рады приветствовать чужаков.

Макс понял, о чем умолчал Райдер. Они были чем-то большим, чем шайкой авантюристов, творивших опасные дела. Скорее сообществом близких друзей, которые часто рисковали жизнью, чтобы побороть опасность.

– Нечто вроде братства, – пробормотал он.

– Да. Мы умрем друг за друга и за наше дело.

– И в чем же суть вашего дела?

Издавательский блеск в глазах Райдера сменился загадочным.

– Предоставляю объяснить сэру Гавейну. Он просил бы вас приехать к нему послезавтра, чтобы обсудить детали... если, разумеется, вы все еще не против присоединиться к нам на этих условиях: рисковать ранениями и гибелью ради своих единомышленников.

Макс уставился в стакан с бренди. Перед мысленным взором проходили трагические сцены войны. Сколько крови, убийств, трупов... хватит на всю жизнь. Но не возможность умереть пугала его. Внутренности выворачивало при мысли о том, что друзья погибают за него. Сможет ли он снова вы-

нести этот кошмар?

– Если я присоединюсь к вам, – тихо ответил он наконец, – обещаю не дать вам причин сомневаться во мне.

Райдер удовлетворенно кивнул:

– Именно так сказала и Каро, а я доверяю ее суждениям.

Упоминание о Каро заставило Макса вскинуть глаза.

– Но что знает она о риске и опасности?

Уголок губ Райдера чуть дернулся.

– Каро – одна из нас, неужели не знали?

– Она тоже работает на министерство?

– Да, и будет сопровождать нас в этой экспедиции.

– Шутите, – скептически бросил Макс.

– Вовсе нет. Мы не смогли бы остановить ее, даже если бы и попытались. Да мы и не пытались. Не бойтесь, Лейтон, Каро свою часть работы сделает безупречно. Редкий мужчина стреляет более метко или лучше владеет шпагой, не говоря уже о ее медицинских познаниях. Временами только женщина способна справиться с определенными заданиями. Одно это делает ее бесценной.

Макс ошеломленно потрянул головой. Он знал, что Каро – женщина необычная, но не до такой же степени! Трудно осознать, что агент партизан на службе у британского министерства иностранных дел и очаровательная женщина, которую он считал своим ангелом-хранителем, – одно и то же лицо. Очевидно, она еще более необычна, чем он считал. Но тут он невольно задался вопросом, что еще Каро утаила от

него. Какие тайны скрывает.

Поняв, что слишком долго размышляет, Макс обратился к незванным гостям:

– И каков ваш вердикт? Я поколебал ваше мнение о себе, мистер Райдер?

– Пока рано делать выводы, – протянул Райдер. – Но еще один стакан превосходного бренди Торна мог бы меня убедить.

Макс, сухо усмехнувшись, показал на графин:

– Прошу, не стесняйтесь. Уверен, что Торн поймет, если мы опустошим его запасы во имя достойной цели.

Он раздевал ее, молча изучая. Глаза-сапфиры были полускрыты веерами густых темных ресниц. И все же она заметила, как напряглось его жесткое лицо, когда он обнажил ее груди. Сильные руки сжали упругие холмики, большие пальцы обводили крошечные горошинки сосков, которые болезненно набухли под его легким прикосновением.

Внизу ее живота зародился жаркий трепет.

Он продолжал гладить твердые кончики сосков, доводя ее до безумия, прежде чем наклонился ближе, чтобы припасть губами к ее шее в том месте, где бешено бился пульс. Потом он стал ласкать ее грудь, жадно упиваясь вкусом тугого бутона.

Огонь взвился оранжевыми языками.

Он продолжал целовать ее грудь, лаская языком розовые

бутоны. Не в силах вынести сладостной пытки, Каро прильнула к его могучему телу и развела ноги, вцепившись в твердые мышцы его плеч.

Подчиняясь молчаливой просьбе, он провел ладонями по ее спине и приподнялся. Дыхание у нее перехватило при первом выпаде его стальной плоти. Она чувствовала, как он наполняет ее, растягивает...

– Прими меня в себя глубже, милая, – хрипло попросил он, не скрывая желаний, и она услышала в ответ собственную тихую мольбу.

Его пальцы сжали ее ягодицы, и он проник в нее еще глубже, опалая неумолимым жаром, продолжая исступленно вонзаться.

– Да... вот так, пылай для меня.

Она сдалась, ошеломленная слепым желанием, и он увлек ее в темное царство мучительного наслаждения...

– К вам сеньор Лейтон, сеньорита.

Каро вздрогнула, пробуждаясь от грез: во двор, где она сидела за завтраком, входил Макс. При взгляде на него ее щеки невольно запылали. Он застал Каро в разгар ее фантазий! Как раз в тот момент, когда она мечтала о нем! Неужели что-то понял? Неужели догадался, какие жаркие эротические видения одолевали ее сейчас и какие страстные сны преследовали ее этой ночью? Мог ли он с одного взгляда определить, что она все еще возбуждена?

Он спокойно приветствовал ее, хотя Каро была уверена, что от его внимания не ускользнуло ее раскрасневшееся лицо.

Когда он наконец отвел взгляд, Каро облегченно вздохнула.

Макс одобрительно огляделся.

Внутренний дворик был воплощением красоты, которой безмерно гордилась мать Каро. Аромат цветов и лоз – бугенвиллеи, гибискуса, олеандра, герани – наполнял воздух, а в мраморном фонтане успокаивающе журчала вода, вызывавшая тихую мелодию.

– Значит, это твой дом, – заметил он, когда Каро отпустила лакея-испанца. – Очарователен.

– Мне тоже так кажется.

Сельское поместье, унаследованное от покойных родителей, было не таким роскошным, как вилла Торна, но дом был элегантным и удобным, а фермы приносили неплохой доход, дававший ей финансовую независимость.

– Ты живешь одна?

– Нет, с подругой. После смерти отца сеньора Падильо приехала сюда, чтобы составить мне компанию в качестве дуэньи. Но теперь, когда я считаюсь старой девой, она превратилась в мою компаньонку.

– Я ожидал, что ты рано встаешь, вот и рискнул ворваться в столь неподходящий час, – заметил Макс с улыбкой, насторожившей Каро, той самой мужской чувственной улыб-

кой, которая подбивает разумных женщин на всяческие глупости.

– Что привело вас сюда? – спросила она, чтобы скрыть смущение. – Вам следует быть дома и ждать визитеров.

– Я никогда не поступаю так, как от меня ожидают. Главное преимущество в бою – элемент внезапности.

– А я не знала, что мы ведем бой, – удивилась она.

– По меньшей мере, поединок. И чтобы наше состязание было справедливым, ты должна дать мне шанс сразиться, – пояснил Макс, красноречиво уставясь на ее нижнюю губу. – Кроме того, я прошу тебя сыграть роль хозяйки на время моего пребывания на острове.

Каро поморщилась, жалея, что вовлекла себя в эту авантюру и приняла вызов.

– Завтра я собиралась показать вам остров, но сегодня утром мне нужно к доктору Алленби. Собственно говоря, я уже ухожу.

– Я бы хотел сопровождать тебя, если можно. Хочу поблагодарить Алленби за спасение Джона Йейтса.

Ей стало не по себе при мысли о том, что придется провести утро с Максом. Его неожиданный приход застал ее врасплох. В эту минуту она не могла взглянуть на него, чтобы не вспомнить, как он касался ее во сне, как ласкал губами, какие заманчивые нежности шептал на ухо. Чувственные линии его рта... нежные руки...

Решительно отбросив ненужные мысли, Каро отставила

кофейную чашку и встала.

– Меня может не быть весь день. Скорее всего я вместо доктора Алленби навещу его пациентов.

– Это входит в твои обязанности?

– Иногда. Он стареет, и его частенько донимает ревматизм. А мне нужно чем-то занять себя.

– Леди Изабелла, – догадался Макс.

Каро кивнула. В ее отсутствие поиски ограничили Алжиром, но все же точного местонахождения Изабеллы никто не знал. Вчера Каро долго беседовала с сэром Гавейном и Алексом Райдером и тщательно изучила отчет Хока, присланный из Алжира две недели назад. И при этом так расстроилась, что сэр Гавейн мягко напомнил ей, что жизнь продолжается. Человек двадцать других «хранителей» собрались на Кирене, но пока ничего нельзя было сделать.

Каро, скрипнув зубами, признала его правоту и решила с головой погрузиться в работу, чтобы поменьше грустить о подруге.

Сообразив, что Макс до сих пор ждет ответа, она подавила очередной раздраженный вздох. Все равно выхода нет: если она откажется, он снова обвинит ее в трусости.

– Вы можете поехать со мной сегодня утром, – пробормотала она, боясь, что совершает ошибку, и повела его в конюшню, где в двуколку уже была запряжена лошадь. Рядом стоял конь Макса. Она ожидала, что он последует за коляской, но он, усадив ее, устроился рядом на узком сиденье. Так

что ей осталось только приказать конюху расседлать и накормить лошадь мистера Лейтона.

Близость к Максy так выводила ее из себя, что Каро чересчур резко взмахнула поводьями и послала гнедого мерина трусцой. Она никак не могла выбросить сны из головы! Не могла забыть красоту его нагого тела, истинную мужественность, мягкую властность, с которой он касался ее, ласкал... наполнял...

Молча проклиная себя, Каро клялась взять в узду свои непокорные чувства. Но следующая реплика Макса расстроила ее почти так же, как его близость.

– Я продолжаю узнавать о тебе новые и поразительные вещи. Ты словом не обмолвилась, что работаешь на сэра Гавейна.

Каро бросила на него подозрительный взгляд:

– А почему вы так думаете?

– Прешлой ночью у меня были весьма интересные гости – Алекс Райдер и твой сеньор Верра. Они и рассказали мне много любопытного о тебе. Должно быть, существует весьма поразительная история о том, как ты попала в мужское общество и стала заниматься делами, не слишком подходящими для женщины.

Каро с деланной небрежностью пожалала плечами:

– Мой отец работал на сэра Гавейна. Я просто заняла его место, когда он погиб.

– Райдер также упомянул о твоём умении обращаться со

шпагой и сказал, что ты меткий стрелок.

– И еще я скачу верхом, плаваю под парусом, знаю латинский, – беспечно объявила она. – И при необходимости могу отпилить ногу. Говорила же я, что обладаю не многими женскими качествами.

– А я считаю твои качества весьма выдающимися.

Каро скептически усмехнулась, зная, что не должна упиваться льстивыми словами Макса. Он просто учтив и старается быть галантным. Возможно, ее своеобразие сначала заинтриговало его, но это простое любопытство, ничего больше.

– Очевидно, мне придется строго поговорить с Райдером насчет его болтливости языка, – укоризненно вздохнула она. – Вот уж не ожидала!

– Признаюсь, это я поощрял его откровенность, и не только для того, чтобы раскрыть твои тайны. Хотел побольше узнать и о нем. У меня создалось впечатление, что когда-то он предлагал свои услуги в качестве наемника.

– Так оно и есть. Райдер родом с Килены, но, прежде чем вернуться домой и устроиться на работу к сэру Гавейну, он нанимался на службу к ряду иностранных правительств.

Каро очень обрадовалась, узнав о прибытии Алекса Райдера, ибо он был одним из самых отважных и хладнокровных, а также смертельно опасных «хранителей». Его многочисленные таланты требовались при выполнении почти каждой миссии.

– Похоже, он тобой увлечен, – заметил Макс.

– Райдер? Мной?!

– Прошлой ночью он пел тебе дифирамбы. Это он мой соперник?

Она невольно улыбнулась при мысли о Райдере в роли ее любовника. Алекс скорее был для нее старшим братом и защитником.

– Как и Торн, Райдер просто хороший друг.

– А Сантос Верра? Когда я вчера увидел, как он тебя увозит, естественно, преисполнился ревности.

Каро закатила глаза.

– У вас нет причин ревновать. Верра счастливо женат и отец четырех детей.

– Сразу стало легче на душе.

– Скажите, – начала она, чтобы сменить тему, – почему Райдер и Верра явились к вам вчера ночью?

– Решили самолично посмотреть, что я собой представляю, прежде чем доложить сэру Гавейну. У меня такое чувство, будто Райдер считает меня слишком мягкосердечным, чтобы присоединиться к вашей группе.

– Я уверена, что он не оспаривает вашего мужества. Просто сомневается в ваших убеждениях. Райдер уверен, что всякий, кто не принадлежит к нашей организации, вряд ли захочет рисковать жизнью ради чужих людей.

– Я не боюсь умереть. И не особенно боюсь убить врага.

Она уловила мрачные нотки в его голосе.

– В таком случае что вас тревожит?

– Честно? На моих руках кровь друзей. Боюсь, что не вынесу, если кто-то еще попытается пожертвовать собой ради меня.

Как в свое время сделал Джон Йейтс.

– Вы еще можете отказаться от своего предложения, – тихо обронила она. – Если мы организуем спасательную экспедицию, вам не обязательно нас сопровождать.

– Нет, я хочу участвовать. Как и ты, верю, что лучший способ – действовать быстро и решительно, не мучаясь никакими проблемами. Кроме того, ангел, я в огромном долгу у тебя за спасение Йейтса. И знаю, что это такое – терять дорогого друга. Если это в моих силах, такая потеря тебе не грозит.

Его глаза мрачно сверкнули. Она уже видела это однажды во время их путешествия. И ощутила, как разрывается сердце от жалости. Ее сердце, которое она старалась ожесточить против него.

– Что же, – заметила она, пытаясь отвлечь его, – у вас есть время, чтобы все решить. Завтра утром я должна везти вас к сэру Гавейну. Райдер вам уже сказал?

– Да, на допрос, – невесело усмехнулся Макс. – И может случиться, что сэру Гавейну я не понравлюсь.

– Вот в это я никогда не поверю, – покачала головой Каро. Постаравшись изгнать из головы мрачные мысли, Макс

поудобнее устроился на узких козлах, чтобы насладиться моментом. До чего непривычно, когда женщина правит лошадьми! Но Каро ловко управлялась с коляской. Руки держали поводья уверенно и спокойно. Те самые нежные руки, которые во сне так часто гладили его горячий лоб, неся утешение и радость. Ему вдруг захотелось переплести ее пальцы со своими, просто ради удовольствия коснуться ее.

Покой этого утра был воистину бальзамом для его души. Невозможно думать о войне в этой залитой солнцем долине с аккуратными рядами олив, апельсиновых деревьев и виноградных лоз. К северу высились два горных пика, поросших густым лесом, а к югу тянулась более низкая гряда суровых холмов. Долины на острове тщательно возделывались, но более крутые склоны украшала дикая природа, волновавшая душу.

Каро, похоже, проследила за направлением его взгляда.

– Наши горы защищают остров от суховеев, которые дуют с севера, и помогают собрать дождевые тучи. Вместе с римлянами на остров пришла ирригация. Но самая большая наша проблема – это засуха. У подножия западного пика есть озеро с великолепным водопадом. Согласно легенде, Аполлон создал его как бассейн для Кирены. Знаю-знаю, – поспешно сказала Каро при виде его сухой усмешки, – вы не верите в легенды.

– Этот остров действительно напоминает рай, – признал Макс.

– Он не очень велик. Его можно пересечь за час и объехать вокруг за три. Но он действительно необыкновенный, – пробормотала она с очевидной гордостью.

Доктор Алленби жил на краю города в маленьком, чисто выбеленном коттедже. Пока они шли к дому, Каро жаловалась на тесноту:

– В доме только одна комната, где и операции делаются, и пациентов осматривают, но когда-нибудь мы надеемся выстроить настоящую больницу.

Дверь открыла пожилая испанка, экономка доктора. При виде Каро она расплылась в широкой улыбке:

– Сеньорита Иверс, как хорошо, что вы приехали! Я ничего не могу с ним поделаться! Ночью совсем не спал... пока ребенок не родился...

– Дитя сеньоры Томпкинс?

– Нет, сеньоры Гарсиа.

– Я не знала, что она на сносях.

– В том-то и дело, что малыш родился слишком рано. Доктор в кабинете.

Каро ничуть не удивилась, найдя доктора Алленби за письменным столом. Почтенный старик мирно спал, положив голову на руки. Каро осторожно тронула его за плечо. Когда доктор выпрямился, Макс узнал в этом дородном лысеющем человеке блестящего врача, чьи смелые методы лечения спасли множество людей.

– Наконец-то вернулась, – пробурчал Алленби, хмуро гля-

дя на Каро.

– Как видите.

Алленби нашарил очки и, нацепив их на нос, уставился на Макса.

– Я вас знаю?

– Помните майора Лейтона? – вмешалась Каро. – Прошлым летом он привез Джона Йейтса.

Доктор пробормотал нечто вроде приветствия и взмахом руки отринул попытки Макса выразить благодарность за лечение Джона. Макс решил, что он еще более неприветлив, чем в предыдущую встречу. Но перепалка с Каро выказывала явную взаимную симпатию, особенно когда последняя журила его за манеру работать двадцать четыре часа в сутки.

– Вам следует позаботиться о себе. Все это время вы доводили себя до изнеможения!

– А кто в этом виноват? Если бы ты оставалась здесь, вместо того чтобы упорхнуть в Англию...

– Ничего не поделать, нужно...

– Да еще проторчала там целый месяц!

– К сожалению, путешествие отняло много времени.

– Все это совершенно не понадобилось бы, если бы не чертова Изабелла! Нужно же ей было ухитриться попасть в плен! Авантюристка!

– Но при чем тут она? – заступилась Каро.

– А чья тут вина? Ей следовало бы благополучно сидеть дома, а не скакать из страны в страну... да и тебе не мешало

бы сделать то же самое. Мне пришлось отложить несколько операций до твоего возвращения... дьявол побери мои проклятые слепые глаза!

Сняв очки, он сердито потер предавшие его глаза.

– У меня зрение лучше, – шепотом пояснила Каро, – так что я делаю некоторые операции под его руководством.

– И я должен заказать лекарства и хирургические материалы, – проворчал доктор.

– Это может подождать. Пока что вам нужно лечь в постель и немного отдохнуть.

– У меня нет времени предаваться безделью! Нужно посетить пациентов...

– Я сама это сделаю. Мария уже составляет список больных. А теперь идемте. Я не успокоюсь, пока не уложу вас в постель.

Каро взяла доктора за руку и помогла подняться, непрерывно вышучивая и журя его, как капризного пациента, и наконец убедила улечься на топчане в комнате для приема больных. Прикрыв измученного старика одеялом, Каро осторожно вывела Макса из комнаты, взяла список, протянутый улыбающейся экономкой заодно с черным кожаным саквояжем. Максиму показалось, что этот ритуал проводился довольно часто.

– Если хотите, – предложила Каро, когда они уселись в коляску, – я могу завезти вас на виллу Торна, прежде чем поеду на первый вызов.

– Но я хочу сопровождать тебя. Может, даже и пригожусь. Оглядев его сверкающие сапоги, она весело изогнула брови.

– Предупреждаю, вы не так одеты для тех мест, которые нам придется посетить. Ваш сапожник придет в ужас, если вы испортите его шедевр, и, кроме того, вы не захватили с собой камердинера из Англии.

– Слуги Торна вполне способны позаботиться о моей обуви, – отмахнулся Макс.

– Что же, тогда нечего беспокоиться.

Большую часть дня Макс сопровождал Каро, наблюдая, как она раздает отвары, настойки, травы и лекарства и осматривает больных и раненых.

Пациенты доктора Алленби, рассеянные по всему острову, были в основном испанцами и англичанами и, как заметил Макс, разительно отличались манерой одеваться. Испанки носили черное, как большинство средиземноморских женщин, тогда как англичанки одевались просто, но куда более красочно.

Почти все островитяне тепло приветствовали Каро.

– Похоже, они вас любят, – заметил Макс после посещения первой полудюжины пациентов.

– А еще больше любят доктора Алленби, – возразила Каро. – На Кирене его весьма почитают, несмотря на ворчливость. Вряд ли на острове осталась хоть одна семья, в чьей жизни он так или иначе не участвовал. Но он стареет. Не

знаю, что мы будем делать, когда он больше не сможет осматривать больных.

– Но ведь островитяне всегда могут положиться на тебя!

– Я не дипломированный хирург. И не хочу оставаться только врачом.

– Почему нет?

– Потому что меня больше интересует работа на сэра Гавейна.

– Но у тебя природный дар целителя!

– Похоже, что так. Я всегда старалась помочь страдающим созданиям. Уже в детстве островитяне приносили мне раненых и больных животных, и я старалась их вылечить. Конечно, считаться ассистентом доктора Алленби – большая честь. Даже десять лет спустя некоторые мужчины все еще не доверяют мне, вероятно, потому, что ощущают исходящую от меня угрозу. А кое-кто считает меня ведьмой.

– Суеверия? – уточнил Макс, вскинув брови.

– Именно, – презрительно усмехнулась Каро. – Во времена инквизиции меня сожгли бы на костре. Но здесь по крайней мере меня принимают. В Англии мне ни за что не позволили бы практиковать медицину. Типичный британский гражданин предпочел бы отправиться на тот свет, лишь бы не дать женщине дотронуться до него. Они предпочитают услуги самозванцев и шарлатанов.

Несмотря на презрительный вид, он расслышал обиду в ее голосе и невольно посочувствовал Каро.

– Признайтесь, Макс, в прошлом году вы тоже не слишком обрадовались, когда доктор Алленби поручил мне ухаживать за Йейтсом.

– Но ты быстро доказала, на что способна, – возразил Макс, – и твой пол больше уже не имел для меня значения. Поверь, я видел слишком много людей, умиравших от пустяковых ранений, чтобы оценить правильное лечение.

Весь день он наблюдал, как Каро обращается с тяжелыми пациентами. Она была неизменно добра и терпелива и часто беззлобно подшучивала над ними, как когда-то над Джоном и доктором, чтобы добиться своего. Островитяне, очевидно, уважали и искренне любили ее.

Каро отвечала им тем же. Когда она и Макс разделили простой обед с большим крестьянским семейством – единственной возможностью бедняков заплатить за лечение двух младших ребятишек, – Каро выказывала им столько же уважения, сколько богатым аристократам, и, возможно, куда больше симпатии.

Однако следующий пациент, фермер, прикованный к постели после того, как сильно поранил ногу лемехом плуга, встретил ее с нескрываемой неприязнью. Рана нагноилась и болела так, что он не мог наступить на ногу. Он позволил Каро прочистить и забинтовать ногу только потому, что жена стояла над ним, угрожая всеми напастями, если муж не будет вести себя прилично.

– Он один из тех, кто считает меня ведьмой, – пояснила

Каро, когда они уселись в коляску.

Макс про себя полностью согласился с фермером. Она действительно ведьма. Недаром он ощутил внезапное возбуждение, когда при очередном толчке их бедра соприкоснулись. Колдунья-искусительница, во власти которой заставить его испытать неистовый жар, несмотря на более присущие мужчинам занятия и необычность поведения.

В конце дня они направились к подножию холмов через заросли кустов и низкорослых деревьев, которые Каро называла маки. Макс узнал несколько горных растений: низко стелющийся розмарин, высокие неопрятные метелки лавра и мирта и вечнозеленый можжевельник. И воздух вокруг был напоен медовым ароматом, напоминавшим ему Каро, такую же сладостную, немного непокорную и совершенно неотразимую.

– Вся обстановка острова словно создана для тебя, – выпалил он. – Здесь ты в своей среде.

Каро подняла брови и усмехнулась:

– Предлагаю вам испробовать силу вашего обаяния на более доверчивых женщинах, Макс.

– Я не знаю здесь ни одной женщины, кроме тебя.

– О, Кирене есть что предложить! Я же пообещала представить вас всем здешним красавицам. Не сомневаюсь, что многие придутся вам по вкусу.

– Я не против знакомства с местными красотками. Только постарайся не обременять меня невинными молодыми деви-

цами, у которых на уме одно замужество. Не имею ни малейшего желания лезть в петлю брака, – объявил он, оценивательно оглядывая Каро. – Это одно из твоих лучших качеств, дорогая. Ты не пытаешься поймать мужа.

– Не пытаюсь. Но любопытно узнать, почему вы питаете такое отвращение к женитьбе.

– Из-за сложностей, которые, несомненно, возникнут с появлением жены или семьи.

– Сложностей?

– Не хочу терять дорогих мне людей. Впервые за долгое время я ни с кем не связан, пусть так будет и дальше.

В ее глазах мгновенно засветилось участие. Поняв, что он показался ей чересчур мрачным, Макс широко улыбнулся:

– Впрочем, обета целомудрия я не давал.

– О, я всегда могу сварить зелье, охлаждающее похоть, – съязвила Каро.

– Боюсь, оно не поможет. Я хочу вас, мисс Иверс.

– Ничего не выйдет. Придется довольствоваться кем-то другим.

– Скажи, почему ты так противишься нашей близости? – допытывался Макс.

Ее улыбка померкла.

– Прежде всего у меня много дел. Нужно объезжать пациентов доктора Алленби.

– Но должна же ты хоть иногда отдыхать!

– Возможно. Но вряд ли так уж мудро становится любов-

ницей мужчины, с которым я вместе работаю.

– Мы пока еще не работаем вместе. А если я действительно вступлю в вашу организацию, то всего лишь на одно задание.

Каро поколебалась, словно желая что-то добавить, но лишь коротко бросила:

– Нам лучше остаться друзьями, Макс.

– Прекрасно. Пока и этого достаточно, – кивнул он. Каро ответила недоверчивым взглядом.

– Уверяю, вас куда больше удовлетворит элегантная красавица, которая с радостью утолит ваши плотские потребности. Миссис Джулия Трент – ослепительная вдовушка, и будет счастлива вступить с вами в тайную связь. Если же ваш вкус более экзотичен, говорят, что сеньора Бланка Эррера де Рамос только сейчас рассталась с последним любовником.

Макс сардонически усмехнулся, не позаботившись возразить. Даже в конце долгого дня Каро Иверс по-прежнему влекла его больше, чем все прославленные красавицы, когда-либо удовлетворявшие его плотские потребности.

Правда, выглядела она уставшей, скромное платье украшали разнокалиберные пятна, а из строгого узла выбились вьющиеся прядки темных волос. И все же он помнил, как эти шелковистые локоны падали на обнаженные плечи и между мокрыми прядями кокетливо выглядывали соски...

Макс даже задохнулся от желания. Не в первый раз ему хотелось высвободить из заточения ее великолепные воло-

сы, зарыться руками в блестящую упругую массу и погрузить истомившуюся плоть в теплые глубины ее лона.

Он едва слышно выругался. Весь день Макс намеренно игнорировал медленный пожар в своем теле. Каро возбуждала в нем самые примитивные инстинкты. Заставляла чувствовать себя настоящим мужчиной, хищником и защитником, грубым и одновременно нежным. Он едва удерживался, чтобы не потянуться к ней, когда она откинула с глаз непокорные волосы. К сожалению, они приближались к следующему фермерскому дому, где жил очередной пациент.

Час спустя Каро в последний раз села в коляску и собрала поводья. Судя по слегка опущенным плечам, она устала, и даже не возразила, когда он отнял у нее поводья.

– Позволь мне. Ты совсем извелась сегодня, а я ничем не смог помочь. Домой?

– Да, домой. Но у меня остался еще один пациент. Они вернулись в поместье Каро только через полчаса, когда уже почти стемнело. Ее двухэтажный особняк был выстроен в испанском стиле, но конюшни показались Максиму совершенно английскими. Длинный ряд денников выстроился в вымощенном брусчаткой дворе. Имелись также большой амбар, каретный сарай и домик для конюхов и грумов.

Стоило им остановиться, как рядом немедленно появился грум, жующий корочку хлеба. Взяв поводья у Макса, молодой человек в ожидании приказа глянул на Каро.

– Когда распряжешь лошадь, Умберто, оседлай, пожалуй-

ста, коня мистера Лейтона. Потом можешь идти ужинать.

– Да, сеньорита.

Пока Каро говорила с грумом, несколько конских голов высунулись в открытые верхние половинки дверок стойл. Вместе с Максом она прошла по ряду, приветствуя каждое животное, любовно глядя холки и морды, пока не добралась до последнего стойла, где находилась старая гнедая кобыла. Животное тихо заржало, когда Каро почесала его между темными влажными глазами.

– Моя особая пациентка. Эта милая леди принадлежала моей матери, – пояснила она и, вынув скребницу и тряпку, вошла в стойло.

Макс последовал за ней, прикрыв нижнюю половину дверцы.

– Как и доктор Алленби, она стареет, – объяснила Каро, принимаясь орудовать скребницей. – Зубы у нее стерлись, зрение ослабло, но я иногда езжу на ней, потому что бедняжке нравится внимание. И на плече у нее старая рана. Я стараюсь регулярно массировать ее, чтобы облегчить боль.

– Счастливая лошадка, – пробормотал Макс и, прислонясь к стене стойла, стал наблюдать, как Каро ухаживает за кобылкой и массирует ее левую лопатку. Откуда-то взявшийся трехногий кот прыгнул на верхнюю половинку двери, принюхался к Макс и, несмотря на очевидное увечье, ловко метнулся вниз, в солому, замаякал и принялся тереться о юбки Каро, добиваясь внимания. Она подняла плутишку и

стала гладить.

– Он потерял заднюю лапу в драке с собакой, но по-прежнему прекрасно ловит мышей. Кажется, он сильно скучал по мне, когда я была в отъезде.

Кот, похоже, соглашался с ней. Громко мурлыча, он свернулся клубочком на ее руках. Но тут кобыла повернула голову, ткнулась носом в шею Каро, требуя внимания.

Все хотели получить свою долю нежности. Макс тихо завидовал животным, потому что желал того же самого.

У двери стойла появился грум.

– Я сделал все, как вы просили, сеньорита. Будут еще приказания?

– Спасибо, Умберто. Это все. Иди заканчивай ужин.

Грум почтительно улыбнулся и, дернув себя за челку, снова исчез.

Устроив кота на соломе, Каро продолжала массировать плечо кобылы. Старая лошадь закрыла глаза и блаженно всхрапнула.

На некоторое время воцарилось молчание. В сгущавшейся темноте Макс наблюдал, как Каро гладит лошадь, осторожно разминая тугие мышцы, облегчая боль в сведенной судорогой плоти. Макс сразу вспомнил ощущение ее рук в ту давнюю ночь.

Резкое, настойчивое желание шевельнулось в нем, с каждым мгновением становясь все сильнее, навязчивее, пока с губ не сорвалось тихое проклятие.

– Что случилось? – немедленно всполошилась Каро, оглянувшись.

– Вспомнил ту ночь. И твои прикосновения. Каро долго молчала.

– Тогда вам тоже было больно.

– Меня сейчас сводит от боли при виде того, как ты творишь свое волшебство. – Его губы дернулись. – Я бы рад стать одним из твоих пациентов. Свернулся бы на твоих коленях, чтобы ты гладила и ласкала меня...

– Вы сами можете позаботиться о себе, – с улыбкой возразила Каро. – А эти животные не могут.

– Как насчет тебя? Кто массирует твои плечи после тяжелого дня?

– Никто.

– Буду рад помочь.

– Весьма тронута вашим сочувствием, – твердо объявила она, – но обойдусь и горячей ванной.

– В развалинах?

Но Каро едва заметно улыбнулась:

– Нет, здесь, дома. В блаженном уединении.

Макс не сводил с нее глаз, чувствуя, как тяжелая ноющая боль желания терзает чресла. Руки сами тянулись обнять ее. Его словно притягивало к ней невидимым магнитом.

– У тебя замечательные руки, – тихо признался он.

– Вовсе нет.

– Замечательные. Я не могу забыть их прикосновений...

Каро на мгновение замерла. А когда медленно повернула голову, Макс позволил своему алчущему взгляду скользнуть от ее сочных губ к глазам и снова к губам...

Каро, казалось, превратилась в статую под этим откровенным взглядом. Не смея рискнуть, она в последний раз провела по плечу кобылы и шагнула к двери. Но когда попыталась протиснуться мимо, Макс сжал ее запястье. И одно это прикосновение заставило ее вздрогнуть.

– Я помню все, что было в ту ночь, каждое мгновение. – Тихий хриплый голос эхом отдался в душе, как воспоминание о ласках. – Помню вкус твоей кожи, ангел. Помню все ощущения, когда входил в твой мокрый шелк. Гортанные крики, которые ты издавала, когда растворялась в моих объятиях...

Во рту у Каро пересохло. Язык ей не повиновался.

– Я так хочу снова испытать эту страсть. Снова любить тебя.

О этот чувственный шепот, жаркий и тихий...

Пытаясь взять себя в руки, Каро закрыла глаза, но перед ней мелькали откровенные образы плоти, прижатой к обнаженной плоти, откровенных ласк, где сны мешались с реальностью...

Она тоже хотела Макса – безумно. Но не позволит себе утолить голод. Слишком долго она приходила в себя после той ночи... да так и не пришла. Сколько месяцев она тосковала по Максусу! Ей не хотелось снова терпеть эти муки.

– Н-нет, – выдавила она хрипло.

Макс повернул ее к себе лицом и прижал спиной к перегородке.

– Ты уверена?

Его зубы чуть сжали мочку ее уха. Как он умеет искушать... как умеет искушать...

Она тряхнула головой, борясь с эротическими воспоминаниями о слиянии их тел, борясь с пульсирующим желанием, которое он возбуждал в ней.

И тут его пальцы коснулись лифа платья, и соски мгновенно заострились, заставляя ее трястись от желания.

Его дыхание согрело ее губы, едва он прошептал ее имя. А когда прижался всем телом, пульсация стала сильнее, сосредоточившись между бедер.

– Макс...

Его руки обвили ее, живой жар его тела обжигал даже сквозь одежду. И когда он завладел ее губами во властном поцелуе, желание с новой силой загорелось в ней. Он был одновременно груб и нежен, и она льнула к нему, беспомощно сознавая, что уже сдалась, что готова на все, лишь бы утолить жажду, жажду путника в пустыне.

Поцелуй становился все более исступленным, словно он сам не мог совладать с собой. Язык ритмично двигался у нее во рту, опаляя ее неистовыми требованиями, сжигая остатки воли. Ощущения были столь безумно буйными, что Каро буквально погибала от страсти.

Ей нужен Макс. Нужны его ласки. Она так долго мечтала о нем, жаждала его, страдала без него...

Слишком долго...

Потребовалось поистине геркулесово усилие, но она подняла руки, чтобы толкнуть его в грудь и отстраниться.

– Пожалуйста, не надо!

Макс услышал ее прерывистую мольбу, но не смог заставить себя подчиниться. Он снова нагнулся и нашел ее рот горячими губами. Она застала его врасплох.

Каким-то образом их ноги перепутались, и Макс, к своему смущению, опрокинулся на солому. Каро распростерлась на нем, сильно придавив его горло.

Тяжело дыша, он ошеломленно уставился на нее в полумраке.

Она нерешительно улыбнулась:

– Может, вы еще не успели увидеть, но мое колено находится в стратегической позиции. Если я решу ударить, последствия будут чрезвычайно болезненными, хотя и не смертельными. Смерть наступит, если я посильнее надавлю на шею.

И он вдруг понял: она намеренно подставила ему подножку.

– Я предупреждала вас, – дрожащим голосом бормотала Каро. – Мне дали несколько необычное образование для женщины. Это один из моих приемов. Я умею защищаться, когда на меня нападают.

– Но разве это можно назвать нападением? – прохрипел он, все еще изнемогая от желания.

– Возможно, нет, но я испытываю сильнейшую потребность защитить свою добродетель.

Каро оттолкнулась, встала и, открыв дверь, исчезла.

Макс остался лежать, пытаясь осознать, что произошло. Он почти взял Каро силой. И когда целовал ее, думал лишь о том, как бы обернуть ее длинные стройные ноги вокруг своей талии и врезаться в нее, быстро и глубоко. Его желание было таким отчаянным, что он вполне мог бы взять ее прямо здесь!

Ад и дьяволы его! Ему нет прощения! Так постыдно потерять голову! Да, его желание подогревалось долгим воздержанием. Неделями пребывания рядом с ней и невозможностью даже коснуться...

В этот момент его щеку обдало теплым дыханием. Макс растерянно встрепенулся и, громко выругавшись, уставился в глаза старой кобылы, нежно облизывавшей его лицо, то ли из симпатии, то ли из любопытства.

Не зная, смеяться или жаловаться, Макс перевернулся, вскочил и тут же поморщился от ноющей боли в восставшей плоти. Вряд ли он ожидал такой исход, когда поддался жгучей потребности поцеловать Каро.

Но он был преисполнен решимости продолжать битву. Хотя, возможно, сейчас лучшим тактическим приемом будет отступить и заново собрать рассеявшиеся войска.

Глава 6

Поскольку Каро обещала ввести его в здешнее общество, Макс не удивился, когда на следующее утро начались визиты. Аристократы и дворяне со всего острова, в основном англичане, испанцы и несколько французов, прибывали познакомиться с прославленным героем по одному, по двое или целыми компаниями. Визитеры предлагали самые различные развлечения: пострелять, прогуляться верхом, поохотиться на лис, поужинать и, главное, побывать в их домах, встретиться с семьями.

Только сообразив, что у многих джентльменов имеются дочери на выданье, Макс заподозрил, что за интригу задумала Каро. Очевидно, она пыталась отвлечь его внимание от своей персоны, затеяв кампанию, целью которой было сделать его любимцем незамужних дам острова. И первым шагом было познакомить Макса с гордыми папашами красавиц островитянок.

Днем, когда Каро везла его на встречу с сэром Гавейном Олуэном, Макс пожурил ее за коварство:

– В жизни не подумал бы, что ты способна на столь недостойные методы, ангел.

– О чем это вы? – деланно удивилась она.

– Думаю, вряд ли столь великодушное гостеприимство, исходящее от родителей незамужних дочерей, всего лишь

простое совпадение. Ты, случайно, не собираешься сделать меня чем-то вроде брачного приза?

Каро равнодушно улыбнулась:

– Просто хочу, чтобы вы почувствовали себя на нашем острове как дома. Не можете же вы упрекать меня в том, что здешние родители или их незамужние дочери стремятся познакомиться с вами.

– Могу и буду! Ты прекрасно знаешь, что я приехал на Кирену отчасти для того, чтобы избежать расставленных на меня силков.

Ее улыбка стала еще шире.

– Не сомневаюсь, что охота, затеянная юными леди, пойдет вам на пользу. От вас же не требуется, в самом деле, жениться на одной из них.

Макс витиевато выругался.

– Не хотите заключить мир? – мило улыбнулась она.

– Ни за что на свете.

– Может, передумаете? Честно говоря, я имею весьма мало отношения к вашей популярности. Дело в том, что наши граждане желают принести вам дань уважения как герою войны.

– Бьюсь об заклад, ты из кожи вон лезла, чтобы расписать мои подвиги.

– Вовсе нет. И словом не обмолвилась. Дело в том, что все на Кирене знают о вас. Джон Йейтс вот уже много месяцев поет вам дифирамбы. Кстати, ему не терпится вас увидеть.

Макс мгновенно помрачнел.

– Это меня удивляет.

– Но почему? Вы же спасли ему жизнь, привезя сюда, на Кирену.

Макс поморщился.

– Наоборот. Это Йейтс спас мне жизнь на поле брани. И он не может забыть, что из-за меня потерял ногу!

– Он ни в чем вас не винит. В любом случае сегодня вы встретитесь в замке, поскольку он – секретарь сэра Гавейна.

– Знаю, – сухо обронил Макс, терзаемый давними угрызениями совести, и устремил глаза на видневшийся впереди замок, стараясь игнорировать растущее напряжение.

С борта корабля Макс уже успел разглядеть твердыню сэра Олуэна, но вблизи она оказалась еще более впечатляющей. Массивные стены были достаточно толсты, чтобы выдержать артиллерийский обстрел, а парпетные стены щетинились пушками, способными отразить самую яростную атаку.

Внутри воинственный дух ощущался менее сильно. По крайней мере так посчитал Макс, очутившись в парадном зале. Дорогие гобелены, шпалеры, ковры и дорогая мебель украшали гигантскую комнату, смягчая холод камня. И все же то тут, то там встречалось множество предметов былых времен: доспехи и оружие – мечи, булавы, щиты, так что Макс почти чувствовал, что перенесся в прошлое.

Во всяком случае, члены рыцарского ордена чувствовали

бы здесь себя как дома!

Но тут в комнате появился молодой человек, ковыляющий на деревянной ноге. Джон Йейтс сильно похудел с тех пор, как служил под командованием Макса, но, несмотря ни на что, его лицо так и светилося здоровьем, а улыбка была искренней и радостной.

Джон откинул со лба прядь светлых волос и энергично потряс руку Макса.

– Не представляете, как я счастлив снова видеть вас, сэр. Я так и не успел поблагодарить вас за спасение моей жизни!

Макс почувствовал, как напряжение немного его отпустило. В голосе человека, который стал калекой по его вине, не было ни капли горечи.

– Но ты поблагодарил меня, друг мой, – серьезно ответил Макс, – бесчисленное количество раз, когда метался в бреду. И не знаю, чем отплатить тебе за твой подвиг, ибо, если бы не ты, я уже гнил бы в испанской земле.

Йейтс смущенно вспыхнул и поспешил приветствовать Каро, погладив ее по щеке, после чего снова обратился к Максусу:

– Прошу вас следовать за мной, майор. Сэр Гавейн ждет вас.

Он провел их по каменному коридору в большую уютную комнату, очевидно, служившую кабинетом баронета. Повсюду, включая огромный письменный стол, за которым работал пожилой джентльмен, были раскиданы бумаги и карты.

При виде гостей сэр Олуэн немедленно поднялся. Высокий, стройный, с хмурым лицом, он отличался необыкновенно пронизательным взглядом светло-голубых глаз, которые, казалось, не упускали ничего. Морщинистое лицо выглядело усталым, словно огромная ноша давила на его плечи. Макс заметил также, что он слегка хромает.

Приветствие сэра Гавейна было сердечным и искренним.

– Простите, что не смог принять вас раньше, мистер Лейтон, но события во Франции потребовали моего внимания.

Йейтс незаметно вышел, а сэр Гавейн предложил гостям садиться.

– Вы заинтересовали меня, еще когда привезли сюда Джона, – продолжал сэр Гавейн, – и с тех пор я внимательно следил за вашей военной карьерой. Вы считались блестящим командиром, применяли весьма нестандартные тактические методы и имели репутацию победителя. Рекомендательное письмо Кристофера Торна не содержит ничего, кроме наивысших похвал.

– Торн, вне всякого сомнения, преувеличил мои деяния, – заметил Макс, по мнению Каро, с неуместной скромностью. Она видела, что сэр Гавейн не сводит с него взгляда.

– Это весьма спорно. Но я был рад слышать, что вы предложили свои услуги советника на случай, если нам придется спасать леди Изабеллу. Насколько я понял, у вас имеется опыт освобождения пленных солдат.

– Да, и весьма обширный, – кивнул Макс.

– И вы сумеете составить план действий?

– Сделаю все, что смогу. Ключ к успеху – точная разведка, необходимые ресурсы, тщательные приготовления. Если вы сумеете позаботиться о первых двух пунктах, я постараюсь составить план, имеющий все шансы на успех.

– Сейчас мы всячески пытаемся раздобыть нужные сведения. И я думаю, что удастся собрать все ресурсы. Заверяю, мистер Лейтон, я намереваюсь привезти леди Изабеллу домой живой и здоровой. Ее отец был моим дорогим другом, и, когда его вынудили уехать в ссылку, я пообещал ему убежище. И этот обет распространяется на его семью.

– Повторяю, сделаю все, что смогу.

– Я это знаю. – Баронет поколебался. – Откровенно говоря, человек ваших талантов был бы незаменим в нашей организации. Мы хотели бы видеть вас постоянным членом.

– Постоянным? – настороженно переспросил Макс.

– Я очень бы хотел, чтобы вы присоединились к нам.

– Предлагаете мне работать на министерство иностранных дел?

Сэр Гавейн кивнул.

– Вам не обязательно оставаться на Кирене. Наше отделение находится здесь, потому что отсюда мы можем быстро достичь Европы, где кризисы имеют тенденцию развиваться с угрожающей частотой. Но у нас есть отделения и в Италии.

– Судя по словам Алекса Райдера, у меня создалось впечатление, что у вас довольно мощная организация.

– У нас прекрасные связи и хорошее финансирование, если вы имеете в виду именно это.

– Насколько я понял, вы нечто вроде современных наемников?

Сэр Гавейн загадочно улыбнулся:

– Предпочитаем считать, что у нас куда более высокое призвание. Защищать слабых, беззащитных, достойных. Бороться с тиранией. Работать на благо человечества.

Каро знала, что сэр Гавейн многого недоговаривает. «Хранители меча» создали свою организацию более тысячи лет назад, и основателями ее были изгои – самые легендарные воины Британии, нашедшие свое место на этом острове. Теперь орден управлялся их последователями и действовал в основном в Европе, хотя британское министерство иностранных дел имело лишь номинальное право приказывать «хранителям», какое задание выполнять в очередной раз.

Прошло несколько долгих минут, прежде чем Макс ответил:

– Я польщен вашим предложением, сэр Гавейн. Но возможно, вы поймете, почему я хочу всего лишь оставаться, гражданским лицом. После девяти лет войны меня мало привлекает сама мысль о сражениях и кровопролитиях.

– Только безумцы наслаждаются кровопролитиями, мистер Лейтон, но, к сожалению, бывают времена, когда они становятся необходимыми. И все же я прекрасно понимаю, почему вы не хотите ввязываться в конфликт. Вы храбро слу-

жили стране и нуждаетесь в отдыхе. Возможно, вы найдете его здесь, на нашем прекрасном острове. И если вы примете участие в спасении леди Изабеллы, лучше поймете смысл нашего существования и наших действий. Надеюсь, что смогу убедить вас присоединиться к нам.

Макс, казалось, колебался. Во время их разговора Каро пристально наблюдала за его реакцией. Сэр Гавейн незаметно готовил его к постоянному участию в организации, но их главные тайны останутся скрытыми, пока Макс не согласится работать на министерство иностранных дел.

Сэру Гавейну Макс, очевидно, был очень нужен. И все же Каро сомневалась, что он согласится. Ему было противно убивать.

– Но вы обещаете, что, по крайней мере, подумаете над моим предложением? – настаивал сэр Гавейн.

– Я и не думал сразу отказываться, сэр Гавейн.

– В таком случае придется удовлетвориться хотя бы этим. И может, Каро лучше удастся вас убедить. А пока что я хочу приветствовать вас на нашем острове. Хочу дать бал в вашу честь на следующей неделе, мистер Лейтон. И попросил Джона все устроить. Джон! – окликнул сэр Гавейн.

Джон Йейтс, должно быть, ждал за дверью, потому что немедленно приковылял в комнату в сопровождении дворецкого и двух лакеев, внесших чай и пирожные. Сэр Гавейн пригласил бывшего лейтенанта присоединиться к ним.

Макс дождался, пока слуги разлили чай и ушли, прежде

чем обратиться к хозяину.

– Вам нет нужды брать на себя столько хлопот из-за меня, сэр Гавейн, – заметил он.

– Есть, и еще какая, – впервые заговорила Каро. – Вы должны познакомиться со всеми нашими соседями, мистер Лейтон. Наш долг – представить вас здешнему обществу.

– И всем остальным на Кирене, – вмешался Йейтс. – А кроме того, здесь обожают балы. Дамам не терпится станцевать новый танец, ввезенный сюда с континента. Они не давали покоя нашему учителю танцев, требуя показать им вальс. Если не считать Каро, конечно. Она отказывается учиться.

– Потому что терпеть не могу танцы, – весело объявила Каро, – но, может, вы уговорите мистера Лейтона брать уроки?

– Я умею танцевать вальс, – сообщил Макс.

– Танцы, – пояснил ей Йейтс, – были одним из наших немногих развлечений на Пиренейском полуострове. Даже я буду танцевать! И хотя сейчас я далеко не так проворен, как когда-то, все же сумею показать себя в бальном зале!

– Джон старается произвести впечатление на свою возлюбленную, – сухо заметил сэр Гавейн.

Йейтс расплылся в улыбке:

– Сначала я опасался, что ее отвратит от меня мое увечье. Но оказалось, что это волнует ее меньше всего.

Сэр Гавейн тактично сменил тему, и они заговорили о

другом. Наконец Макс и Каро решили распрощаться.

– Джон, кажется, искренне счастлив, – заметил Макс, когда они отъезжали от замка.

– По-моему, да. Ему нравится работать на сэра Гавейна, потому что, как он утверждает, это дает ему достойную цель в жизни. И он ухаживает за девушкой... мисс Даниэлой Нью-эм. Мисс Ньюэм и ее брат прошлой весной приехали погостить на остров, но решили остаться.

Макс нахмурился, словно что-то припомнив.

– Какая она, эта мисс Ньюэм?

– Довольно красивая, с рыжеватыми волосами и величественной фигурой. Признаюсь, я немного удивилась, заметив, что мисс Ньюэм поощряет знаки внимания Джона, тем более что она, похоже, на несколько лет старше и куда более умудрена жизненным опытом. Но похоже, она неплохо на него влияет.

Макс когда-то знал утонченную рыжеволосую красавицу по имени Даниэла Ньюэм и заподозрил, что тут не простое совпадение.

– Я бы хотел познакомиться с ней.

– Уверена, что такая возможность представится на балу сэра Гавейна.

– Ты действительно хочешь там быть? Даже при всей нелюбви к балам?

– Именно, – парировала Каро. – Здешнее общество куда более снисходительно, чем в Лондоне. И Изабелла первая

упрекнула бы меня, останься я дома. Более того... – Безмятежная улыбка заиграла на ее губах. – Мне не терпится найти другую женщину, которая станет объектом вашей похоти.

– Сколько раз я должен твердить, милая, что хочу быть только твоим возлюбленным. – И, дождавшись, когда она зальется краской, растянул губы в медленной чувственной улыбке, от которой у нее перехватило дыхание.

Каро стиснула поводья, жалея о своей отвратительной несдержанности. Она не желала, чтобы Макс ослеплял ее улыбкой. Не желала ощущать тревожный жар, разливавшийся по телу. Не хотела помнить обольстительную силу его ласк.

Их состязание – всего лишь игра для него, напомнила себе Каро. И чтобы покончить с этим, необходимо как можно скорее представить его Джулии Трент и Бланке Эррера.

Она нисколько не сомневалась, что их несравненная красота быстро вытеснит ее из мыслей Макса.

Каро пыталась игнорировать сжавшую сердце тоску и принялась обдумывать, как лучше устроить встречу. Бал у сэра Гавейна предоставит прекрасную возможность, особенно если заранее попросить Райдера все организовать. Однако столь необычное требование обязательно возбудит в Алексее любопытство, а вместе с ним и вопросы, на которые ей не слишком хочется отвечать... Нет, решила Каро, она сама представит Макса дамам.

Невозможно отрицать, что она по-прежнему хочет Мак-

са, но на этот раз не отдастся своим глупым порывам. Чем меньше она будет участвовать в его жизни, тем легче перенесет его отъезд.

Она сделает все, чтобы он стал своим в обществе, и познакомит с женщиной, достойной его пылкой страсти. А потом их состязание закончится. И она наконец победит неразумное, постыдное, несомненное влечение к нему.

К сожалению, получилось так, что следующие несколько дней Макс не видел Каро. Она с утра до вечера была занята, помогая доктору и ухаживая за больными, но втайне Макс подозревал, что она попросту избегает его.

Макс безумно тосковал о ней, хотя ему было чем заняться. Он постоянно плавал в бухточке у подножия холма, часто ездил верхом, познавая суровые красоты гор и побережья. Но даже эти приятные занятия не затмили его неутомимого желания к Каро.

Он непрестанно думал о ней: об улыбке, губах, шелковистой коже под ладонями. Видел во всех своих снах. И кроме того, у него чесались руки свернуть ей шею. Она, очевидно, твердо решила выиграть их состязание, поскольку в распорядке его дня каждый день появлялись новые записи. Приглашения продолжали поступать, привозимые лично визитерами, которым не терпелось поближе познакомиться со столь прославленным героем войны. Поэтому его дни были заполнены охотой и спортивными состязаниями, а вечера – зваными приемами, ужинами и балами. Он не мог появиться

в городе без того, чтобы его не осаждали совершенно чужие люди, наперебой спешившие познакомиться и представить своих дочерей. Его обхаживали, развлекали, улещали, в точности как в Лондоне.

За три дня до бала Каро имела наглость прислать ему список самых красивых женщин острова, причем рядом с каждым именем красовались подробное описание и советы, как лучше привлечь их внимание. Она особенно выделила двух кандидаток, восхваляя их прелести и привлекательность.

«Надеюсь, вы постараетесь внимательно изучить мои примечания и тогда перестанете преследовать меня», – гласила ее записка.

Макс невольно улыбнулся. Он мог бы сказать ей, что никакие коварные замыслы не заставят его отказаться от своих планов, не излечат его безумного голода к ней, истступленного желания.

Но он поклялся задать Каро хорошую трепку при следующей же встрече, вероятнее всего, на балу у сэра Гавейна.

Ему не слишком хотелось посещать бал в свою честь. Вернувшись в Лондон после многолетней войны, он поначалу нашел привлекательными бессмысленные светские развлечения. Теперь же он попросту желал проводить время с одной-единственной женщиной, которая была исполнена намерений швырнуть его на растерзание волкам.

Чувствуя себя в день бала чем-то вроде добычи, Макс сбежал в таверну Сантоса Верры в надежде найти небольшую

передышку от навязчивого женского внимания и утешиться простой мужской дружбой в обществе Алекса Райдера или его приятелей-холостяков.

В таверне было полно народа, в основном рыбаки, наслаждающиеся своей пинтой эля после тяжелого дня. Но ни Райдера, ни других новых знакомых Макс не увидел. Они, разумеется, уже готовятся к вечерним празднествам.

Макс мрачно нахмурился. Но тут к столу подошел сеньор Верра с бутылкой хорошей мадеры. Испанец, похоже, искренне сочувствовал явному отвращению Макса ко всем бадам на свете и уже хотел что-то сказать, когда кое-что привлекло его внимание. Джентльмен с рыжевато-каштановыми волосами, в хорошо сшитом сюртуке, только что вошедший в зал, заметил Макса и, словно испугавшись чего-то, развернулся и почти побежал к двери.

Верра поднял густые брови:

– Мистер Ньюэм, похоже, решительно старается избегать вас. Вы чем-то оскорбили его?

Макс презрительно усмехнулся:

– Боюсь, что он не слишком стремится возобновить знакомство. Во время нашей последней встречи при подозрительных обстоятельствах погиб мой друг, а мистер Питер Ньюэм со своей сестрицей немедленно покинули город.

– Вы хорошо знаете его сестру, Даниэлу Ньюэм?

– К сожалению. На мой вкус, она смертоносна. Верра кивнул:

– Да, мудрый человек не должен поворачиваться спиной к подобной женщине.

– Насколько я понял, Джон Йейтс за ней ухаживает.

– Совершенно верно, это кажется мне крайне любопытным. Интересно, что она находит в молодом Йейтсе?

– А мне интересно, что она вообще делает на Кирене, – хмыкнул Макс. – Мисс Ньюэм и ее братец слишком любят эlegantное общество, чтобы добровольно заточить себя на вашем уединенном острове, да еще с самой весны.

– Интригующий вопрос, – заметил Верра. – Возможно, вам захочется найти на него ответ.

Макс задумчиво нахмурился. Ему действительно интересно узнать, чем мотивируют Ньюэмы свое пребывание на Кирене. Во всяком случае, необходимо предупредить Каро, что Ньюэмов когда-то подозревали в государственной измене. Может, именно эта головоломка привлечет ее внимание, если уж все другие способы провалились!

– Возможно, – согласился он, допивая вино и протягивая хозяину пустой бокал.

Войдя в парадный зал, он сразу стал искать глазами Каро, но среди гостей, толпившихся у двери, ее не было. Зато он мгновенно заметил рыжеволосую красотку, приветствующую гостей вместе с хозяином, – единственную женщину, удостоенную такой чести. Даниэлу Ньюэм.

Сэр Гавейн тепло поздоровался с Максом. Джон Йейтс последовал его примеру. Он опирался о костыль, вне сомне-

ния, предвидя длинный трудный вечер. Стоявшая рядом с ним мисс Ньюэм по-прежнему казалась неотразимо красивой и элегантной в своем модном платье из шелка цвета бронзы с прозрачной верхней юбкой, прошитой золотыми нитями. Брата нигде не было видно.

Макс склонился над рукой леди, и ее зеленые глаза блистали радостью узнавания. Как ни странно, она совсем не растерялась, увидев его. Скорее казалась женщиной, уверенной в собственных силах.

– Ваш брат сопровождает вас, мисс Ньюэм? – осторожно осведомился Макс.

Она ответила фальшивой улыбкой:

– Увы, Питеру сегодня нездоровится.

– Очень жаль, мисс Ньюэм. Я надеялся, что мы сможем вспомнить старые времена.

Улыбка словно примерзла к губам женщины под любопытным взглядом Джона Йейтса.

– Вы знакомы? – удивился он.

– Да, и очень давно, – подтвердил Макс. – Когда-нибудь я обязательно поведаю вам, как познакомился с мисс Ньюэм и ее братом.

Ее глаза сверкнули как раз в тот момент, когда Макс услышал, что его окликнули. Он отвернулся, но чувствовал, как глаза леди кинжалами впиваются в его спину.

В парадном зале уже толпились гости, и при виде Макса сразу несколько человек бросились навстречу с приветстви-

ями, что снова помешало ему найти Каро. Но она была здесь: наконец он заметил ее у дальней стены в окружении компании джентльменов, среди которых был и Райдер.

Макс почувствовал, как сердце сильнее забилося в груди. Он впервые видел Каро в чем-то напоминавшем модный туалет. Сегодня на ней было платье с завышенной талией из светло-голубого люстрина, со скромным вырезом, прекрасно облежавшее фигуру. Макс остро ощутил немедленную реакцию своего тела. Страстно захотелось сорвать с Каро это платье и упиться ее чувственными чарами, которые он так живо помнил. Утащить от этих мужчин, которые, судя по дружному смеху, чересчур наслаждались ее обществом.

Но тут Каро подняла глаза, и их взгляды скрестились. Похоже, она сильно смутилась, потому что покраснела и отвернулась.

Прошла целая вечность, прежде чем она направилась к нему в компании двух молодых дам. Обе, очевидно, были де-бютантками, потому что мило краснели и заикались на каждом слове, благоговейно уставясь на Макса.

Каро с улыбкой представила ему мисс Эмили Смайт и мисс Фебу Кроуфорд.

– Они жаждали познакомиться с вами, мистер Лейтон. И обе превосходно танцуют. Я заверила мисс Смайт, что вы готовы пригласить ее на первый танец. А потом мисс Кроуфорд будет рада подарить вам второй.

Макс зловеще прищурился, безмолвно обещая Каро же-

стокое возмездие. Но в серых глазах светилось искреннее веселье. Мало того, она имела дерзость мгновенно исчезнуть в тот момент, когда хорошенькая, но бесцветная мисс Смайт оживленно зашебетала:

– О, мистер Лейтон, мисс Иверс рассказала о вас все...

Макс вздохнул, готовясь выносить бесконечную скуку. Первые два часа действительно тянулись целую вечность, и ему ужасно хотелось улизнуть. Но как почетный гость, он был обязан танцевать и проводить время в разговорах с наиболее выдающимися членами общества и аристократами.

Он успел познакомиться почти со всеми знатными семьями острова и губернатором Кирены. Торн предупреждал, что здешнее общество весьма напоминает лондонский высший свет, и Макс полагал, что он прав, если не считать испанского влияния. Почти четверть собравшихся были испанцами, и, следовательно, на балу было полно пожилых дуэний.

Когда он умудрился между танцами приблизиться к Каро, та познакомила его со своей компаньонкой, сеньорой Падильо, коренастой престарелой вдовой-испанкой, на вид казавшейся весьма неповоротливой. Одетая в черное сеньора вздыхала и обмахивалась веером с таким видом, словно вот-вот упадет в обморок.

Но тут он заметил Даниэлу Ньюэм, кокетливо смотревшую в ошеломленные глаза Джона Йейтса, неуклюже кружившего даму в вальсе. Извинившись перед дуэньей, Макс

решительно взял Каро за руку и увлек за собой.

– Говорю же, я не танцую, – запротестовала она, останавливаясь.

– Тогда посидим во время следующего танца, – парировал Макс. – Мне нужно кое-что вам сказать.

Они разъяренно смотрели друг на друга, как два дуэлянта, но Каро сдалась первой. Он повел ее в дальний угол зала, где оставалось несколько свободных стульев. К сожалению, на пути то и дело попадались юные леди, желавшие привлечь его внимание.

Когда они наконец устроились поудобнее, Макс выругался и угрюмо воззрился на Каро.

– Это ты во всем виновата!

У нее хватило нахальства с невинным видом хлопнуть ресницами.

– О чем это вы?

– Ты прекрасно знаешь о чем! Это ты замыслила отдать меня на растерзание этим особам!

– Не я одна стремлюсь представить вас нашим незамужним дамам. Сэр Гавейн и Джон Йейтс тоже помогали, – коварно усмехнулась Каро. – Вы изучили присланный мной список? Думаю, вы без труда найдете себе страстную возлюбленную.

– Бесстыдница, – пробормотал он, стараясь не замечать смешливых искорок в ее глазах.

– Поверьте, я старалась включать не только помешанных

на замужестве дебютанток! Сегодня здесь и Джулия Трент, и сеньора Эррера. Вы просто обязаны с ними познакомиться.

– Меня несколько не интересует твой чертов список, – прошипел Макс. – Нам нужно обсудить совершенно иное дело. Думаю, тебе должно быть известно, что возлюбленная Йейтса совсем не та, кем кажется.

Каро нахмурилась. Теперь ей было не до веселья. Добившись ее внимания, Макс стал рассказывать о былом знакомстве с Даниэлой Ньюэм и ее братом Питером.

– Три года назад я взял отпуск и приехал в Лондон, когда случилась трагедия. Мой университетский друг покончил с собой из-за скандала, в котором был замешан. Он работал на военное министерство и отвечал за посылку подкреплений на Пиренейский полуостров. Когда целый батальон пехоты был уничтожен французами сразу после высадки, его обвинили в предательстве. В то время он ухаживал за Даниэлой Ньюэм, или, вернее сказать, она его обхаживала. И оставила город сразу после того, как известие о трагедии достигло Англии.

Ничего не удалось доказать, – продолжал Макс, – но ее заподозрили в том, что она скопировала депеши, в которых указывались подробности передвижения войск, и отправила во Францию. А вскоре после того, как мисс Ньюэм исчезла из города, ее любовник приставил пистолет к виску.

В мрачном голосе Макса звучал подавленный гнев, а опасный блеск в глазах заставил Каро невольно вздрогнуть. Не

хотела бы она иметь своим врагом такого человека.

Встревоженная откровениями Макса, она всмотрелась в его лицо.

– Думаете, она может быть шпионкой?

– Во всяком случае, она постоянно вертится вокруг доверчивых и богатых молодых людей. У Йейтса не останется ни малейшего шанса, если она запустит в него свои коготки. Советую тебе попытаться разлучить их, если это возможно. И если у тебя есть тайны, которые нужно хранить, я бы держал их под надежным замком.

– Я так и сделаю, – пообещала Каро, прекрасно зная, сколько тайн хранит остров.

Но в этот момент она заметила сеньору Бланку Эррера, стоявшую неподалеку, и почти против воли сделала знак прелестной черноволосой испанке, после чего поднялась и представила ее Максу.

Одетая в изысканное черное с алым кружевное платье, поразительно красивая сеньора медленно помахивала веером, оглядывая Макса чувственными темными оленьими глазами.

– Очень рада познакомиться с вами, сеньор, – пробормотала она низким грудным голосом, когда он склонился над ее рукой.

– Я искренне счастлив, сеньора, поскольку давно хотел встретиться с вами.

Расслышав в голосе Макса восхищение и чисто мужской

интерес, Каро ощутила, как острая стрела ревности пронзила сердце. Она вдруг пожалела о собственной опрометчивости. Пальцы судорожно сжались в кулаки, что было ошибкой, поскольку Макс заметил ее реакцию.

Он послал Каро мимолетный, почти издевательский взгляд, словно прекрасно понимал, что его флирт с другой женщиной раздражает и выводит ее из себя.

Галантно пригласив сеньору Эррера на вальс, он предложил руку, чтобы проводить леди на середину зала, где танцующие занимали свои места.

Каро снова опустилась на стул и, глядя вслед удалявшейся парочке, поражалась собственным необузданным эмоциям. И это она, которая всегда была в прекрасных отношениях с сеньорой Эррера! Но в этот момент у нее чесались руки исцарапать прелестное личико красавицы.

Она покачала головой, молча ругая себя: да ведь она сама хотела отвлечь внимание Макса! Мечтала изничтожить собственную одержимость этим человеком!

Она безумно тосковала без него всю последнюю неделю, несмотря на яростную решимость оставаться одной. И, увидев его сегодня, такого неотразимо красивого, в черном фраке из тончайшего сукна, белоснежных атласных брюках со штрипками и белом галстуке, она ощутила, как бешено затрепыхалось сердце. Каро была уверена, что он прочел желание на ее лице и заметил эту возмутительную реакцию всего минуту назад. Она не имела никаких прав на столь бешеную

ревность... да и времени тоже.

Прежде всего необходимо всерьез заинтересоваться Даниэлой Ньюэм, ибо на карту поставлены тайны «хранителей». Правда, Макс может и ошибаться, и в миссис Ньюэм нет ничего зловещего, но на всякий случай придется посоветовать соратникам проследить за обоими Ньюэмами.

Едва эта мысль пришла в голову Каро, как она заметила мисс Ньюэм в дальнем конце зала. Дама осторожно огляделась, прежде чем выскользнуть за дверь.

Несколько секунд Каро не шевелилась. Наконец с последним, тоскливым, взглядом на Макса она взяла себя в руки и решительно поднялась.

Глава 7

Бесшумно выйдя в коридор, Каро едва не задохнулась от ярости при виде Даниэлы, открывшей дверь кабинета сэра Гавейна. Мисс Ньюэм несколько раз гостила в замке и, конечно, знала, расположение основных помещений. Если она действительно вынюхивает здешние тайны, следовало начать именно отсюда.

Каро остановилась, не в силах решить, входить ли в кабинет именно сейчас или стоит подождать. С одной стороны, зная, что ищет возможная шпионка, можно легко выработать необходимые методы обороны. Но с другой – ей нельзя рисковать. Вдруг мисс Ньюэм ее обнаружит, и она подставит под удар «хранителей».

Каро тихо приоткрыла дверь.

Рыжеволосая красавица действительно сидела за столом сэра Гавейна, лихорадочно роясь в документах, усеявших поверхность.

– Могу я чем-то помочь, мисс Ньюэм? – пропела Каро с деланно наивным видом.

Даниэла на секунду застыла, но, на удивление быстро придя в себя, отложила бумаги, схватила перо и томно улыбнулась:

– Возможно, мисс Иверс. Мне стало нехорошо, вот и пришлось поискать дамскую комнату. Но тут я сообразила, что в

таких случаях очень помогают жженые перья. Увы, я не могла найти никаких перьев, кроме этого. Думаю, вряд ли сэр Гавейн заметит пропажу.

Ничего не скажешь, изобретательный предлог! Каро невольно восхитилась хитростью этой особы.

– Буду счастлива проводить вас в дамскую комнату, – предложила она. – Там наверняка найдутся и перья, и нюхательные соли.

– Благодарю вас, – промурлыкала мисс Ньюэм с непривычной сговорчивостью.

Каро проводила ее в спальню, специально отведенную для дам, и подождала, пока Даниэла торжественно жгла перо и вдыхала едкий запах, после чего объявила, что полностью пришла в себя.

Они вместе вернулись в зал и присоединились к Джону Йейтсу. Даниэла с ослепительной улыбкой стала рассказывать Джону, как мисс Иверс любезно ей помогла. Каро подумала, что из нее вышла бы превосходная актриса, достойная лондонской сцены. Но этот случай ее встревожил. Если Даниэла Ньюэм действительно шпионка, за ней следует пристально наблюдать.

Каро выдержала вежливую паузу, извинилась и стала пробираться через толпу гостей, то и дело останавливаясь, чтобы поговорить с друзьями. Наконец она добралась до Алекса Райдера, взяла его под руку и, притворяясь, будто завела шутивную беседу, повела к столу с закусками. На самом же

деле успела предупредить его о случившемся и попросила помочь проследить за мисс Ньюэм.

– Если она действительно шпионка, – заметил Алекс, – ее брат скорее всего завяз в этом с головой.

– Вне всякого сомнения. Как по-твоему, нужно сказать сэру Гавейну?

– Не вижу необходимости его тревожить. Сообщу обо всем после бала. А пока что поговорю кое с кем еще.

Каро облегченно улыбнулась. Вскоре все «хранители» Кирены будут извещены об опасности.

– Нужно прежде всего сказать Йейтсу, – мрачно добавил Райдер.

– Знаю, – с сожалением вздохнула Каро. – Но я предпочла бы сделать это сама. Жаль его расстраивать, он, очевидно, к ней неравнодушен.

Когда Райдер отошел, Каро принялась оглядывать зал, бессознательно ища взглядом Макса.

На этот раз он танцевал с мисс Джулией Трент, вдовой, которую Каро прочила ему в любовницы. Красотой и элегантностью она не уступала сеньоре Эррера, но при этом была ее полной противоположностью: тонкие черты бледного лица, золотистые волосы и глаза цвета дикого цикория.

В Каро снова поднялось безумное желание искалечить соперницу, хотя она и Макс представляли на редкость красивую пару. Кроме того, Макс прекрасно вальсировал, и все смотрели только на них. Ничего не скажешь, талантливый

человек талантлив во всем! Как мало усилий понадобилось, чтобы сделать его центром внимания! Женщины порхали вокруг него, как бабочки вокруг цветка, притягиваемые неотразимым мужским обаянием.

Наблюдая, как он смотрит на прелестную блондинку в его объятиях, Каро едва не схватилась за сердце, занывшее от тоски. Интересно, знает ли Макс, какое впечатление производит его ленивая полуулыбка?

Ругательство, которое пробормотала под нос Каро, считалось крайне неприличным даже для мужчины.

Она знала, что этих красивых, привлекательных людей потянет друг к другу. И должна радоваться, что ее усилия увенчались успехом. Почему же так холодно на душе? Почему так больно видеть, что Макс почти прижимает к себе грациозную блестящую блондинку.

Джулия была когда-то лондонской актрисой и с некоторой натяжкой могла считаться дамой полусвета. Судя по бесстыдным взглядам, она была готова затащить Макса в постель. И он наверняка окажется там скоро, возможно, даже сегодня.

Горько улыбнувшись, Каро резко отвернулась. Ей не удастся соперничать с таким совершенством. Ни элегантности, ни красоты, ни грациозности, которыми восхищаются люди вроде Макса. Ей и на балу не место. Впрочем, она никогда не придавала особого значения своей внешности, ибо все время и внимание уделяла более важным делам. Такая

практичная разумная женщина не может быть тщеславной!

Так откуда это жгучее желание быть ослепительно красивой? Заставить Макса смотреть на нее, словно это так и есть. Теми глазами, которыми он смотрел на нее в развалинах. Держать ее в объятиях, как он держит сейчас Джулию! Почему ей так не по себе?

Исполненная решимости подавить свои жалкие чувства, Каро обошла толпу и направилась к каменной лестнице в дальнем конце зала. Пожалуй, лучше выйти на воздух, где можно насладиться великолепным видом, открывавшимся со стен.

Возможно, в холодном покое ночи она найдет утешение и избавится от глупых и опасных желаний.

– Ваше невнимание вряд ли лестно для меня, – капризно пробормотала Джулия Трент.

Макс с тоской обратил взгляд на женщину, вальсирующую в его объятиях. Вместо того чтобы сосредоточиться на партнерше, он следил за Каро, вышедшей из зала. Абсолютно бестактное поведение с его стороны!

– Мисс Иверс – весьма приятная особа, но, честно говоря, не могу понять, почему джентльмены так хорошо к ней относятся, – с искренним недоумением пожаловалась Джулия. – Красивой ее не назовешь, и для женщины у нее весьма странные интересы.

Макс мог бы точно сказать ей, почему джентльмены так симпатизируют Каро: она была одной из них. Принята в их

братство, где узы дружбы почти так же важны, как честь.

И все же можно понять, почему столь редкий дух товарищества может служить поводом для ревности у таких дам, как Джулия Трент. Они ненавидели то, чего не могли понять и разделить, и завидовали уникальности Каро. Она не только целительница, но и воин!

И все же в ее жилах горит огонь страсти!

В отличие от красавицы блондинки в его объятиях...

Он одарил Джулию очаровательной улыбкой и репликой, успокоившей ее раненое тщеславие, но, едва танец окончился, поспешно удалился.

Стоя у парапета, Каро любовалась сверкающим морем. Луна все еще была почти полной, окутывая ночь серебряным покрывалом, а душистый ветерок ласкал разгоряченное тело.

В такие минуты ее одиночество было особенно острым, а неудовлетворенность собой – ощутима. Каро нравилась ее жизнь, но все же иногда чего-то недоставало.

Конечно, во всем виноват Макс. До него она не знала, что такое одиночество, не понимала, как глубока боль.

Но неотступный внутренний голос настаивал, что тут есть доля и ее вины. В конце концов, она сама выбрала такую судьбу. Она одна лишала себя мужской любви из страха потерять свое двойное призвание. И привыкла игнорировать свои женские потребности, сама став едва ли не мужчиной.

Но все мысленные уговоры не могли заглушить жгучую

тоску. И даже самая откровенная честность не могла заставить ее с энтузиазмом взирать на безбрежную пустоту, окружавшую ее.

Сзади раздался мужской голос, и Каро вздрогнула от неожиданности.

– Так вот где ты прячешься!

Оглянувшись, Каро увидела идущего навстречу Макса.

– Вам не стоило оставлять бал, – пожурила она, выдавив улыбку. – Разочаруете всех поклонниц.

– Черт бы побрал всех моих поклонниц! – горячо выпалил он. – И черт бы побрал тебя за то, что меня бросила! Вместо того чтобы защищать мою добродетель, исчезаешь при первой возможности!

Каро невольно усмехнулась:

– А я думала, вы потеряли свою добродетель много-много лет назад.

– Хорошо, в таком случае позволь быть откровенным. Я предпочту быть с тобой, лишь бы не терпеть навязчивое внимание всех этих льстивых особ!

Уголок ее губ чуть приподнялся.

– Если не вернетесь, пропустите лучшую часть бала. Вскоре будет подан поздний ужин.

– Знаю. Того пира, который нам предложат, хватило бы, чтобы прокормить армию Веллингтона в течение целого месяца. Но аппетит куда-то исчез после всех моих усилий разрушить твои планы. Я подумал, что, пожалуй, смогу угово-

рить тебя на вальс.

Ее улыбка померкла.

– Говорю же, Макс, я не танцую.

– Что ты имеешь против танцев?

Каро, смущенно покраснев, опустила голову.

– Я чувствую себя такой неуклюжей, когда пытаюсь танцевать. Так было на каждом балу. А уж в Лондоне я казалась... – Она покачала головой и коротко рассмеялась. – Я совсем не хотела жаловаться. Но вы должны сами видеть, насколько я нескладная.

Макс небрежно облокотился о парапет. Сам он считал Каро необыкновенной, но только сейчас стал понимать, как мало верит Каро в собственную привлекательность. Поразительно, до чего неуютно она чувствует себя в обществе! В своем мире она вела себя уверенно, казалась красноречивой, ловкой и умелой, но здесь, среди бомонда, ее сомнения в себе были более очевидны. Похоже, отсутствие светских манер угнетало ее.

Макс ощутил внезапное желание защитить эту бесконечно уязвимую женщину.

Он мог бы сказать Каро, какой очаровательной находит ее, но сомневался, что она ему поверит. Нет, вместо этого он ей покажет...

– Иди сюда, – попросил он, протягивая ей руки.

– Зачем? – настороженно осведомилась она.

– Потому что я хочу танцевать с тобой, – объявил он, ши-

роко обводя рукой каменный пол парапета. – У нас собственный бальный зал, где нашими зрителями будут только луна, звезды и ночное небо.

Каро долго изучала его, прежде чем снова усмехнуться.

– Если это ваша идея мести за мои замыслы, я бы желала, чтобы вы придумали другое наказание.

– Я и без того достаточно раздражен, чтобы требовать мести, колдунья. Но обещаю, это не будет наказанием.

Но Каро все же колебалась.

– Даже если бы я умела вальсировать, вы не захотели бы иметь такую партнершу. Уверяю вас, я безнадежна.

– Если Йейтс способен танцевать даже с деревянной ногой, что говорить о тебе?

– Но он всегда любил танцевать. В отличие от меня.

– Скажи, ты ведь умеешь фехтовать, верно?

– Какое это имеет значение?

– Танцевать не сложнее, чем стоять перед противником со шпагой в руках. И большинство людей посчитали бы танцы куда менее опасным занятием. А теперь иди сюда, я поучу тебя вальсировать.

– Не бойтесь снова очутиться на земле? – насмешливо спросила Каро.

Но Макс понял, что она защищается шутками, как щитом, и это показалось ему трогательным.

– Ну уж нет, на этот раз я буду начеку. Повторяй за мной и не упускай ни единого движения. – Легко сжав ее руки, он

показал ей па и ритм.

Из зала доносились слабые звуки музыки, и Каро обнаружила, что с удивительной легкостью следует за Максом, пока он отсчитывает такт: раз-два-три, раз-два-три... – перемежая счет нежными словами одобрения.

Наконец он привлек ее к себе.

– Закрой глаза, ангел, и просто почувствуй.

Она повиновалась, позволив мелодичной музыке обтекать ее, плывя вместе с ней, и через несколько секунд они двигались как единое целое.

Каро не могла этому поверить. И все же отдалась ею объятиям, исполненная странного смешения эмоций: восторга, радости и благодарности. Она всегда хотела чувствовать себя грациозной, танцевать, как другие женщины, и Максимум каким-то образом удалось превратить ее в лебедя.

Она прерывисто вздохнула. Второй раз в жизни этот человек заставляет ее почувствовать себя красавицей. Желанной. Единственной...

Ей казалось, что она движется словно в чувственном сне.

Гораздо позже она смутно осознала, что Макс замедлил шаг и отстранился, полузакрытыми глазами изучая ее.

Они наконец остановились, и неожиданно ночь ожила, наполнившись звуками и ощущениями.

Их взгляды скрестились: ее – серый опал, его – синий сапфир.

– Я хочу поцеловать тебя, – тихо предупредил он.

Каро оцепенела. Он словно гипнотизировал ее, держа в кольце своих объятий. Она ощущала жар его тела, чувствовала, как набухают и напрягаются ее груди. Против всех логических соображений она жаждала его поцелуя.

Он с мучительной нежностью привлек ее к себе. Его сексуальное возбуждение было очевидным, да и Каро была не в силах подавить внезапную сладостную боль между бедрами. Его руки властно обвили ее шею, заставив вспомнить другую магическую ночь, серебряный свет луны, шепот океанских волн, невероятную чувственность этого мужчины...

Но тут Макс сжал ладонями ее лицо, запрокидывая ее голову, чуть касаясь губами губ. Каро продолжала смотреть на него, трепеща от сознания, что он желает ее, и ее одну. И видела только точеные черты идеального лица... видела, пока его губы не прижались к ее губам, мягкая плоть к мягкой плоти.

Она тихо вздохнула. Сейчас у нее не было ни единой мысли о сопротивлении. И вообще никаких мыслей. Только чувства.

Его поцелуй был неспешным, интимным познанием ее рта. И предательский жар желания медленно копился в ней. Однако нечто вроде слабого протеста сорвалось с губ, когда она осознала, к чему все это ведет. Слишком она истосковалась, слишком изголодалась по нему. И Макс пробудил неистовство в ее крови.

Охнув, она попыталась отстраниться, но он не дал.

– Чего ты боишься? – рассердился наконец он. – Что я коснусь тебя вот так? – Он намеренно грубо сжал ее грудь. – Что отведаю тебя на вкус?

Каро едва не застонала, когда его губы нашли ее горячую покрасневшую щеку.

Яростные ощущения пронзали ее, пока он гладил ее, ласкал, осыпал поцелуями.

– Я способен думать только о том, как окажусь в тебе, – признался он.

Она тоже могла думать только об этом. Ее тело ожило. Мощные порывы сотрясали Каро, плотские желания, заставлявшие пульсировать соски, ловить ртом воздух. Ослабевшие ноги едва ее держали.

На этот раз ей удалось освободиться, толкнув его в грудь. Каро дрожащей рукой оперлась о парапет, отводя глаза, борясь с волной возбуждения, захлестнувшей ее. О, как она хотела отречься от этого безумного голода! Макс так легко мог заставить ее дрожать от нетерпения, потерять самообладание, забыть обо всем. Он так опасен... итак восхитителен! Медовая нежность его поцелуя заполнила глубокую, так долго скрываемую пустоту, существование которой она отказывалась признавать...

И тут она сделала ошибку, снова взглянув на него. Оказалось, что он держал ее в плену одним только взглядом.

– Чего ты хочешь от меня? – хрипло прошептала она.

– Все, что ты можешь дать, – ответил он так же хрипло. Не

дождавшись ответа, он легко коснулся горячими пальцами ее горла.

– Ты хочешь того же, но по каким-то непонятным причинам отказываешь самой себе в удовлетворении своих желаний.

Каро прислонилась к каменной стене, чувствуя, что балансирует на краю пропасти. Тысяча аргументов теснились в голове, но она продолжала молчать.

Слишком хорошо она знала, чем кончится очередная интимная связь с Максом. Нет, лучше держаться на безопасном расстоянии!

Но вынесет ли она, если он действительно уйдет к другой женщине? Будет ласкать прекрасную соперницу, когда в действительности она хотела, чтобы он выбрал ее?!

И что плохого в том, если она прекратит сопротивление? Будь здесь Изабелла, она первая посоветовала бы подруге испить чашу наслаждений до дна!

Разве так уж дурно хотеть Макса? Утолить свои желания, почувствовать себя снова женщиной, любимой и лелеемой? Хотя бы ненадолго покончить с одиночеством? Еще раз отдаться его ласкам?

Ей так не хватало физического тепла. Его тепла. И он предлагал ей это тепло.

Кроме того, это, вероятно, ее последний шанс испытать истинную страсть. Эти воспоминания будут согревать ее все холодные бесплодные годы, которые ждут впереди.

И Каро поняла, что она может дать единственный ответ.

Однако они не могут бесстыдно утолять свою страсть на балу.

– Не здесь, – пробормотала она, умоляюще глядя на него. – Только не здесь.

– Но где же? – допытывался он, сжимая ее руки. – На этот раз я бы предпочел настоящую постель, а не жесткие камни развалин.

Каро потеряла виски, пытаясь придумать, что делать. Они могут где-то встретиться... но на ум ничего не приходило.

И в любом случае она должна вернуться домой со своей компаньонкой, сеньорой Падильо. Но сеньора засыпает сразу и спит крепко, а немногие слуги давно разбрелись по постелям. Они не удивятся, услышав странный шум из ее комнаты, ибо хозяйка приходила и уходила в самые поздние часы. Если Макс придет к ней в спальню, она сумеет скрыть его присутствие от любопытных глаз при условии, что он уйдет до рассвета.

– Мой дом, – тихо сказала она. – После бала. На юго-восточном углу найдете лестницу, которая ведет на галерею под моей спальней. Я оставлю дверь незапертой.

Глава 8

Сегодняшняя ночь, как и прежняя, несла в себе обещание страсти, пропитанной лунным светом.

Дрожавшая от предвкушения Каро сидела за туалетным столиком и, стараясь успокоить разгулявшиеся нервы, медленно расчесывала волосы. Она в жизни не предполагала, что будет ждать любовника в собственной спальне!

Каро потушила все лампы, но оставила шторы раздвинутыми. Комната была залита белым светом, и в тишине слышалось только биение ее сердца.

Неужели то же самое испытывает невеста в брачную ночь?

Каро оглянулась на кровать, в которой спала еще ребенком. Белые прозрачные занавеси свисали с кроватных столбиков, простыни были зазывно откинугы: соблазнительная и в то же время невинная обстановка.

Как она ни была возбуждена, непонятное сожаление тревожило душу. Возможно, это подобие брачной ночи – единственное, которое ей вообще доведется пережить. И она хотела, чтобы все было идеальным.

Она не сомневалась, что каждое мгновение этой ночи будет незабываемым. Нежность и пылкость Макса помогут в этом.

Его шаги были так бесшумны, что она узнала о его приходе, только когда увидела стоявшего за спиной Макса. И, тихо

ахнув, уронила щетку из ослабевших пальцев и поднялась на дрожащих ногах. Но вместо того, чтобы призвать на помощь здравый смысл и чувство самосохранения, она окончательно потеряла голову и способность мыслить.

Макс молча пристально наблюдал за ней. И наконец коротко приказал:

– Иди сюда.

Каро нерешительно повиновалась. Стоило ей оказаться рядом, и Макс положил руки ей на плечи. Она стояла скованно, неподвижно, впитывая тепло его тела сквозь одежду. Груды натянули тонкую ткань сорочки так, что стало трудно дышать, и больно прижимались к его груди. Его восставшая плоть терлась о ее лоно, его взгляд держал ее в оцепенении.

Ее тревожило и восхищало такое неотступное внимание этого красивого человека. Единственный взгляд его сапфировых глаз – и ее сердце словно обезумело. Одно прикосновение – и ей нечем дышать, совсем как сейчас.

Его пальцы тронули тугие бутоны, грозившие проткнуть батист сорочки, посылая новые волны желания. Раньше она не знала, до чего чувствительной может быть ее грудь.

Но тут он развязал ленты сорочки, чтобы обнажить нежные полушария. Узел в ее животе стянулся еще туже, едва она поняла, что он хочет раздеть ее.

Она порывисто подняла руки, чтобы прикрыть грудь, реагируя на его прикосновение с вечным страхом женщины, боящейся выглядеть глупо.

– Вряд ли я стану той любовницей, к которым вы привыкли, – прошептала она.

Выражение его лица чуть смягчилось, и нежность, которую она увидела в этом лице, заставила ее тихо охнуть.

– Ты единственная любовница, которая мне нужна, милая Каро. Видишь, как ты желанна мне? – Снова притянув ее ближе, он дал ей ощутить откровенное свидетельство своего желания. – Если считаешь, что любая женщина способна подействовать на меня так же, – с улыбкой прошептал он, лаская ее глазами, – значит, далеко не так умна, как я полагал.

Она с благодарностью поняла, что он пытается ее успокоить.

– Ты невероятно прекрасна, – настаивал он, наклоняясь ближе, чуть задевая губами ее ухо, посылая ознобные мурашки по спине. – И твое тело создано для любви. Посмотри, как мы друг другу подходим! – Он прижал ее к себе, словно желая доказать правоту своих слов. Ею руки зарылись в ее волосы, медленно пропуская сквозь пальцы блестящие пряди.

Каро прикрыла глаза, задыхаясь от непонятного чувства, напоминавшего... напоминавшего...

– Весь прошлый год, каждую ночь, – тихо сказал Макс, – я лежал без сна, думая о тебе. И так хотел, чтобы этот момент настал. Хотел снова любить тебя.

Напряжение чуть ушло. Она больше не могла противиться себе после столь искреннего признания. Но и паники сдер-

жать не смогла.

Когда-то Макс посвятил ее в тайны любви, дал ей наивысшее наслаждение. Теперь ей нечего бояться его.

Его губы коснулись ее губ в легчайшем поцелуе, и вздох страстного желания вырвался у Каро. Она не протестовала, когда он спустил сорочку с ее плеч, обдавая теплым дыханием ее груди.

Ее соски сжались в тугие, ноющие камешки, когда его руки мучительно медленно накрыли жаждущие любви холмики, а губы коснулись напряженных вершинок. Его прикосновение было нежным, умелым, посылая по ее телу неистовые, свирепые, яростные искры желания.

– Позволь показать, как сильно я хочу тебя, – прошептал он, ища ее губы.

Ночь трепетала вокруг них, когда он ласкал пещерку ее рта своим языком. И целовал так крепко и долго, что шелковистое пламя текучей полосой охватило их, собираясь расплавленной лужицей между ее бедрами. Ошеломленная, Каро задрожала, когда Макс наконец отстранился и стянул сорочку, оставив ее обнаженной, после чего отступил и долго жадно пожирал глазами обнаженное тело возлюбленной.

– Ты еще прекраснее, чем в моих воспоминаниях, – прошептал он благоговейно, и она почти поверила ему.

Он принялся стаскивать одежду, поспешно бросая ее на пол. Она заметила, что он успел переодеться после бала: ни фрака, ни галстука, ни жилета: только белая сорочка, тем-

ные брюки и сапоги. Он сел в кресло, чтобы стянуть сапоги, и вскоре уже стоял перед ней обнаженным. И лишь потом шагнул к ней с грацией хищного зверя.

Неужели она никогда не сможет оставаться спокойной в его присутствии?

Его мышцы бугрились холодной, опасной энергией, которую она чувствовала даже на расстоянии. Она жадно любовалась его великолепным телом и жарко вспыхнула, когда ее взгляд остановился на его чреслах. Там из поросли черных завитков поднималось тяжелое, налитое силой мужское достоинство, сжигавшее ее даже сквозь одежду. Его напряженный фаллос едва не достигал ямки ее пупка. Она представила, как это набухшее орудие входит в нее, наполняет, и в каждой частичке ее тела запульсировала настойчивая потребность.

Стоя перед обнаженной женщиной, Макс испытывал то же самое. Ее глаза были огромными и прозрачными, светившимися застенчивым желанием: бесхитростным, незащитным признанием в невинности. При мысли о том, как он станет учить ее страсти, его чресла опалило огнем.

Сколько ночей он мечтал об этом! Сколько раз воображал, как она лежит под ним, извиваясь в безумии желания, им пробужденного! Казалось, он ждал этого момента вечно!

Она была еще прелестнее, чем он воображал. Каштановые курчавые волосы, высвобожденные из обычного строгого узла, волнами лежали на плечах и спине, кремовая кожа

отливала жемчугом в лунном свете. Он хотел любить ее медленно, целуя каждую впадинку и местечко, где бился пульс. Хотел взять ее яростно, неистово, пока оба не потеряют способность мыслить.

Его тело словно плавилось от желания. Того самого, что держало его в своих когтях многие месяцы и сейчас безжалостно усилило хватку. Его снедала потребность чувствовать, как ее нежное лоно растягивается и наполняется его мужским жаром. Душила отчаянная необходимость касаться ее, упиваться вкусом, ощущать мгновенную реакцию. Держать и не отпускать.

Он снова опустил голову. Как давно он не чувствовал вкуса ее губ...

Его поцелуй ласкал ее рот, снова узнавая форму, единственные в мире контуры, сладкие, медовые впадинки.

Наконец он подхватил Каро на руки, уложил в середине лунной дорожки на постели и, сев рядом, стал возбуждать ее губами и руками. Кончики пальцев обводили розовые вершинки груди и, спускаясь ниже, медленно гладили все ее тело. Он наблюдал, как собственные руки скользят по бледной вздрагивающей коже ее живота и темным волосам, кудрявившимся у ее бедер. Но тут Каро остановила его и слегка приподнялась.

– Макс.. – неуверенно пробормотала она, шаря по прикроватному столику. – Подожди. Посмотри, что у меня есть. – Она протянула ему небольшой кожаный мешочек. – Я бы хо-

тела воспользоваться этим.

Открыв мешочек, она показала ему несколько крошечных губок с прикрепленными к ним длинными тесемками и пузырек с янтарной жидкостью.

– Губка, смоченная уксусом?

– Да, – кивнула Каро. – Кое-кто из здешних женщин считает это прекрасным средством от нежелательной беременности. Вот я и подумала, что будет неплохо последовать их примеру. Не возражаешь?

– Нет, – серьезно покачал головой Макс. – По-моему, я уже говорил, что не хочу детей. И не желаю, чтобы ты рисковала стать объектом скандала, оказавшись незамужней матерью!

Каро поколебалась, прежде чем задать очередной нескромный вопрос.

– Ты... ты умеешь этим пользоваться? В принципе я знаю, что делать, и Изабелла как-то мне объясняла, но ты гораздо опытнее...

– Успокойся, ангел, – нежно улыбнулся Макс, – я тебе сам покажу. Но не сейчас. Сейчас у меня кое-что другое на уме.

Отложив мешочек, он растянулся рядом, приподнялся на локте и снова стал ласкать ее живот и бедра.

И Каро мгновенно ощутила новый прилив желания.

Стоило ему коснуться темного гнездышка тугих завитков, как она тихо застонала. Лоно пульсировало жаркой тяжелой болью, заставлявшей жаждать прикосновения этих настоек.

чивых пальцев.

И каждая его ласка была невыносимо обольстительной, обжигающе нежной, а скользкий бархат ее лона теперь был полностью открыт его пальцам. И там, где они дотрагивались до этого бархата, разгоралось наслаждение. Потом он сжал ее бедра ногами, и один палец вошел особенно глубоко, заставив Каро громко вскрикнуть. Ощущения становились поистине невыносимыми.

Изнемогая от страсти, Каро жадно потянулась к Максу, и он ответил на ее призыв, придавив ее к матрасу. Она ощущала давление его мужского достоинства на вспухшие складки. Он продолжал целовать ее, не ища входа в нежное лоно. Губы опустились к груди, потом ниже, ниже... прожигая дорожку к развилке ее бедер. Язык осторожно разделил розовые лепестки, и Каро зажмурилась от неожиданности. Она и не думала, что такое бывает! Но настойчивый язык продолжал воспалять ее, и она едва подавила стон. Макс приостановился, чтобы поднять голову.

– Нет, не сдерживайся, милая. Я хочу слышать каждый твой стон.

Она вынудила себя не шевелиться, когда язык снова нашел ее. Подобно темному огню он дразнил и лизал, постепенно возбуждая ее. И через несколько мгновений ее бедра уже напрягались, выгибаясь под огненной пыткой.

Постыдное наслаждение росло и копилось, пока Каро не лишилась остатков разума. Она металась словно в лихорад-

ке. Собственное тело больше ей не принадлежало.

И когда первые судороги сотрясли ее, она попыталась отодвинуться, уйти от палящей жары, но он по-прежнему твердо удерживал ее бедра, не давая ей возможности ускользнуть. И продолжал ублажать ее, хотя ощущение неподвижности было почти парализующим.

Ее затрясло, когда язык скользнул внутрь еще глубже. Каро безумно вскрикнула.

– Да, кричи для меня, кричи громче, любимая, – хрипло попросил Макс.

Каро беспомощно повиновалась. К этому времени она извивалась, отдаваясь волнам наслаждения, столь утонченного и непереносимого, что, казалось, она вот-вот взорвется изнутри. Наконец он поцеловал ее в последний раз, впиваясь губами в нежную плоть, воспламеняя в ней огненную бурю. Потрясенная, Каро снова изогнулась, напрягаясь из последних сил, и рухнула с головой в море безумного наслаждения.

А когда немного опомнилась, поняла, что Макс лижет ее отвердевшие соски, усиливая медленно отступающее блаженство.

Не в силах пошевелиться, она лежала с закрытыми глазами, тяжело дыша, облизывая пересохшие губы. Потом он снова стал осыпать поцелуями ее покрасневшее лицо, и она ощущала его удовлетворение. Удовлетворение мужчины, подарившего своей женщине утонченный экстаз.

Прошло еще несколько долгих моментов, прежде чем он

потянулся к мешочку у кровати. Смочив уксусом губку, он раздвинул ее бедра и просунул губку в глубины лона. И к удивлению Каро, снова лег на спину, не делая попыток поцеловать ее. Она сама не знала, почему поняла, что на этот раз он предоставляет ей свободу действий. И поэтому приподнялась и жадно оглядела его, восхищаясь игрой упругих мышц на бронзовых плечах и груди. Повинуясь неодолимо-му порыву коснуться его, она дала себе волю. Его кожа казалась сырым шелком, плоть была упругой и трепещущей под его ладонью.

Каро счастливо вздохнула, второй раз в жизни ощутив истинный смысл своей женской власти. Но когда попыталась погладить его, Макс перехватил ее руку.

– Знаешь, что значат для меня твои прикосновения? – хрипло спросил он.

Наверное, то же самое, что его прикосновения – для нее... словно она факел, ждущий первой искры. И Каро была уверена, что он чувствует то же самое. Она ощутила пульсирующее напряжение его тела, когда он привлек ее к себе, так что она распростерлась на нем.

Жар, ошеломляющий и первобытный, охватил их, и она почувствовала нетерпеливое подрагивание его плоти у врат своего лона.

– Макс, пожалуйста...

Второй просьбы не потребовалось. Он немедленно перевернулся, подмяв ее под себя. Она наслаждалась его тяже-

стью, уверенной силой его тела, заставившей ее ощущать себя хрупкой, женственной и непривычно беспомощной. И его пылкий взгляд окончательно лишил ее воли.

Не отрывая от нее глаз, он коленом развел ее бедра. Но когда ее веки опустились, тихо приказал:

– Нет. Смотри на меня. Я хочу видеть твои глаза.

Медленно раздвигая складки ее лона своей твердостью, он напряг ягодицы и стал медленно входить в нее. Когда ее дыхание пресеклось, он на миг замер, и Каро, заикаясь, стала молить его не останавливаться. Но он не послушался, и тогда она подняла бедра, безмолвно побуждая его овладеть ею. Не дожидаясь дальнейших поощрений, он стал входить глубже, пока ее жаркая влажная плоть не поглотила его. Он снова застыл, давая ее телу время привыкнуть к его проникновению. Каро тоже не шевелилась, наслаждаясь сладостным ощущением наполненности.

В его глазах сверкали огонь и нежность, и она не могла на него наглядеться.

Он снова стал двигаться, медленно, мощно. Грудь задевала ее напряженные соски, а тяжелые бедра придавливали к кровати все сильнее. Его плоть проникала до самого основания, и вскоре пламя, которое, казалось, только что потухло, стало разгораться с новой силой. Когда он вышел из нее в следующий раз, внутренние мышцы инстинктивно сжали великолепный мощный фаллос. Макс задрожал, стараясь справиться с собой, и с нежным ободрением показал ей, как дви-

гаться, чтобы каждый выпад совпадал с ее свистящими вздохами. Они стали единым целым, выгибаясь в слаженном ритме. Скоро она уже то ли плакала, то ли просила... Он наклонил голову, и ее губы раскрылись, принимая его жаркий дерзкий язык. Каро иступленно вернула ему поцелуй, одержимая его прикосновением, запахом и вкусом. Лихорадка его обладания, настойчивость губ казались небесным блаженством.

Его губы продолжали мучительную пытку, вознося ее к неведомым ранее высотам. Тело пульсировало настойчивой потребностью, такой сильной, что Каро сходила с ума. Он заразил ее лихорадкой этой потребности. Дикой, неистовой, яростной.

И желание Макса было столь же велико. Он восторгался ее стонами, опьянялся беспомощной реакцией. Ему хотелось врезаться все сильнее и глубже, и больше он не мог сдерживаться. Куда девались нежность и неторопливость его ласк! Он брал ее, брал безжалостно, врываясь победителем в покоренную крепость, и Каро царапала его спину, отвечая на буйство насилием.

Когда она вскрикнула, он поймал губами жалобный звук, жадно целуя ее, упиваясь криками обезумевшей женщины. И содрогнулся в сладостных спазмах, рыча и задыхаясь. Последний жестокий выпад – и все было кончено. Экстаз, первобытный и ослепляющий, накрыл обоих раскаленным взрывом, сотрясшим тела.

Макс бессильно обмяк на ней, хрипло прошептав ее имя, слыша хаотическое биение ее сердца, лихорадочное эхо стука его собственного, ощущая повлажневшую от жары и ярости его обладания кожу, покрасневшую от только что пережитого блаженства.

– Я совсем с ума сошла, – прошептала она.

Именно то, что чувствовал он сам, находясь в ней, – полную свободу, безумное желание брать и владеть. Других мыслей у него не было...

Наконец, найдя в себе силы отодвинуться от нее, он поцеловал ее в лоб и прижал к себе. И долго лежал молча, потрясенный только что пережитым наслаждением. Такого взрыва страсти, как этот, он не испытывал никогда в жизни. Бездумно потерялся в Каро, как ни разу не терялся ни в одной женщине.

А теперь снова жаждал того же самого. И хотя понимал, что она слишком неопытна для такого накала, его непослушная плоть уже начала восставать и пульсировать. Он хотел ее. Хотел снова. Еще яростнее прежнего.

И одновременно желал просто держать ее в объятиях. Насладиться моментом покоя, теплом ее тела, роскошными волосами, рассыпанными по его груди.

Макс крепче сжал руки, зная, что ни за что не отпустит ее после этой ночи.

– Я мечтал об этом, – повторил он неверным голосом, все еще не придя в себя после того, что сейчас произошло.

Каро прерывисто вздохнула, все еще блуждая в густом тумане наслаждения. Она тоже мечтала о Максе. Столько раз... Но реальность оказалась куда лучше грез.

– Когда я не мог уснуть, – пробормотал он, – думал о тебе. – Он играл прядью ее волос, позволяя локону обвиваться вокруг пальцев. – В моем воображении ты гладила мне лоб, чтобы помочь уснуть.

Немного очнувшись от прекрасных видений, Каро поднялась на локте и отвела с его лба локоны смоляных волос.

– Вот так? – спросила она, нежно глядя его по лбу.

Глаза Макса закрылись, и с губ сорвался тихий блаженный звук, нечто среднее между вздохом и стоном.

– Именно...

Каро уставилась на него, сбитая с толку и немного обиженная.

– Макс! Ты действительно хочешь спать?

Макс с тихим смехом открыл глаза.

– Нет, я пытался напомнить себе о твоей неопытности.

– Я крепче, чем кажусь.

– Это точно.

Он притянул Каро к себе, обнял и, не пытаясь ласкать, просто прижал губы к ее волосам.

– Одной ночи мне мало, – объявил он наконец. – Этого совершенно недостаточно. И для тебя, думаю, тоже.

Каро замерла.

– Полагаю, ты выиграл состязание. Я не смогла устоять

перед тобой.

Его пальцы сжали ее плечо.

– Между нами не может быть никаких состязаний, никаких игр. И я не собираюсь от тебя отказываться.

Она беспокойно шевельнулась, одолеваемая возвращением противоречивых эмоций, борющихся в душе весь вечер.

– Можешь ты честно утверждать, что после сегодняшней ночи откажешься оставаться моей любовницей? – хрипло спросил Макс.

Каро знала, каким должен быть ответ и что диктует здравый смысл. Но его теплая ладонь накрыла ее грудь, послав молнию желания по всему ее телу. И, охваченная жарким чувством, Каро зажмурилась. При малейшем прикосновении Макса все мысли вылетали у нее из головы. Оставалась только жажда новых прикосновений. Она могла думать только о его волшебных руках, горящих губах и гибком, великолепном теле.

– Ты была невинна, когда отдалась мне, – тихо продолжал он. – Неужели не хочешь узнать больше о физической стороне любви?

Еще бы! Хотела, и очень! Макс мог бы научить ее. Показать такую страсть, о которой она раньше лишь грезилась. Этот человек умел не только получать, но и давать наслаждение, и он обязательно сделает так, чтобы и она познала все восхитительные тайны, существующие между мужчиной и женщиной.

– И что ты предлагаешь? – спросила она наконец.

– Предлагаю наслаждаться нашей близостью, пока есть возможность. – Не дождавшись ответа, он слегка ущипнул ее за сосок, посылая токи наслаждения ко всем ее нервным окончаниям. – Можешь ты отрицать, что хочешь меня?

– Нет.

Конечно, она не может ничего отрицать, Макс заставил ее хотеть его.

Но сегодня она сделала то же самое для него. И откровенное признание в том, что он хочет ее, наполнило ее сладостным чувством триумфа.

Но Каро напомнила себе, что Макс снова покинет ее. Как только они благополучно вернут Изабеллу, у него не будет причин оставаться на Кирене.

И он хотел только ее тело, а она... чего хотела она?

Желание, такое же сильное и отчаянное, как потребность дышать, затопило ее. Она хотела его, и не важно, сколько времени они пробудут вместе. Хотела испытать его страсть, его ласки на все время короткого пребывания Макса на острове.

Но тогда ей придется как-то защитит себя. Он не ранит ее, не обидит, во всяком случае, намеренно. Но что, если она позволит себе питать к нему еще какие-то чувства, кроме чисто физических? Вот какой опасности следует избежать! Нельзя ни на минуту забывать, что они всего лишь любовники, не больше. А для этого следует держать себя в узде и

не позволять эмоциям брать над собой верх.

– Наши отношения должны быть чисто физическими, – медленно выговорила она. – Ничего более интимного.

– Ничего? – прошептал он, обдавая теплым дыханием ее шею и почти прикасаясь губами к коже. – Совсем ничего?

– Именно. Это все, чего я хочу, Макс. Связь ради чистого наслаждения.

– Согласен, раз этого желаешь ты, – ответил он тем же чувственным, возбуждающим тоном, каким шептал ласковые и непристойные слова всего несколько минут назад.

Ненасытная плоть, твердая и неумолимая, уперлась ей в бедро.

Каро мигом забыла обо всем, кроме пробудившихся к жизни женских инстинктов обладания. Может, она глупа, но до чего же восхитительно, что этот человек так сильно желает ее!

Да, ей следовало бы отказать ему, но она не могла собраться с силами. Макс украл ее силу воли своими ласками.

Как раз то, что он делал сейчас. Его зубы с невероятной деликатностью прикусывали ее кожу, окутывая измученные нервы теплым покрывалом ощущений. Только что обретшее необычайную чувствительность тело горело желанием словно в лихорадке.

Потом он привстал и лег между ее бедрами.

Каро любовалась игрой лунного света на его прекрасном лице, остро, болезненно ощущая, как огромна и тверда его

плоть, упиравшаяся в ее набухшее лоно, как ноют груди, сжатые в его ладонях, как горяч его взгляд.

– Только физическое наслаждение, – повторила она скорее себе, чем ему.

– Как скажешь, – выдохнул он, скользнув в нее. И все огни мгновенно загорелись снова, сжигая обоих. Закусив губу, она выгнулась под ним. Руки беспомощно поднялись, обвившись вокруг его шеи.

Он улыбнулся медленной чувственной улыбкой, нашедшей в ней мгновенный отклик.

Каро со стоном подставила лицо его поцелуям. Макс безжалостно завладел ее губами, и они снова слились в порыве безумной страсти.

Каро наконец отбросила всякую осторожность и вернула его лихорадочные объятия, отдавшись ему, его пылу и этой ночи.

Глава 9

Макс ушел перед рассветом. Каро еще немного полежала в постели, нежась в воспоминаниях о тепле их страсти.

После второй любовной схватки, лишившей обоих последних сил, она убедила Макса закрыть глаза и гладила его лоб, пока он не впал в целительный сон. И все же, прислушиваясь к звукам его ровного глубокого дыхания, к мерному биению сердца под своей щекой, она вновь и вновь клялась держать его на расстоянии.

Вновь напомнив себе об этом, Каро откинула простыни, все еще хранившие запах Макса, и поднялась, чтобы умыться и одеться. Она не может позволить себе думать о нем. Нужно сосредоточиться на делах.

Обычно по четвергам она встречалась с Алексом Райдером у замка, где упражнялась в фехтовании. Но сегодня она решила выехать пораньше и застать Джона Йейтса за работой, а заодно сообщить ему о Даниэле Ньюэм.

Ей не слишком хотелось открывать глаза молодому человеку. Объяснять, что женщина, пленившая его сердце, совсем не та, какой казалась. И все же ее долг – предупредить его, что в их обществе, возможно, появился предатель. Нельзя позволить, чтобы осуществились гнусные планы брата и сестры Ньюэмов.

Но все равно Каро было не по себе, до того, что она со-

вершенно потеряла аппетит, поэтому на завтрак съела только немного фруктов и велела немедленно седлать лошадь, после чего отправилась на юг, к замку Олуэн.

Она попросила Макса ждать ее у замка. Сначала Каро хотела потолковать с Джоном наедине, но потом решила, что помощь его бывшего командира не помешает. Кроме того, Макс всегда мог подтвердить ее рассказ, если Джон ей не поверит или начнет задавать вопросы.

Они встретились у конюшни: очевидно, он приехал на несколько минут раньше. И как всегда, Каро задохнулась при виде его.

– Доброе утро, мисс Иверс, – вежливо приветствовал он, когда она соскользнула с седла и вручила поводья груму. Несмотря на небрежный тон, глаза его обжигали. А она, сторая от смущения, не могла выдержать его взгляда. И не помнила, как ей удалось ответить на его медленную приветственную улыбку. До чего же трудно притворяться, что сегодняшней волшебной ночи в его объятиях просто не было...

– Полагаю, – добавил Макс, провожая ее во двор, – вы видели приятные сны сегодня ночью.

– Более чем.

– Я тоже, – едва слышно признался он, и она едва не потеряла сознания. Внизу живота началась знакомая пульсация.

Пока они направлялись в парадный зал, Каро продолжала вспоминать ласки губ и рук Макса, движения его плоти, вонзавшейся в нее. И когда он положил ладонь на ее поясницу,

чтобы помочь войти в высокие двери, она нервно вздрогнула, едва не застонав от ответной боли между бедрами.

Ей пришлось срочно взять себя в руки и принять серьезный вид, чтобы спокойно приветствовать Джона Йейтса и просить разрешения поговорить с ним.

Оставив Макса в зале рассматривать предметы средневекового искусства, она последовала за Джоном в его кабинет, маленькую приемную рядом с кабинетом сэра Гавейна. Когда они уселись, Каро возможно более бесстрастно рассказала все, что поведал Макс о былом знакомстве с Ньюэмами, и сообщила, что вчера застала мисс Ньюэм рывшейся в бумагах сэра Гавейна.

Слушая ее слова, Джон упорно смотрел в пол. К ее удивлению, он ни разу не запротестовал, не попытался обвинить ее в предвзятости или хотя бы защитить свою возлюбленную. Наконец, отчаявшись дожидаться ответа, она сочувственно сжала его руку.

– Если вы считаете, что я что-то преувеличила, можете сами потолковать с мистером Лейтоном.

– Я верю вам, – с тоской пробормотал Джон. Такая же тоска светилась в его глазах, и Каро очень захотелось отвести взгляд. – Она держала меня за глупца, верно?

Каро многозначительно промолчала.

– Я знал: все это слишком хорошо, чтобы быть правдой, – прошептал Джон. – Такая красавица, как Даниэла, просто не могла искренне заинтересоваться калекой вроде меня.

Он впервые посетовал на потерю ноги, но удар оказался куда сильнее, чем полученное на поле боя увечье.

– Мне очень жаль, Джон, – пробормотала она, сознавая, что не в силах утешить его, и все же понимая, что должна сосредоточить его внимание на насущно важных делах. – Нам придется не спускать глаз с Даниэлы и попытаться обнаружить, что она задумала.

Джон сжал кулаки.

– Вы правы. И нельзя, чтобы она что-то заподозрила.

– Согласна. Пожалуй, будет лучше, если мы устроим ей ловушку. Она может сорвать одно из наших заданий. Если ей приказано разоблачить кого-то из «хранителей»...

– Знаю. На карту могут быть поставлены их жизни.

Сердце Каро сжалось при виде влажной пелены, застлавшей его глаза.

– Но Даниэла на моей совести. Обещаю, я все сделаю как надо. Сам узнаю, каковы ее замыслы.

– Если вы уверены...

– Уверен. А теперь я хотел бы остаться один, – глухо пробормотал он.

Понимая, как ему тяжело, какой груз отчаяния лежит у него на душе, Каро поцеловала Джона в щеку и тихо ушла. Ее обуревали печаль и гнев на бессердечную шлюху, которой едва не удалось использовать Джона Йейтса в своих зловещих целях.

И все это вместе с тревогой за Изабеллу вызывало в Каро

желание сорвать на ком-то злость. Прошло уже девять дней с ее возвращения на Кирену, и все же о подруге ничего не было известно.

Судя по всему, Макс заметил ее настроение, потому что вопросительно поднял брови:

– Он тяжело воспринял известие?

– Его сердце разбито, – бросила Каро и, оглядев зал, взорвалась: – Где это черт носит Райдера?

Он должен был приехать на урок фехтования!

– Если тебе нужен партнер, счастлив предложить себя. Каро, плотно сжав губы, бросила на него мрачный взгляд.

Ей очень хотелось сразиться с таким достойным противником, как Макс. Кавалерийский офицер, он, конечно, прекрасно владел шпагой, и поединок с ним должен быть хорошей практикой. И все же с ее теперешним настроением она вряд ли сейчас в лучшей форме.

– Это твой шанс показать, на что ты способна, – стал настаивать он, видя, что она колеблется. – Ты и без того часто хвасталась своим умением.

– Хвасталась?! – Похоже, он решил ее подразнить! – Так и быть, – сдалась Каро, – но, предупреждаю, не жди пощады!

Она повела его в глубину замка, в длинную галерею, ярко освещенную солнечными лучами, лившимися в высокие окна, и увешанную самым разнообразным оружием, в том числе рапирами со специальными наконечниками. И предоставила Максиму выбрать шпагу.

– Поразительно, что ты упражняешься здесь, в замке, – заметил он, проверяя оружие на вес и гибкость.

– Не могу же я регулярно посещать холостяцкие дома, – отрезала Каро. – И к тому же публично проявлять необычный для женщины интерес к мужскому виду спорта. А здесь никто не осудит то, что я делаю. Все слуги крайне преданны сэру Гавейну.

Макс свел брови, удивленный ее резким тоном.

– Намереваешься сорвать раздражение на мне?

Каро глубоко вздохнула, чтобы успокоиться.

– Нет. Не стоит позволять эмоциям управлять собой, особенно когда тебя ждет поединок.

– Прекрасно, поскольку, если не можешь держать себя в руках, сразу даешь мне преимущество.

Каро выбрала сверкающую рапиру и сделала несколько пробных взмахов, прежде чем встать в центр галереи. Хорошо представляя, что нужно унять свой гнев и сосредоточиться перед поединком, она терпеливо ждала, пока Макс снимал сюртук.

– Но сначала нужно обсудить, каков будет приз, – заявил он, подходя к ней. – Если выиграю я, требую поцелуй.

– А если выиграю я?

– Значит, ты потребуешь поцелуй.

Каро сухо улыбнулась:

– Тогда вряд ли имеет смысл состязаться, если дело кончится взаимными поцелуями.

– О нет, я намереваюсь хвастаться своей победой, когда буду заниматься с тобой любовью.

Она вдруг представила его тяжелое тело, распростертое на ней, налитую плоть, наполняющую лоно, и щекам стало тепло. Теперь она точно знала, что Макс намеренно провоцирует ее. Тем более что его взгляд лениво скользил по ней, задержавшись на груди, прежде чем двинуться ниже.

– Но как ты будешь фехтовать в юбках? Разве они не мешают?

Его жаркий взор словно прожигал ткань ее платья. Но она не даст ему удовольствия воображать, будто ее можно вывести из равновесия!

– Но так практичнее. Не могу же я бежать переодеваться каждый раз, когда возникает опасная ситуация, так что лучше тренироваться в одних и тех же условиях.

– Но это лишает тебя многих преимуществ.

– Уже пытаетесь найти предлог для объяснений на случай проигрыша, мистер Лейтон?

– Возможно, – ухмыльнулся он. – Мне было бы неприятно сознавать, что я побежден женщиной.

– Попытаюсь не слишком унижать тебя.

Когда он занял место напротив, Каро подняла оружие. Мгновение спустя их рапиры со звоном скрестились. Бой начался.

С самой первой схватки Макс понял, что перед ним грозный противник. Каро орудовала шпагой с поразительной

скоростью и непреклонной сосредоточенностью, что немедленно вынудило его держаться начеку.

После быстрого пасса она сделала выпад и едва не прорвала его оборону. Когда Макс, опомнившись, попытался сделать то же самое, пришлось восхититься ловкостью, с которой она отразила его атаку.

Последовало короткое молчание, в продолжение которого они, пританцовывая, ходили по кругу.

– Не хотел бы я встретиться с тобой на дуэли, – заметил Макс, – ты действительно умеешь фехтовать.

– И ты тоже.

– Но я учился в лондонском зале Анджело, у одного их лучших фехтовальщиков Европы. Кто учил тебя?

– Отчасти Райдер. И один американский друг, с которым ты еще не знаком: Брендон Деверилл.

Клинки шпаг снова скрестились.

– Интересно, есть у тебя слабости? – справился Макс. Она парировала следующий выпад и ловко отскочила в сторону.

– Если и есть, тебе я о них не расскажу, – поддразнила она и, сделав быстрый ложный выпад, стала энергично наступать. Максу оставалось только обороняться.

Но уже через несколько секунд она резко опустила шпагу и мрачно уставилась на Макса.

– Ты нарочно фехтуешь не в полную силу, верно? – буркнула она.

– Ну... не совсем, – сдался Макс. – Признаюсь, мои ры-

царские инстинкты восстают при мысли о сражении с женщиной.

Ее глаза приобрели цвет грозových туч.

– Если намереваешься продолжать бой, перестань оскорблять меня, играя в поддавки. Не желаю, чтобы мне вручили победу из рыцарских принципов.

– Прошу прощения, – извинился Макс со всей искренностью, поднимая шпагу.

На этот раз он всерьез старался выиграть, но их поединок продолжался несколько долгих минут. Он был вынужден признать, что Каро – далеко не дилетант в фехтовании. Она настоящий воин, знающий все тонкости фехтовального искусства и превосходящий в нем многих мужчин. И она сражалась в точности так, как любила: с пылом и страстью. Вот и сейчас она слегка покраснелась, на лбу выступили капли пота, из легких с шумом выходил воздух, словно она приближалась к пику наслаждения...

Представив ее в постели, Макс ощутил, как твердеет его плоть, и его губы изогнулись в иронической улыбке. Чертовски подходящее время для того, чтобы желать женщину!

– Что-то тебя развеселило? – вызывающе бросила Каро, изящно парируя удар.

– Я только сейчас понял, – лениво процедил он, – что ты фехтуешь так же страстно, как занимаешься любовью.

Каро даже растерялась немного от такого коварства и, потеряв равновесие, зацепилась каблуком за подол юбки и рух-

нула на пол.

Макс безжалостно воспользовался ее промахом и поднес наконечник шпаги к ее горлу. Холодная торжествующая улыбка коснулась его губ.

Тяжело дыша, Каро окинула его раздраженным взглядом. – Не слишком это справедливо, – буркнула она, все же невольно улыбаясь.

– Совсем несправедливо, но зато весьма эффективный способ заставить тебя потерять бдительность. Пусть это будет тебе уроком, милая ведьма.

– Да уж, я хорошо усвоила, как ты хитер! Готов на все, чтобы выиграть! Но я попытаюсь быть великодушной даже в поражении.

Макс протянул руку и помог ей подняться.

– Не стоит расстраиваться! Очень немногие мужчины могут сравняться со мной! Ты отважный противник, и я бы на месте твоих врагов поберегся.

Каро мгновенно смягчилась, довольная похвалой. Ей в самом деле было приятно, что она выстояла против Макса до самого конца.

– Полагаю, ты ожидаешь ответной лести, – бросила она. – Прекрасно: ты великий фехтовальщик. Никогда не видела лучше.

И это чистая правда. У него исключительные способности! Редкий мастер может достичь таких высот! Из него получился бы великолепный «хранитель»...

– А теперь я требую свой приз, – объявил Макс, прерывая течение ее мыслей. – Иди сюда, колдунья.

– Но мы еще не закончили! – запротестовала Каро.

– Нет, но, если придется продолжать, мне необходима поддержка.

Когда она осторожно двинулась к нему, Макс обнял ее и обдал раскаленным взглядом пухлые губы.

Это тоже поединок, только сексуальный, поняла Каро. Но она может играть и в эту игру. Когда он нагнулся, чтобы припасть к ее губам, она жадно вернула поцелуй. Ее язык скользнул между его губ, увлекая в своеобразное фехтовальное состязание.

Макс тихо застонал, и его поцелуй стал плотским, властным, лишив ее воли.

Ясно, что ей и на этот раз не выйти победительницей: когда он разжал объятия, она слегка пошатнулась.

– Опять твои хитрости, – пробормотала она, отступая и вставая в позицию.

Но на этот раз поединок был прерван появлением мрачного лакея, который вежливо откашлялся, чтобы привлечь их внимание.

Каро, покраснев, резко обернулась и откинула прилипшие колбу волосы.

– Что-то случилось?

– Сэр Гавейн требует вашего немедленного присутствия, мисс Иверс. И мистера Лейтона тоже. Мистер Райдер привез

новости.

Надежда и страх охватили ее. Не позаботившись даже положить на место шпагу, Каро поспешно вышла из галереи. Макс последовал за ней.

Она нашла сэра Гавейна и Джона Йейтса в кабинете. Расположившись вокруг стола, они жадно слушали рассказ Алекса.

– У вас новости об Изабелле? – выпалила Каро, входя.

– Да, – кивнул Райдер, мельком глянув на Макса, остановившегося рядом с Каро. – Только сейчас прибыло послание от Торна. Как мы и опасались, Изабелла была продана в рабство, но не на невольничьем рынке. Скорее это был закрытый аукцион. Именно поэтому ее следы было так трудно отыскать. Но по крайней мере мы почти уверены, куда именно ее увезли.

– И куда?

– Сюда. – Он ткнул пальцем в точку на карте, разостланной на столе. – В горы, к юго-востоку от Алжира, за большой пустыней. Ее за громадные деньги купил берберийский вождь для своего гарема. Всякий, кто платит такую сумму за свое приобретение, должен хорошо о нем заботиться. Беда в том, что берберы – воины куда более свирепые, чем арабы, а этот человек, глава племени, скорее полководец, чем шейх. И его крепость находится в отдаленной горной местности. Если Беллу держат там, спасти ее нелегко.

Каро стиснула рапиру правой рукой. Левая сама сжалась

в кулак. Известия, пришедшие сразу же после нанесенного Джону удара, вызвали в ней гнев и отчаяние. Ей хотелось кричать и плакать... только все это бесполезно...

– Так каков наш план? – спросила она Райдера.

– Сначала нужно убедиться, что Изабелла действительно в крепости. Хок отправился разведать, так ли это. Хок, – пояснил Райдер Максу, – это граф Хокхерст. Он владелец знаменитого конезавода здесь, на Кирене, и регулярно ездит к берберам, чтобы приобретать берберийских и арабских коней.

– Он тоже работает на министерство иностранных дел?

– Да, – кивнул сэр Гавейн. – Хокхерст – один из нас.

– Когда Торн прибыл в Алжир, – продолжал Райдер, снова показывая на карту, – Хок уже успел узнать, какие корсары захватили корабль Изабеллы. Но пришлось потратить немало времени на увещания и подкуп, прежде чем они назвали имя покупателя. Хок путешествует с несколькими слугами под предлогом поиска племенных коней, а Торн тем временем остается в Алжире, собирая лошадей и оружие для экспедиции в пустыню.

– Нужно немедленно выработать план по спасению Изабеллы, – вмешалась Каро, – и завтра же отплыть в Алжир.

– Торн посоветовал нам подождать возвращения Хока, – возразил Райдер. – Нам нужно точное местопребывание Изабеллы, прежде чем искать ветра в поле. Это может занять еще неделю-другую, но вряд ли такое промедление будет иг-

рать важную роль.

– Для Изабеллы – будет, и еще какую! – воскликнула Каро. – Если мы уже будем в Алжире, можно немедленно отправляться в путь, как только Хок что-то сообщит.

– И все же не стоит сразу выкладывать все козыри, – спокойно заметил сэр Гавейн. – Если высадить в Алжире значительные силы, не имеющие к тому же видимой цели назначения, мы не только возбудим подозрения местных властей, но и лишимся элемента неожиданности. А если леди Изабеллы нет в крепости, придется в очередной раз пытаться разыскать ее. Кроме того, не все наши люди успели прибыть на Кирену. Вы слышали мистера Лейтона, дорогая. Для успешной операции важны не только хорошая разведка и ресурсы, но и тщательная подготовка.

Каро бросила хмурый взгляд на Макса.

– Нет, – объявил сэр Гавейн, – прежде чем действовать, нужно подождать подтверждения того, что леди Изабелла действительно содержится в крепости вождя. Обещаю, дорогая, мы обязательно соберемся в тот момент, когда у нас будет достаточно данных, чтобы составить подробный план.

Каро упрямо сжала губы, явно не желая спорить, хотя раздражение ее было очевидно всем.

– Мистер Лейтон, – обратился сэр Гавейн к Макс, – я бы просил вас взять составление плана на себя. Полагаю, следует прежде принять во внимание некоторые соображения?

– И не одно, – кивнул Макс. – Если нам перед штур-

мом крепости предстоит переход через пустыню, необходимо, чтобы у каждого была определенная роль, чтобы каждый знал, какие отвлекающие маневры использовать, а также предусмотреть наибольшее количество возможностей и неожиданностей, с которыми мы можем столкнуться. И самое главное – необходимо твердо усвоить, чем именно придется рисковать и какие потери мы готовы понести. В любой операции часто случаются моменты, когда цена оказывается чересчур высока.

– Да, особенно в этом случае, – со вздохом согласился Райдер. – Добраться туда – уже немалая проблема. Вызволить Изабеллу и благополучно провезти через суровые горы и сотни миль бесплодной пустыни – совершенно иная, и не менее сложная. Особенно еще и потому, что вряд ли вождь племени добровольно согласится расстаться с ней. Вероятно, нам придется с боем пробиваться к выходу из крепости и назад к побережью.

Макс нахмурился, представив, как Каро плечом к плечу с ним сражается в рукопашной схватке.

– Вы что, всерьез думаете участвовать в экспедиции? – прошептал он ей. – Вряд ли стоит рисковать жизнью в такой опасной экспедиции.

Каро мгновенно вскинула руку, и рапира с шипением описала дугу, прежде чем наконечник уперся в горло Макса.

– Это моя жизнь, – сухо процедила она, – и нет другого такого человека, как Изабелла, за которого я с радостью бы

ее отдала.

Макс застыл на месте. Мужчины растерялись, не зная, что сказать. Макс, разумеется, не верил, что она убьет его, но видел в ее глазах ярость и злость.

– Каро, дорогая, – пробормотал сэръ Гавейн, – я уверен, что мистер Лейтон не подозревает о твоих талантах и достижениях или о степени дружбы с леди Изабеллой. Не следует за это отрывать ему голову.

Каро громко скрипнула зубами и, пробормотав сухое извинение, швырнула рапиру на стол.

– Никто не должен ни на минуту усомниться, что я еду с вами. И когда наконец решите претворить наш план в действие, прошу сначала известить меня.

Круто развернувшись, она вылетела из комнаты. Райдер вежливо откашлялся, стараясь ослабить напряжение, а когда встретился глазами с Максом, во взгляде сверкнули веселые искорки.

– Не стоит недооценивать способности Каро, друг мой, лишь потому, что она женщина. Или бросать вызов ей в лицо, даже из беспокойства за ее безопасность. Постепенно вы поймете, что она терпеть не может, когда с ней нянчатся.

Макс с сожалением усмехнулся:

– Я это вижу. Прошу простить, джентльмены, я, пожалуй, попытаюсь исправить свою ошибку.

К тому времени как он добрался до конюшни, Каро уже успела вскочить в седло и пустить лошадь галопом по моще-

ному двору. Макс, не теряя времени, сел на своего жеребца и помчался за ней.

Он старался не выпускать из виду Каро, скачущую на север, к горным пикам. Наконец она придержала лошадь, очевидно, опасаясь, что загонит животное. Макс последовал за ней на почтительном расстоянии, хотя был уверен, что Каро знает о погоне.

Минут через двадцать она позволила ему поравняться с ней. Макс попытался что-то сказать, но Каро резко качнула головой, отказываясь смотреть на него. Они миновали несколько миль засаженных полей, серебристо-серых оливковых рощ и ухоженных виноградников, прежде чем ландшафт стал более крутым и пришлось подниматься вверх.

Он прикинул, что они оставили позади больше половины острова, поскольку местность показалась ему совершенно дикой. Он ощущал запахи можжевельника и сосны. Слышалось журчание воды, постепенно заглушившее конский топот.

Немного погодя они выбрались из зарослей каменных дубов и итальянских сосен на открытое пространство и оказались в царстве невиданной красоты. Между двумя поросшими лесом склонами лежало маленькое синее озеро, сверкающее на солнце драгоценным сапфиром. Узкий серебряно-белый водопад каскадом спускался с западного склона, разбиваясь о синюю воду и отбрасывая тонкий туман водяной пыли, которая тут же оседала на зарослях мирта и диких

олеандров, окаймлявших берега. В каждой впадинке между камнями в изобилии росли орхидеи, шиповник, цикламены и папоротники.

Зрелище было поистине необыкновенным. Ничего подобного Макс еще не видел в этом островном раю.

Каро натянула поводья, благоговейно огляделась и соскользнула на землю.

– Пойдем, я хочу тебе кое-что показать.

Подойдя к заросшему папоротником берегу, она стала подниматься вверх и вскоре исчезла в кустах жимолости и терновника. Макс спешился и последовал за ней.

За ширмой зелени оказался грот, напоминавший декорацию к сказке. Внутри было прохладно. Макс без труда видел все, поскольку в глубине зиял пролом в камнях, через который проникали солнечные лучи.

Размерами грот был примерно с библиотеку в его доме. И к удивлению Макса, был обставлен почти так же: вдоль стены тянулись каменные полки с книгами. Золотистый свет, льющийся сквозь балдахин из нависающих дубовых листьев, освещал простую обстановку: два грубо сколоченных деревянных стула, маленький столик, несколько деревянных сундучков, жаровня и соломенный тюфяк вместо ложа.

– Мне нравится думать, что тут был дом Килены, – тихо прошептала Каро, – где она принимала Аполлона. Изабелла подарила мне это место.

– Так вот где твое укрытие! – неожиданно сообразил

Макс.

– Да. Мое убежище. Изабелла считала, что мне нужно что-то такое, что будет принадлежать только мне. Тихое местечко, где я могла бы изучать медицинские журналы, не опасаясь злых языков.

Он оглядел мирный маленький грот, где шум водопада казался всего лишь эхом. В обычных обстоятельствах здесь можно найти покой и уединение. Но сейчас Каро была слишком разгневана и расстроена, чтобы принять его утешения.

– Я уже говорила: Изабелла была мне второй матерью, – сухо продолжала она, – и даже больше. Именно благодаря ей я смогла изучать медицину. Изабелла заставила доктора Алленби взять меня в ученики.

Макс кивнул. Все, что он узнал об Изабелле, лишний раз доказывало: именно она поощряла Каро идти дорогой независимости.

– Я многим ей обязана и не позволю остаться в плену, даже если для этого придется рисковать жизнью. Неужели не понимаешь, я должна ее освободить!

Макс понимал.

– Спасти ее любой ценой.

– Именно. И сделать это сейчас, а не спустя несколько недель! Это ожидание убивает меня! Страшно подумать, что с ней будет!

Каро зажмурилась и покачала головой.

– Мы найдем ее, – тихо пообещал Макс, поклявшись про

себя, что делает все возможное ради спасения Изабеллы. Все, что угодно, лишь бы прогнать тоску из глаз Каро.

Она всхлипнула и, наклонив голову, закрыла лицо руками.

Макс еще ни разу не видел Каро в таком отчаянии, и сердце сжалось от нежности к этой женщине. Он шагнул к ней, намереваясь заключить ее в объятия, но инстинктивно остановился.

Каро не нуждается в жалости. Ей необходима мишень для гнева. Вызов. Лучше всего она реагирует на вызов.

– И теперь ты намерена рыдать? – саркастически хмыкнул он. – Что хорошего это даст твоей подруге?

Каро оцепенела, не веря собственным ушам.

– Не думал, что ты такая плакса, – безжалостно добавил он. – Не ожидал, что ты сдашься при первом же препятствии.

Каро уронила руки и уставилась на него блестящими от слез глазами.

– Ты считаешь меня слабой?

– По-моему, ты позволяешь эмоциям брать над собой верх.

Она шагнула к нему, сжимая кулаки.

– Жаль, что при мне нет рапиры.

– Мне тоже жаль. Это позволило бы тебе сорвать злость.

Одним прыжком перекрыв расстояние между ними, Макс порывисто обнял ее. Каро попыталась вырваться, но он сжал руки, удерживая ее на месте.

– Что ты делаешь?! – прошипела Каро.

– Исполняю твои желания. А теперь помолчи, – приказал он, прежде чем завладеть ее губами. Застигнутая врасплох, Каро стала сопротивляться, колотя кулаками в его грудь. Из горла вырвался разъяренный вопль, но Макс заглушил его губами и не отрывался от нее, пока в легких хватало воздуха.

Желание сжигало его, а плоть немедленно вздыбилась. Он мечтал об этом с того момента, как покинул ее постель сегодня утром. И, судя по тому, как Каро выгнулась в его руках, то же самое беспощадное чувство завладело и ею.

Она снова несвязно запротестовала, когда его язык погрузился в ее рот, раз, другой, третий, выпад за выпадом, утоляя ее голод; и через несколько мгновений он почувствовал, как она отвечает на поцелуй. Ее руки обвились вокруг его пояса, и она отдалась его жадным ласкам.

Равновесие сил незаметно сместилось. Каро все еще дрожала от злости, но больше не противилась ему, смело вступив в дуэль языков. Когда его губы снова атаковали ее с жестокой силой, она запустила руки в его волосы. В ответ он вжался в нее своей ненасытной плотью. Каро задрожала и громко застонала. Не в силах ждать, Макс притиснул ее к стене и, подняв голову, заметил, как чувственно потемнели серые глаза. Густая, раскаленная кровь прилила к его чреслам, пульсирующая плоть натянула перед брюк.

– Макс... не стоит... – дрожащим голосом начала она.

– Никаких споров, – отрезал он и, сжав ее руки широкой

ладонью, поднял их над ее головой и рывком задрал подол юбки.

– Нет, – слабо запротестовала Каро. И, услышав безапелляционное «да», закрыла глаза.

Он окунул пальцы в спиральки темных волос между ее бедрами, и колени Каро подогнулись. Когда средний палец проник между скользкими складками, влага любви немедленно его оросила.

– Ты уже истекаешь соками... для меня, – довольно про-
бормотал он.

Сжав зубы, стараясь побороть жаркую волну, заливавшую его чресла, он грубо сунул пальцы в ее влажную щелочку, вышел и снова наполнил ее, глядя крохотный бугорок.

Дрожь сотрясла Каро. Почти в беспамятстве она налегла на его руку, слепо добиваясь лихорадочного наслаждения. Его эротические прикосновения посылали почти болезненные волны возбуждения к ее бедрам, но он не давал ей пошевелиться. И даже сознание того, что она находится в его власти, было не столько пугающим, сколько восхитительным. Только он умеет пробудить в ней такое желание!

Когда она стала извиваться, Макс, едва не отрывая пуговицы, расстегнул брюки и высвободил свой напряженный фаллос. Толстый, горячий, жаждущий, он стоял, чуть покачиваясь. Макс сжал ее бедра, поднял Каро и одним толчком насадил на себя.

Она едва не охнула, когда его плоть пронзила ее лоно, раз-

делив ноющие нежные створки. Она сама не поняла, как ей удалось вместить его. Потаенные мышцы ее лона сомкнулись вокруг него, стараясь удержать.

Нестерпимо сверкая глазами, он продолжал входить в нее, пока она не вобрала его целиком. Каро не удержалась от тихого, почти бредового стога, отдаваясь на волю ощущений, сладко бурлящих в крови.

Макс что-то хрипло шептал ей в ухо, твердя, какая она тесная и жаркая, как он счастлив быть в ней так глубоко, и она все сильнее сжимала ноги вокруг его талии, буравя пятками его мускулистые бедра, требуя, чтобы он был еще ближе, ближе...

Соитие было примитивным, без всякого намека на нежность или утонченность. Властно сжав в кулаке пучок ее волос и оттянув голову, Макс продолжал врезаться в нее, большой и твердый. Мощное тело раз за разом придавливало ее к стене, но Каро не было больно. Каждый выпад усиливал в ней желание, и она, казалось, вот-вот взорвется пламенем и сторит, не оставив даже пепла.

Каро цеплялась за его плечи. Ее плоть дрожала под напором его чресел, пока он брал ее снова и снова, ставя клеймо обладания. Она дышала все тяжелее, напрягаясь всем телом.

– Да, будь распутной ради меня, будь дикой, необузданной и безумной...

Его хриплые слова воспламенили ее еще больше, и она потеряла всякий стыд, страстно нуждаясь в разрядке и дро-

жа на самом краю. Когда она взмолилась, упрасивая Макса покончить с этим, его яростный, жестокий ритм еще ускорился.

Она укусила его за плечо прямо сквозь ткань сюртука. Макс зарычал и вонзился до самого основания, словно никак не мог ею насытиться.

И она действительно обезумела. В голове не осталось ни единой мысли. Только пьянящее наслаждение, когда она билась в неумолимых тисках страсти.

Все ее тело невероятно напряглось, и, когда наконец Макс швырнул ее в водопад экстаза, она тонко, пронзительно закричала, а он губами заглушил рвущиеся из горла звуки. И продолжал удерживать ее содрогающееся тело, одновременно вонзаясь все сильнее, упиваясь ее неистовыми стонами. Она все еще не успокоилась, когда он вышел из нее и чуть повернулся. Его тело стало яростно содрогаться, выплескивая семя, не в нее, а на каменную стену.

Когда все было кончено, он бессильно прислонился к ней, прерывисто дыша, но не давая ей упасть.

Медленно, очень медленно Каро пришла в себя. И еще больше времени прошло, пока она перестала дрожать. И до сих пор не могла поверить тому, что сейчас произошло. Их соитие было жарким, исступленным и откровенно плотским в отличие от нежности прошлой ночи. Они были одержимы неукротимой потребностью слиться в единое целое... во всяком случае, она. У Макса по крайней мере хватило при-

сутствия духа выйти из нее, чтобы избежать риска нежеланной беременности.

Задышающаяся и счастливая, Каро уткнулась лицом в его плечо. Она обезумела в объятиях этого мужчины, но совсем об этом не жалела. Потому что очистилась от гнева и чувствовала себя невероятно живой и теплой. Как, наверное, и Макс.

– Ты сделал это нарочно... любил меня, чтобы отвлечь.

Он улыбнулся в ее волосы.

– Да. Тебе понадобился объект для гнева, и я был рад тебе угодить.

– Похоже, мне придется простить тебя, – заключила она. Макс со сдавленным смешком подхватил ее и отнес на тюфяк, а сам лег рядом, целуя ее влажные распухшие губы, после чего приподнялся на локте и стал изучать ее лицо.

– Может, на этот раз тебе и удалось достичь цели, – серьезно заметила она, – но не заходи слишком далеко, Макс. И не смей твердить, что я не должна спасать Изабеллу, поскольку это опасно. Не желаю, чтобы надо мной тряслись, ни ты, ни любой другой мужчина.

В глазах Макса сверкнуло что-то опасное, греховно-нежное.

– Хорошо, обещаю не трястись над тобой, но все же ты можешь выслушать мой совет?

– Совет?

– Твое желание спасти подругу достойно восхищения. Но

тебе нужно учиться терпению. Я понимаю твою досаду, но что поделать, если нельзя броситься на помощь сразу! И никакие истерики и сетования не ускорят событий. Поверь, я знаю.

– Я тоже, – парировала Каро.

– Тогда ты должна понять также, что рыдания по поводу ее несчастной судьбы тоже не дадут ничего хорошего. Нельзя создать рациональный план, поддаваясь влиянию эмоций. Для того чтобы стратегия оказалась успешной, нужно быть холодной и бесстрастной.

Но Каро упрямо нахмурилась:

– Полагаю, ты хочешь сказать мне, что нужно сдерживать свой нрав.

– О нет. Я не вижу ничего плохого в том же гневе, при условии, что ты контролируешь его и направляешь на пользу делу. Но скажи, какая же польза в том, что ты едва меня не убила? На какой-то момент я испугался, что ты выпустишь мне кишки.

– Прости, Макс, – покаянно вздохнула она. – Я бы никогда не смогла ранить тебя. – И, коварно улыбнувшись, добавила: – Во всяком случае, не смертельно.

– Ну, слава Богу и за малые милости. На душе сразу легче стало, – рассмеялся он, но тут же задумался, рассеянно глядя ее по щеке. – Может, я предложу сэру Гавейну составить предварительный план на случай, если Изабелла все же находится в крепости? Это позволит мне встретиться с дру-

гими агентами, и мы сумеем отправиться в Алжир в самое короткое время, как только получим подтверждение.

Ее улыбка стала ослепительной.

– Это именно то, чего я хотела.

Макс чмокнул ее в кончик носа и оглядел грот.

– Во всяком случае, проблема нашего уединения решена.

Мне не слишком хочется красться в твою спальню подобно вору, чтобы провести несколько часов в твоей постели. Конечно, если ты согласишься разделить со мной свое убежище.

Каро важно поджала губы, делая вид, что обдумывает предложение.

– Пожалуй, меня можно убедить. Как ты сказал, мне нужно учиться терпению, и ты вполне сумеешь быть моим наставником. Мне часто говорили, что я очень способная ученица.

Медленная, совершенно неотразимая улыбка расплылась на его лице.

– Что же, ангел, если ты настаиваешь... – прошептал он, наклоняя голову.

Глава 10

– Говоришь, Аполлон создал озеро для купания Кирены? – лениво пробормотал Макс через три дня. Они лежали, обнаженные, на каменном карнизе у звенящего водопада, нежась на солнышке. Макс растянулся на спине, Каро дремала, перевернувшись на живот и положив голову на руки.

Расслышав нотки веселого скептицизма в его голосе, Каро ответила сонной улыбкой.

– Так гласит легенда. Конечно, логически рассуждая, здешнее озеро – творение сил природы. Дождь собирается в этой небольшой впадине, питаемой также несколькими горячими источниками, зарождающимися выше в горах. Когда-то наши горы были вулканами, и они все еще хранят тепло, поэтому римляне и построили здесь свои бани.

– И прекрасно сделали, – довольно вздохнул Макс, закрывая глаза. – Но я рад, что они не тронули этого места.

И нужно признать, здесь царил настоящая магия. Убежище Каро было непередаваемо прекрасным, роскошным и девственным: воистину рай соблазна и святилище одновременно. Он ощущал его целительное воздействие, лежа на солнце и позволяя покою медленно окутывать душу.

И все же Каро оказалась куда более действенным лекарством, чем безмятежность. Она избавила его от терзаний души и разума.

В свою очередь, он старался успокоить ее, взывая к терпению. Они встречались в потайном фоте каждый день, проводя долгие часы в чувственном познании друг друга, отдаваясь неистовству и желанию недавних любовников. Их страсть была попеременно яростной и нежной, а Каро усваивала уроки ожидания. Макс видел, что она все еще раздражена невозможностью немедленно броситься на помощь подруге. Но, нужно отдать ей должное, делала видимые усилия подавить свою тревогу.

Макс открыл глаза и, повернув голову, взглянул на возлюбленную. Жаркое солнце окрасило ее кремовую кожу в золотистые тона, и жажда вновь пробудилась в нем.

Он коснулся ее блестящих волос, силой воли удерживая в узде свое желание.

И в этот момент резкий крик пронесся над водопадом. Судя по всему, он исходил из ветвей дуба, нависавших над их карнизом. Макс подскочил, словно при звуке пистолетного выстрела.

– Какого черта...

– Не волнуйся, – успокоила Каро и, встав на колени, всмотрелась в листву. – Здравствуй, Джордж.

Только сейчас Макс разглядел пушистый коричневый шар, почти скрытый толстой веткой. Судя по всему, сова.

Птица встопорщила перья и снова жалобно заухала, подвигаясь ближе к Каро.

– Это Джордж, – пробормотала она, улыбаясь. – Сова. Два

года назад я нашла его здесь со сломанным крылом.

Для совы Джордж казался довольно маленьким, зато его огромные глаза пронзительно смотрели на незваного гостя.

– Значит, ты сумела вылечить Джорджа?

– Да, но на это ушло много времени. Я наложила шину, ухаживала за ним и кормила, пока крыло не зажило. Но даже после того, как освободила, он все равно остался здесь. Хотя обычно прилетает по ночам. Должно быть, его взяло любопытство при виде тебя. Прости, если он тебя напугал.

Макс растерянно провел ладонью по лицу.

– Иногда со мной случается такое... когда внезапно услышу громкие звуки.

Каро сочувственно кивнула.

– Это часто бывает с бывшими военными, – заметила она и, помедлив, добавила: – Может, поговорим? Обычно считается, что я умею слушать. И недаром говорят, что если сможешь выстоять перед самыми страшными воспоминаниями, значит, остальное вполне можно пережить.

Макса невольно передернуло. Хочет ли он поведать ей о своем кошмаре? О тех жутких сценах, которые до сих пор его преследуют?

Его полк, в разгаре битвы берущий штурмом артиллерийские позиции французов, пробивающийся сквозь слепой хаос дыма и крови. Гром канонады, земля, вздыбившаяся под ним... вопль раненой лошади... Филипп, вернувшийся за ним, протянувший руку, чтобы спасти друга...

– Нет, – пробормотал он, опуская взгляд и отворачиваясь. – Я не хочу говорить об этом.

Сердце Каро сжалось при виде жгучей тоски, мелькнувшей в его глазах. Она отдала бы все, чтобы исцелить его боль, взяла бы ее на себя... но слишком ужасна цена войны, а Макс заплатил дороже остальных.

Она коснулась его руки, не зная, чем еще помочь.

– После той ночи, которую мы провели вместе, – тихо сказала она, – когда ты покинул Кирену, я всегда ставила свечи за твое здоровье и благополучное возвращение.

– И должно быть, Господь услышал твои молитвы, – выдал он, – потому что я выдержал там, где другие не смогли.

Но она совсем не была уверена в том, что ее молитвы помогли: недаром он все еще жил с неотступным кошмаром.

Каро сама видела, как он мечется во сне. Два дня назад, когда Макс после долгих занятий любовью задремал в ее гроте, она долго смотрела на него, восхищаясь идеальными чертами, изгибом лежащих на щеках ресниц, подобных черному шелку, его четко очерченным ртом... Но внезапный крик напугал ее. Когда его голова стала метаться по подушке, а тело – сотрясать крупная дрожь, она стала нежно гладить его лоб. Ее прикосновение мгновенно усмирило его, и он спокойно заснул, бормоча ее имя.

Да, Макс нуждался в исцелении. Он снова должен стать прежним...

Но нельзя заставить его говорить о своих кошмарах, хотя

это – единственное средство облегчить душу.

Каро поднялась, взяла кожаную фляжку с вином, которую они принесли в корзинке вместе с хлебом и сыром, и стала пробираться по карнизу ближе к водопаду. Остановившись в нескольких шагах, она уселась на влажный край, свесив ноги вниз, сделала несколько глотков вина, подняла голову к солнцу и стала ждать, в надежде, что Макс, как другие раненые создания, которых она вылечила, постепенно приучится доверять ей.

Чуть позже Макс неохотно последовал за ней и сел рядом, только сейчас заметив, какой тонкий туман клубился вокруг Каро. Она протянула ему флягу. Вино показалось сладким и крепким, водяная пыль охлаждала разгоряченную кожу, солнце лило свои подкрепляющие лучи. Последовало долгое молчание, прерываемое только мелодичным журчанием воды.

Макс еще раз оглядел сапфировое озеро, и слова, глубоко похороненные в его душе в течение долгих пяти лет, вдруг сорвались с языка:

– Я потерял друга на войне. Он был мне как брат.

Каро повернула голову. Ее серые глаза пристально смотрели на него, словно вбирая его тоску. И все же она не стала выпрашивать подробности, как он ожидал, и лишь поинтересовалась:

– У тебя есть братья? Родственники?

Макс был благодарен ей за то, что она не стала копаться

в его ранах.

– Только престарелый дядюшка. Мои родители оба умерли от болезней, пока я воевал на Пиренеях.

– Мне очень жаль.

– Мне тоже, хотя мы никогда не были особенно близки.

И почти не виделись с тех пор, как я вступил в армию. Отец таким образом желал показать свое недовольство моим выбором.

– Он не хотел, чтобы ты шел на войну? – без особого удивления спросила девушка.

– Не хотел. Отчасти потому, что боялся потерять единственного сына, – с кривой усмешкой ответил Макс. – По его мнению, сыновья состоятельных дворян не обязаны проливать кровь за свою страну.

– Поэтому ты пошел на войну? Но наследник виконта не должен так отчаянно рисковать.

Макс устроился поудобнее, припоминая горячие споры с отцом.

– Да, ты права. В этом не было необходимости. Но я жаждал приключений и славы, а также великой цели в жизни. Помешать Наполеону завоевать весь мир. Когда Бонн второй раз попытался вторгнуться в Англию, я решил, что должен действовать.

«И Филипп последовал за мной».

Чувствуя, как сжимается горло, Макс продолжал смотреть на воду, поверхность которой волновали только струйки во-

допада. Его жизнь напоминала это озеро, пока он не оставил Англию и дом ради борьбы с тираном...

– Весь ужас заключается в том, что, если бы не я, мой друг и не подумал бы идти на войну. А потом, четыре года спустя... Филиппа убили, когда он попытался меня спасти. – Макс закрыл глаза. – Бог видит, я жалею, что не оказался на его месте.

– Именно поэтому ты сделал для Джона все, что мог, когда тот умирал. Он тоже пытался спасти тебя.

Макс, судорожно сглотнув, кивнул.

– А когда ты потерял друга, решил все равно остаться в армии, хотя мог продать патент.

– Да. Нужно было доказать, что Филипп погиб не зря. Я намеревался победить французов или умереть.

– Должно быть, тебе его очень не хватает.

Он безумно тосковал по Филиппу. В детстве они были неразлучны, а позже учились в Оксфорде. Они вместе кутили, смеялись, охотились, пускались на озорные проделки, гонялись за одними шлюшками... сражались бок о бок. И много раз спасали друг друга. До того случая.

– Твоя жизнь очень изменилась, – пробормотала Каро. – Если бы я столько лет командовала сотнями людей, думаю, теперь мне тоже иногда бывало бы одиноко.

Его пальцы стиснули флягу. Иногда он действительно бывал одинок, потому что потерял самое главное в жизни: семью и близких друзей. После смерти Филиппа он намеренно

отстранился от однополчан-офицеров. Больше он не испытывал радости. О да. Он многое потерял!

Макс прерывисто вздохнул и положил конец мрачным мыслям, поняв, насколько они эгоистичны. Другие потеряли куда больше, чем он: жизнь, счастье, здоровье, оставшись калеками... Другие пожертвовали большим. А одиночество – это бремя, которое придется нести ему. Его наказание за гибель Филиппа.

Он поднес флягу к губам и выпил.

– Я слышала, – выговорила Каро наконец, – что иногда солдаты становятся друг другу ближе братьев. Это правда?

Перед глазами Макса возникло улыбающееся лицо Филиппа.

– Правда, – вздохнул он, стараясь стряхнуть уныние. – Когда приходится так много выносить вместе, между людьми устанавливается очень тесная связь. Мне не хватает этой дружбы... – Он осекся и, нахмурясь, бросил взгляд на Каро. – Пытаешься выведать все мои тайны?

– Нет, конечно, нет, – заверила она, хотя спокойная улыбка говорила иное.

Макс ощутил, как мрачное напряжение покидает его. Клубящийся туман образовал нечто вроде радужного венца вокруг головы Каро и скрутил штопором кудряшки у висков. Он еще никогда не видел ее столь прелестной.

Протянув руку, Макс убрал особенно непокорный локон за ее ухо.

– Тогда какого дьявола я выкладываю тебе то, что не говорил ни одной живой душе?

– Возможно, потому, что здесь можешь ничего не опасаться, – пояснила она, показывая на озеро. – Этот остров особенный. Это место особенное.

Нет, это она особенная. Таких просто не бывает. Ее исцеляющее прикосновение, ее нежность, ее влажные от вина губы...

Он неотрывно смотрел на ее рот.

Каро добровольно отдала ему свое тело, но его потребность в ней не ограничивалась одним чувственным голодом. Если бы он всего лишь хотел облегчить боль в чреслах, наверняка смог бы позаботиться о себе, как делал бесчисленное количество раз во время кампании, или ответил бы на призыв полудюжины здешних красоток, которые с радостью упали бы в его объятия. Если бы он жаждал только женского тела, смог бы насытиться Каро и спокойно уехать, оставив ее. Но он хотел и требовал больше. Гораздо больше.

Только Каро могла унять боль в его душе. Только она смогла прогнать тьму.

Но сейчас желание снова завладело им. Макс осторожно сжал ее лицо ладонями. И когда она приоткрыла губы, он тихо застонал и стал жадно ее целовать, желая упиться каждой каплей ее утешения, принимая его как драгоценный дар.

А Каро изнемогала от сердечных мук, когда Макс проводил ее домой в три утра под слабеющей луной. Безмятежная

красота ночи, подогретая страстью Макса, наполнила ее покоем. Но приходилось признать, что в этом и есть главная беда. Она не сдержала данного себе обещания.

Каро считала, что в своем гроте будет в безопасности. Поэтому и предпочла привести Макса туда, а не в развалины. Оба места были очаровательны и обладали способностью исцелять, но здесь, в ее маленьком королевстве, она куда лучше владела собой. Однако ее план остаться всего лишь любовниками и не поддаваться более глубоким чувствам на глазах терпел поражение. И в этой слабости был виноват Макс. Это в его глазах она была красавицей. И он заставил ее поверить в свою красоту! Заставил почувствовать себя женственной и желанной, пробудил глубочайшую чувственность, которую она всегда в себе подавляла. Впервые в жизни она ощутила свою женскую власть и силу. Для нее было откровением обнаружить, что такое неукротимое создание, как Макс, способно бурно реагировать на каждое ее прикосновение.

И его нежные утешения помогли легче переносить разлуку с пропавшей подругой. Макс понимал всю силу ее нетерпения и послезавтра намеревался созвать совещание и начать планировать их экспедицию в Северную Африку.

И она ни на секунду не забывала о его боли и всеми силами пыталась изгнать тени из его глаз.

Но мятежные мысли Каро быстро вылетели из головы, когда она разглядела в темноте всадника, мчавшегося навстречу. К своему удивлению, она узнала Джона Йейтса. И

поскольку они были рядом с ее домом, вероятно, он приехал за ней.

Джон пришпорил коня, чтобы поскорее добраться до них.

– Ваши подозрения оправдались, – тихо сказал он Каро. –

У меня есть доказательства.

– Чего именно?

– Моя прелестная Даниэла не та, какой кажется, – уныло пробормотал он. – После вашего предупреждения я устроил ей ловушку. Вечером... позволил ей соблазнить себя и притворился, что заснул. И оставил дневник там, где она могла легко ее найти.

– И она проглотила наживку?

Джон печально кивнул.

– Она уселась за стол и стала переписывать дневник. Там, разумеется, не было никаких важных сведений. Я подделал все записи.

– Но вы хотя бы узнали, что она ищет?

– Судя по наводящим вопросам, которые она задавала в последние несколько дней, и небрежным, но настойчивым попыткам перевести разговор на определенную тему... я почти уверен, что ей требуется узнать имена «хранителей».

Каро поняла, что Джон крайне возбужден, иначе не употребил бы этот термин перед посторонним. Она метнула взгляд на Макса, в надежде, что тот не заметит, но он, казалось, целиком сосредоточился на рассказе Джона.

– Если это так, – мрачно продолжал Джон, – сейчас у нее

есть список фальшивых имен. Она будет разыскивать с десятков несуществующих агентов. Если не считать вас, мистер Лейтон. Я упомянул ваше имя в одной из записей. Мне показалось более правдоподобным, если она узнает, по крайней мере, одно имя в списке.

– Вы позволили ей поверить, что я один из агентов министерства иностранных дел?

– Да.

– Но она не может работать в одиночку, – вмешалась Каро, чтобы вернуть разговор к Даниэле. – Нужно узнать, кто ее нанял.

– Верно. Ее следует арестовать и допросить.

– Где она сейчас?

– Не знаю. Она ускользнула, думая, что я еще сплю. Подозреваю, что вернулась в город, в дом, где живет вместе с братом... возможно, чтобы собрать вещи.

– Думаете, она собирается покинуть остров?

– Боюсь, что так, – вздохнул Джон. – Судя по той поспешности, с которой она действует, не удивлюсь, если она попытается сбежать именно сегодня. Поэтому я и приехал сюда. Вряд ли мне удастся остановить их в одиночку.

– Как насчет Райдера? Вы просили его?

Джон опустил глаза.

– Я не пытался его найти. Приехал сначала к вам. Предпочел уладить это до того, как придется признаться сэру Гавейну, что позволил себе увлечься бесстыдной предательницей.

Каро кивнула, понимая, почему Джон хочет утаить от людей свою преступную доверчивость. Если они сумеют вытянуть из Даниэлы, кто ее нанял, можно по крайней мере предотвратить потенциальное несчастье.

– Нам не помешала бы помощь Сантоса, – заметила она.

– Думаю, вы правы.

Она понимала, почему Джон не возражает. Испанец вместе со своей большой семьей жил в городе рядом с таверной, окна которой выходили на гавань. Он скорее всего сейчас спит, но, как бывший контрабандист, будет неоценим, если Ньюэмы попытаются улизнуть морем. Сантос знал все хитрости контрабандистов, действующих по ночам.

– Они могут отплыть сегодня? – спросил Джон, словно прочтя ее мысли.

Каро глянула на луну, повисшую над самым горизонтом, и рассудила, что светило зайдет через час-другой.

– Возможно. Если не боятся разбиться о скалы у входа в гавань. Но скорее всего они заплатили опытному капитану и послушной команде. – Она поджала губы и покачала головой. – Сначала следует проверить гавань. Если мы не найдем там Ньюэмов, значит, отправимся к ним домой.

– Так будет умнее всего, – кивнул Джон. – А вы, сэр? Поедете с нами?

– Разумеется. Но если вы ожидаете борьбы, не следует ли прежде вооружиться?

– У меня с собой два пистолета, – сообщил Джон, похло-

пав себя по поясу.

– И у меня дома оружие, – добавила Каро. – А если придется высаживаться на борт корабля, мне лучше избавиться от этих юбок.

Джон молча повернул коня, и все трое поскакали к конюшне.

Макс нахмурился. Желание защитить Каро было таким сильным, что его так и подмывало запретить ей ехать. Но он сдерживался, понимая, какой ответ получит. Она была исполнена решимости драться и рвалась в бой. Едва они остановились на конюшенном дворе, как она легко слетела с седла и исчезла в доме, но скоро вернулась в темном мужском костюме, как у партизан, которых Макс знал в Испании. Сейчас в ней трудно было узнать ту чувственную любовницу, которая провела полночи в его объятиях.

Она несла четыре пистолета, два из которых протянула ему.

– Они заряжены? – спросил он, принимая у нее кисет с порохом и пули.

– Разумеется, – бросила она, садясь в седло. – Джон... кстати, я тут подумала, что неплохо бы известить капитана Биддика, если придется плыть за ними.

Дождавшись кивка Джона, Каро пришпорила лошадь и предоставила двум бывшим кавалерийским офицерам следовать за ней.

Достигнув города, они разделились. Джон направился к

дому капитана Биддика, Каро и Макс – к Сантосу Верре.

Они разбудили мирно спящего Сантоса и наскоро объяснили ситуацию. Испанец ухмыльнулся, блеснув белыми зубами, и попросил минуту, чтобы одеться.

Вскоре они встретились с остальными у таверны, где спешили и привязали коней.

– Постарайтесь не шуметь, – прошептала Каро Макс и Джону. – Звуки далеко разносятся над водой.

Осторожно ступая, они пошли по крутой, вымощенной булыжниками дороге, ведущей в гавань, и спрятались за последним зданием, чтобы как следует оглядеться.

Темная вода серебрилась в лунном свете. Вдруг Верра молча показал вниз, и Макс сразу понял, о чем идет речь. Среди множества суденышек, стоявших на якоре, фонари горели только на маленькой двухмачтовой шхуне. Света было достаточно, чтобы видеть, как матросы ставят паруса.

– Похоже, вы были правы, – мрачно пробормотал Верра. – Они отплывают.

Глава 11

Макс молча отодвинулся в тень. Другие последовали его примеру.

– Итак, чтобы арестовать шпионов, – пробормотал он, – нужно попасть на борт и захватить их шхуну.

– Но так, чтобы нас не заметили, – спокойно добавила Каро.

– Если взять маленький ялик, нас скорее всего не обнаружат, – предложил Верра.

– Я могу грести, – вызвался Джон, – даже с деревянной ногой. Но именно я должен первым предстать перед Даниэлой.

– Так и быть, – согласился Верра. – Остальные пойдут на abordаж, а Йейтс останется в ялике. Как только мы захватим шхуну, он сможет подняться на борт.

– А потом? – спросил Макс.

– Потом мы арестуем Ньюэмов во имя Короны, – мрачно сообщил Йейтс.

– Сэр Гавейн наделен такими полномочиями?

– Он имеет полную власть над всем и всеми в этих водах.

– Следует получить доказательство их измены, – вмешалась Каро. – Особенно тот список, что сделала Даниэла. Этого будет достаточно, чтобы убедить сэра Гавейна в их вине.

– Да, – согласился Йейтс. – Потом мы отвезем их в замок и

передадим в руки сэра Гавейна. Мистер Лейтон, вы возглавите абордажную команду.

Макс поднял брови, ожидая возражений, но остальные с готовностью согласились.

– Прекрасно. Какого рода сопротивление вы ожидаете встретить?

– Я знаю хозяина шхуны, – объявил капитан Биддик. – Он не храброго десятка. Вряд ли посмеет отразить нападение.

– Зато Ньюэмы наверняка будут драться, – перебила Каро.

Макс взглянул на нее:

– Вы справитесь с Даниэлой?

– Надеюсь, – сухо обронила она.

– В таком случае я займусь ее братом, Питером. Биддик, вы возьмете на себя капитана шхуны. Верра, на вас – остальная команда.

Сантос широко улыбнулся:

– С большим удовольствием, сеньор.

– А теперь пора, – вставила Каро, показывая на шхуну.

Судно пришло в движение. К счастью для преследователей, ветра почти не было, и паруса обвисли. Но шхуна все же направлялась к узкому выходу из гавани, готовясь миновать предательские скалы по обеим сторонам.

– Вы найдете нам ялик, сеньор Верра? – спросил Макс.

Один за другим они крадучись спустились по крутому холму, у подножия которого располагалась гавань. Макс велел Верре идти вперед, наблюдая, как бывший контрабан-

дист осматривает лодки, пришвартованные у причала, чтобы выбрать наиболее подходящую для их целей. Каро, похоже, тоже знала, что делает, и проворно и умело помогала Сантосу. Она села за румпель. Мужчины взялись за весла. Джон Йейтс трудился с угрюмой решимостью, стиснув зубы, и вскоре суденышко уже разрезало темную воду, почти бесшумно, если не считать слабого плеска воды. По безмолвному знаку Макса они остановились, подойдя к своей цели. Абордажный крюк взвился над правым бортом, давая нападающим возможность захватить судно. Первым по канату полез Верра и, приостановившись, чтобы взглянуть через поручень, дал понять, что путь свободен, после чего исчез из виду. Следующим был Макс. Бесшумно спрыгнув на палубу, он немедленно спрятался за бочонками, принайтвленными около грот-мачты. Ньюэмов нигде не было видно, но с полдюжины членов команды возились с парусами и такелажем. Мужчина за штурвалом, выкрикивавший приказы на испанском, был, разумеется, хозяином шхуны.

Макс на мгновение вспомнил о Каро. Сумеет ли она взойти по трапу? Но она появилась почти сразу, подтвердив свое заявление, что обладает многими весьма неженскими умениями.

За ней последовал капитан Биддик. Как было уговорено, Йейтс остался на ялике, пока ему не спустят веревочный трап. Едва Биддик ступил на палубу, Макс дал сигнал начинать и прежде всего, добежав до мостика, прижал к затылку

испанского капитана дуло пистолета.

– Сеньор, вы немедленно передаете судно под мое командование и прикажете спустить паруса. Сэр Гавейн Олуэн хотел бы допросить ваших пассажиров.

Если не считать удивленного возгласа, хозяин шхуны не издал ни одного звука протеста и немедленно подчинился. Команда быстро последовала его примеру, сдавшись без борьбы.

Макс оставил Биддика охранять испанского капитана и подошел к Каро, ожидавшей у люка, ведущего в каюты. Макс стал спускаться первым.

Они нашли Даниэлу и ее брата в первой же каюте. Оба сидели за маленьким столиком, распивая вино: вероятно, праздновали успех. Но ее самодовольная улыбка сменилась ужасом при виде пистолетов Каро, нацеленных ей в голову. Питер резко вскочил, словно намереваясь бежать, но Макс последовал примеру Каро, и, опасаясь, что он спустит курок, мистер Ньюэм быстро переменял решение, поднял руки и рухнул на стул.

– Что все это значит?! – пронзительно взвизгнула Даниэла.

– Думаю, вы сами понимаете, – отрезала Каро, сунула один пистолет за пояс брюк и принялась обыскивать каюту, начав с ридикюля и карманов плаща Даниэлы.

– Какая наглость! Возмутительно! – запротестовала Даниэла как раз в тот момент, когда на пороге появился Джон.

В руке он нес два отрезка веревки, одним из которых связал руки Даниэлы, несмотря на громкие протесты последней. Похоже, ему доставляло удовольствие видеть свою бывшую возлюбленную в таком положении, но Макс решил, что пока Джон не причинит особого вреда пленникам, и поэтому вполне может допросить изменницу.

Но тут Каро открыла саквояж, спрятанный под койкой, и вытащила кожаный мешок, в котором обнаружилась стопка документов. Даниэла мигом смолкла.

Каро показала бумаги Йейтсу, который, мрачно кивнув, зловеще уставился на рыжеволосую красотку. Даниэла вызывающе подняла подбородок.

– В чем меня обвиняют? Я не совершила никакого преступления!

– Возможно, если только измену нельзя назвать преступлением, – с горечью, но спокойно ответил Джон.

– Не понимаю, о чем это вы.

Его взгляд был исполнен жгучего презрения.

– Ты воображала, что перед тобой жалкий влюбленный глупец, дорогая. Но дневник, который ты столь тщательно скопировала, был поддельным.

Прелестный ротик изумленно приоткрылся, но только на секунду.

– И что же? Мне было любопытно больше узнать о тебе, – парировала она.

– Что ты искала? Список имен?

Даниэла упрямо молчала.

– Кто нанял тебя?

– Мне нечего сказать.

– В таком случае будешь исповедоваться перед сэром Гавейном. Посмотрим, насколько уютной покажется тебе подземная тюрьма замка. Будешь сидеть там до тех пор, пока не назовешь имя своего нанимателя.

– Вы не посмеете удерживать меня против моей воли!

Джон невесело усмехнулся:

– Не в моих правилах противоречить леди. Но мы можем и посмеем.

– Я обращусь к губернатору острова!

– Обращайся сколько угодно. Быстро поймешь, что слово сэра Гавейна – закон на этом острове и губернатор исполняет все его желания. Заодно узнаешь цену своему упрямству. Если и дальше будешь так себя вести, сэр Гавейн отправит вас обоих в Австралию с первым же судном, везущим партию каторжников. К тому времени, как ты проведешь несколько месяцев, скованная одной цепью с другими осужденными, у тебя быстро развяжется язык!

Даниэла, поняв, что он не намерен шутить, отвела взгляд.

Проверив узлы в последний раз, Джон шагнул к Питеру, все это время тихо сидевшему на месте, но, когда нагнулся, чтобы связать предателя, тот вскочил, оттолкнул Джона и метнулся к двери. Каро прицелилась в правое бедро Питера и едва не спустила курок, но Макс успел схватить ее за руку.

– Не стоит торопиться. Пусть бежит.

Каро обожгла его яростным взглядом, явно возмущенная вмешательством.

– Далеко не уйдет, – заверил Макс, и оказался прав. Когда они вывели Даниэлу из каюты и вытащили на палубу, Питер Ньюэм уже валялся у поручня лицом вниз, а ухмыляющийся Сантос Верра стоял над ним, прижимая к доскам обутой в тяжелый сапог ногой.

Капитан Биддик с самым веселым видом рывком поставил Питера на ноги.

– Смотрите, кого мы поймали! Цинготную трюмную крысу! – воскликнул он, умело стягивая веревку на запястьях пленника. После этого оставалось только спустить парочку в ялик и доставить на берег.

К этому времени луна уже ушла за горизонт, и при слабом свете звезд они довольно долго ждали, пока Верра приведет экипаж. Пленников втолкнули внутрь. Йейтс и Биддик, которым предстояло играть роль охранников, сели по бокам. Верра устроился на козлах и погнал лошадей к замку.

Каро и Макс привели своих коней и последовали за экипажем.

Бриллианты звезд сияли на черном бархате неба. Тишину нарушали только грохот колес экипажа и топот копыт.

Каро уже изнемогала от усталости, но на душе было легко. Им все же удалось перехитрить Ньюэмов!

Однако тревога немедленно вернулась, когда Макс стал

задавать нескромные вопросы:

– Скажи, сэр Гавейн надолго их задержит?

– Ровно настолько, чтобы обнаружить, что им нужно и кто их нанял.

– Их действительно отошлют в Австралию?

– Вероятно, нет, хотя сэр Гавейн может им этим пригрозить.

– Но судить за шпионаж их не будут.

– Нет, – покачала головой Каро. – Мы не желаем открытого процесса.

– Предпочитаете секретность, – констатировал Макс каким-то странным тоном, и Каро неловко заерзала в седле.

– Уверена, что ты поймешь, почему мы предпочитаем не афишировать наши дела. А сэр Гавейн скорее всего даже не попытается наказать Даниэлу и ее брата и вместо этого предпочтет освободить их и позволит вернуться в Англию. В этом случае мы станем следить за ними. Но прежде он сообщит о них нашим агентам в Европе, и теперь, когда мы предупреждены, будем держаться начеку.

Последовала долгая пауза, прежде чем Макс едва слышно спросил:

– Скажи, а кто они такие, эти «хранители»?

Сердце Каро пропустило удар.

– Это всего лишь название, которое мы дали нашему отделу.

Судя по тому, как пристально смотрел на нее Макс, вряд

ли такое объяснение его удовлетворило. И следующие его слова только подтвердили это:

– Ваш отдел, похоже, чрезвычайно хорошо организован. А у сэра Гавейна имеются огромные возможности. Вы действительно работаете на министерство иностранных дел?

– Да, разумеется.

По крайней мере, хоть это не ложь.

– Мне кажется удивительным, что один из отделов министерства почему-то находится на маленьком средиземноморском острове.

– Мне казалось, я все объяснила. Наша близость к Европе – большое преимущество для политики министерства иностранных дел, хотя уединенность иногда мешает.

– Но есть вещи, которые ты не решаешься открыть?

– Тебе придется спросить сэра Гавейна, – уклонилась Каро.

– А он ответит на мои вопросы?

– Он предложил тебе место рядом с нами. Если ты согласишься, уверена, он расскажет все, что тебе необходимо знать.

– Не раньше?

– Вряд ли.

Ей очень хотелось усыпить подозрения Макса, но сама она не имела права говорить о «хранителях», особенно без разрешения сэра Гавейна. Вероятно, это разрешение будет получено. Сегодняшние действия Макса только подтвердили

ее растущее убеждение в том, что он прирожденный защитник и будет великолепным «хранителем».

Если ему выпадет узнать истинную историю и цели ордена, если он увидит всю серьезность и важность того, чем они занимаются, вполне возможно, Макс скорее решится присоединиться к ним.

– Я, разумеется, постараюсь все обсудить с сэром Гавейном, – пообещала Каро. – В твоём случае он может сделать исключение, учитывая, что ты уже немало помог нам.

Прошло не меньше часа, прежде чем Каро удалось поговорить с сэром Гавейном с глазу на глаз. Ньюэмов доставили в его замок и долго допрашивали, после чего Каро отвела баронета в сторону и пустила в ход самые веские аргументы.

К ее облегчению, сэр Гавейн согласился выйти в гостиную, где ждал Макс.

– Мистер Лейтон, я хочу выразить искреннюю благодарность за ваши неоценимые услуги, – начал он, когда Макс поднялся с дивана. – Мисс Ньюэм и ее брат могли бы причинить серьезный вред нашей организации. Залог нашего успеха – полнейшая секретность при выполнении заданий, и называть имена членов ордена – значит погубить все дело, не говоря уже о том, что эти агенты могли стать мишенью для мести разоблаченных врагов.

– А она назвала имя своего нанимателя?

– Назвала. Какой-то англичанин. Остается узнать, насколько правдива ее исповедь, так что придется принять со-

ответствующие меры, чтобы защитить нас. Но пока мы не удостоверимся, что Ньюэмы не представляют для нас опасности, они останутся здесь, на Кирене, под домашним арестом, – объяснил сэр Гавейн и, помолчав, продолжал: – Каро убедила меня, что вы заслуживаете более честного объяснения. И что, если мы надеемся убедить вас присоединиться к нам, пора показать, в чем заключается наша миссия. Каро, ты окажешь нам эту честь?

– Да, разумеется, – кивнула она.

Макс различил в ее голосе нотки воодушевления, но тон сэра Гавейна оставался торжественным.

– Надеюсь, вы поймете, почему мы должны потребовать от вас клятвы молчания, мистер Лейтон. То, что вы увидите, – это священное сокровище. Поговорим, когда вы вернетесь.

Макс кивнул, сбитый с толку загадочными словами баронета, но готовый следовать установленным правилам.

Сдерживая любопытство, он покорно вышел из комнаты вслед за Каро, которая повела его в другой конец замка и вниз, в самую глубину подземелий, где огромным старинным ключом открыла замок крепкой дубовой двери и ввела Макса в темное, затхлое помещение. Зажгла лампу, открыла еще более тяжелую дверь и плотно прикрыла за собой. Перед ними протянулся широкий наклонный проход, постепенно спускавшийся еще ниже. Здесь тянуло холодом и пахло сыростью и солью: очевидно, море было совсем недалеко. Еще

несколько минут – и они оказались в пещере, где плескалась темная вода.

– Подземное озеро? – спросил Макс.

Каро кивнула, отвязывая первую из трех шлюпок, пришвартованных у короткого деревянного причала.

– Здесь есть немало пересекающихся тоннелей, которые соединяются с несколькими подводными пещерами.

Макс оглядел пещеру, по стенам которой росли сталагмиты странной формы, сверкающие в свете лампы, а с потолка спускались длинные призрачно-белые сталактиты – результат веками просачивавшейся сюда дождевой воды: недаром по стенам поблескивали длинные потеки.

Черные отверстия – это, несомненно, тоннели, о которых упоминала Каро, узкие лазы, ведущие в различных направлениях, связывающие лабиринт пещер.

Каро повесила фонарь на носу шлюпки и подождала, пока усядется Макс, прежде чем присоединиться к нему.

– Прости, но придется завязать тебе глаза, – извинилась она.

– Это действительно требует такой секретности?

– Обещаю, скоро сам все поймешь. Но прежде ты должен поклясться честью, что никогда и ни при каких обстоятельствах не откроешь увиденного в этих пещерах.

Она никогда еще не выглядела такой серьезной.

– Клянусь, – торжественно сказал он, позволяя ей завязать себе глаза носовым платком.

Каро долго гребла, пока Макс терпеливо ждал. Наконец она остановилась и подняла весла. Здесь воздух был уже свежее, и эхо казалось странно гулким. Макс слышал, как вода мягко бьется о стены, а вдалеке волны тихо шепчут что-то, накатывая на берег.

– Можешь снять платок, – разрешила Каро.

Макс с готовностью повиновался. Оказалось, что они находятся посреди огромного озера, в большой природной впадине. Пламя масляного фонаря едва прорезало густую тьму сводчатой пещеры размером с собор. При виде такого великолепия у Макса гулко забилося сердце. Фантастические формы и фигуры окружали их. Гигантские колонны и арки поднимались со дна озера и возвышались между сталактитов, исчезающих в темноте высокого изогнутого потолка.

Даже в рассеянном свете было видно, что эти невероятные создания природы переливались всеми цветами радуги, от чистого хрустально-белого до серого, испещренного различными оттенками красного и желтого.

– Впечатляюще, – пробормотал он почти благоговейно.

– Это еще не то место, – пояснила Каро и снова взялась за весла, принимаясь грести к дальней стене, прорезанной впадинами и углублениями.

Вода озера переливалась, как черный атлас, но Макс во все глаза разглядывал великолепное зрелище, разворачивающееся перед ним по мере того, как свет фонаря скользил и играл по стенам в призрачном танце.

Немного погодя он понял, что Каро направляется к какой-то трещине, сквозь которую пробивалось слабое свечение. Проход был таким узким, что едва вмещал маленькую лодку, и к тому же несколько раз изгибался.

Постепенно свечение становилось ярче, но когда они выплыли из тоннеля, ослепительный блеск ударил по глазам, застав Макса врасплох. Вдоль стен крохотными солнцами пылали факелы. Эта пещера была гораздо меньше, размером примерно с грот Каро, но атмосфера в ней царила приглушенно-торжественная, как в церкви... или в храме. И, как в храме, тут властвовало то, что выглядело алтарем.

Вода заканчивалась у каменного карниза. В двадцати футах от него шел ряд грубо вырубленных в камне ступенек, ведущих к алтарю, сверкавшему золотом и серебром. Прямо из алтаря словно вырастал меч – великолепное оружие со стальным лезвием и золотой, украшенной драгоценными камнями рукояткой.

Макс от неожиданности задохнулся. Свет отражался в бесценных камнях, но не роскошь отделки лишила его дара речи. Меч излучал ауру, казавшуюся невероятно мощной, почти мистической.

– Именно это имел в виду сэр Гавейн, когда говорил о священном сокровище? – пробормотал он, заикаясь.

– Да.

Она привязала шлюпку к кольцу, ввернутому в камень, и вышла, после чего отступила в сторону, позволяя Макс

подняться первым.

На какой-то момент, когда пламя факелов мигнуло и мир погрузился во тьму, Макса охватило странное ощущение – ощущение покоя... наполненного необычайной энергией.

– Господи, – прошептал он.

– Ты тоже это почувствовал, – кивнула Каро, не нуждаясь в ответе.

– Что это за место? И этот меч...

– Легенда во плоти.

– Легенда?

– Что ты знаешь о короле Артуре?

– Мифическом Артуре Мэлори и Мильтона?

– Он не был мифом, Макс. Потому что жил на самом деле.

И это его меч, экскалибур.

Потрясенный, ошеломленный, Макс оглядел пещеру, но меч словно притягивал его взор.

– Как он оказался здесь?

– Это долгая история. Возможно, ты предпочтешь выслушать ее сидя.

По обе стороны от алтаря высились гранитные плиты, образуя природные скамьи. Каро подвела его к той, что справа, где Макс мог как следует рассмотреть меч.

– Согласно легенде, экскалибур был выкован эльфом-кузнецом на Авалоне и подарен королю Артуру Дамой с Озера.

– В тех вариантах легенды, которые я читал, – заметил Макс, – меч исчез. На смертном одре Артур заставил своего

рыцаря вернуть его Даме.

– Да. Потребовал, чтобы сэра Бедивер бросил его в воду.

– Но меч уцелел?

– Да. Его принесли сюда изгнанные рыцари короля Артура и их последователи, включая первого сэра Гавейна.

Макс, нахмурясь, всмотрелся в Каро, но понял, что она не шутит.

– Сэр Гавейн считался лучшим и самым верным из рыцарей Артура, но легенды гласят, что он был убит.

– О нет, только тяжело ранен. Но он не погиб и приехал сюда, чтобы оправиться от ран. Даже тогда Кирена была убежищем для изгоев, – тихо продолжала Каро. – Сэр Гавейн и двадцать других рыцарей, которые восседали за Круглым столом Артура, поселились здесь, но им не давала покоя великая цель. Их собственный крестовый поход, если так можно выразиться.

Он едва слышал ее голос.

– Они создали орден, Макс. «Хранители меча». Они намеревались нести дальше благородные идеалы Артура: защищать добро и уничтожать зло. Так они стали тайным обществом защитников.

По спине Макса прошел озноб. Картина, нарисованная Каро, поразила его настолько, что он долго молчал, прежде чем ответить.

– Если в твоей истории содержится хотя бы доля правды, все это происходило больше тысячи лет назад. Ты говоришь,

меч все это время был здесь?

– Он был спрятан во времена владычества мавров и правления испанцев. Но все это время оставался здесь, – подтвердила Каро.

– А «хранители»?

– На протяжении темного периода нашей истории орден почти исчез из памяти людей, но во времена гражданских войн в Англии снова возродился.

– Почему?

– Первоначально для того, чтобы помогать роялистам, которых преследовал Кромвель. «Хранители» помогли бесчисленным жертвам отправиться в Новый Свет и дали убежище на Кирене остальным отверженным. Но после окончания войн они поняли всю необходимость продолжать свою деятельность. Кто-то должен был защищать беззащитных, униженных, беспомощных, угнетенных. Поэтому они решили сделать Кирену постоянным владением Британской короны. Именно «хранители» помогли Англии получить Кирену по Утрехтскому договору.

Мак свел брови, пытаясь осознать весь масштаб сказанного Каро.

– А связи с министерством иностранных дел?

– Это началось гораздо позже. Официальный статус «хранителей» был определен британским правительством только несколько десятилетий назад, когда они стали секретным оружием министерства. С тех пор «хранителям» при-

шлось выполнить немало серьезных заданий, связанных в основном с Французской революцией и борьбой против Наполеона. Они спасли многих аристократов от гильотины. В те времена отец был одним из главных «хранителей» и погиб несколько лет назад, выручая своего агента из лап наполеоновских головорезов. Но... – Она тяжело вздохнула. – Никто не должен знать правду о смерти моего отца, да и о его жизни тоже.

– Но почему это должно храниться в такой тайне?

– Видишь ли, если о нашем существовании станет известно, мы не сможем действовать так быстро и успешно. Поэтому мы всеми силами стараемся не обнаружить себя.

– И теперь орденом управляет сэра Гавейн? Насколько я понял, он потомок того самого сэра Гавейна?

– Да. Главенство над «хранителями» передавалось по линии потомков первых рыцарей Круглого стола. Наш сэра Гавейн – глава нынешнего ордена. Решает, какие задания принять и каких агентов послать.

– Но как он узнает, какое задание стоит выполнить?

– Иногда приходит просьба о помощи от британского правительства, иногда – от частных лиц из любой европейской страны. Сэра Гавейн определяет, насколько велика степень риска.

Впервые с появления в пещере Макс невольно улыбнулся.

– Твои друзья не показались мне людьми, боящимися рисковать. Недаром сначала произвели на меня впечатление

шайки дерзких авантюристов или мятежников.

– Да, мы не боимся опасности, это правда. И разумеется, ценим отвагу. И не всегда придерживаемся правил. Но мы также хотим иметь хотя бы небольшой шанс на успех. Все «хранители» клянутся оберегать невинных и защищать правое дело, но ни у кого из нас нет желания стать мучениками. Глупо было бы вставать на защиту любого дела, каким бы оно ни было справедливым или достойным, если в результате все кончится нашей гибелью. В этом случае орден скоро прекратил бы свое существование.

Это замечание заставило Макса задаться вопросом, кто именно принадлежит к ордену «хранителей».

– Насколько велик сейчас орден?

– Дюжина или больше активных членов живут на Кирене, но более пятидесяти остальных рассеяны по всей Европе и Англии и занимают высокое положение в обществе и правительстве. Среди нас даже есть несколько американцев и два французских офицера – двойные агенты в окружении Наполеона. Именно их фальшивые отчеты последние двадцать лет мешали французскому флоту захватить Кирену. По традиции сыновья каждой правящей семьи в каждом поколении служат ордену, как, впрочем, и дочери. У всех наших членов различная история – ссыльные, авантюристы, бывшие жертвы преследования... Иногда знатные семьи посылают сюда своих блудных сыновей на исправление.

Неожиданная мысль осенила Макса.

– Повес вроде Кристофера Торна?

– Именно, – улыбнулась Каро. – После одного особенно непристойного случая во время учебы Торна в университете герцог, его отец, так разгневался, что умолил сэра Гавейна взять на себя задачу перевоспитания сына.

– И, насколько я понял, до некоторой степени это ему удалось?

– Более-менее. Торн – один из наших лучших агентов.

– А Алекс Райдер?

– Райдер был наемником, который несколько лет назад прекрасно показал себя в деле. Никто не может сравниться с ним в тайных операциях.

– А как насчет Сантоса Верры?

– Он был необычайно хитрым контрабандистом, оказавшим неоценимую помощь «хранителям». Поэтому его пригласили вступить в орден.

Макс удивленно покачал головой.

– Ты сказала, что дочери тоже могут служить ордену? Именно так ты стала «хранителем»?

– Да. Я заняла место отца после его смерти и стала одной из немногих женщин-«хранителей».

– Я заметил, что сегодня ты без труда взбежала по трапу на борт шхуны.

– Потому что тренировалась для этой роли почти всю свою жизнь. Поскольку у моего отца не было сына, который мог бы унаследовать его место в ордене, отец воспитывал ме-

ня, как мальчика.

– Но ваши задания, должно быть, требуют больших расходов.

– Да, подчас огромных, – кивнула Каро. – Нам нужны быстроходные суда, кони, оружие, деньги на взятки и выкуп... иногда мы платим местным проводникам и наемникам. Но нас очень хорошо финансируют. И деньги поступают из нескольких источников: целый клад в золотых монетах, поднятых с затонувшего испанского галеона, британское правительство... Те, кому нам удалось помочь, обычно предлагают награду, если имеют средства, разумеется. Иногда мы получаем пожертвования от богатых людей, которые просто слышали истории о наших подвигах и хотят поддержать наше дело. В Европе наши деяния стали легендой. О нас рассказывают шепотом, как о сказочных персонажах.

Макс поднялся с каменной скамьи и подошел ближе, чтобы рассмотреть меч еще раз. Возможно, оружие не было волшебным, но вызывало чувство истинного благоговения. И уж несомненно, было в нем нечто потустороннее.

Более того, даже если истории о его волшебном создании и появлении – всего лишь сказки, подобная реликвия должна была объединить оставшихся рыцарей Артура, дав им цель в жизни.

Сэр Гавейн назвал его священным сокровищем. Как потомок рыцаря Круглого стола, он обязан хранить экскалибур. А может, сам меч в чем-то защищает своих «храните-

лей». Макс вспомнил, как Каро упоминала несколько странных событий в истории острова.

– Ты ведь говорила, что вторжение мавров на Кирену было сорвано страшной бурей, а нападению французов помешал туман. Скажи, в легенде говорится о чарах меча?

– Мы хотели бы так думать. С тех пор, как экскалибур привезли сюда, Кирена стала непобедимой.

Поддавшись искушению, он провел пальцем по усыпанной драгоценностями рукояти. Рубины отражали огонь факелов, но горели и собственным странным огнем.

– Полагаю, вы не показываете этот меч кому ни попадя.

– Только принесшим клятву «хранителям», чтобы закончить наш ритуал посвящения. Но мы знали, что ты вряд ли присоединишься к нам, если не поймешь важности того, что мы делаем.

И Каро достигла цели, ибо он ясно видел задачи «хранителей». То, что он считал простым отделом министерства, имело куда большее значение: тайное общество храбрых мужчин и женщин, посвятивших себя великой миссии, поклявшихся честью защищать благородные идеалы.

Он и раньше подозревал, что этот остров хранит много тайн. Но, сопровождая Каро сюда, такого он не ожидал.

– Макс... – Каро помедлила и со спокойной убежденностью добавила: – Мы хотим, чтобы ты был с нами.

Макс отвернулся от меча и растерянно провел рукой по волосам. Какими бы особенными ни были цели ордена, он

вовсе не был уверен, что хочет посвятить себя будущему, которое вполне может стать повторением его худшего кошмара.

– Я не должен дать ответ прямо сейчас, так?

– Не должен. Мы знаем, что такое решение принять совсем не просто и не легко.

Макс сухо усмехнулся:

– Пожалуй, ты права. Ты просишь меня защищать ваше дело. Посвятить свою жизнь «хранителям».

– Не всю жизнь. Только несколько лет. Ты должен знать, что для благородных людей, прибывших впервые на наш остров и желающих тут поселиться, существуют некоторые условия. Если не считать тех, кому предоставляется убежище, любой знатный человек, который хочет остаться здесь, должен отслужить ордену не менее пяти лет. Таков закон острова.

– А кто следит за его выполнением? Сэр Гавейн?

– Да. Он властен казнить и миловать каждого обитателя Килены. Закон дает ему эту власть.

– Неужели он способен приговорить к смерти человека, не желающего присоединиться к «хранителям»?

– Нет. Но может изгнать с острова кого угодно, бросить в тюрьму, конфисковать все имущество...

– Значит, если я предпочту остаться здесь, от меня требуют вступить в орден?

– Да. Но мы считаем службу в ордене своим призвани-

ем. А ты сам сказал, что желал получить великую цель своей жизни.

– Это было давно. До войны.

Каро промолчала.

– Я польщен твоей верой в меня, – выговорил наконец Макс. – Это большая честь. Но мне нужно время, чтобы принять столь важное решение. Позволь мне сначала выполнить задание в Берберии.

– Разумеется.

Каро очень хотелось продолжить разговор, но у нее хватило ума и воли сдержаться. По крайней мере Макс не сразу отказался, как она того ожидала. И все же она не слишком надеялась, что он согласится. Успев столько узнать о его прошлом, она легко могла представить, какое усилие ему придется сделать только для того, чтобы участвовать в спасательной экспедиции.

Макс был заблудившимся воином. Странствующим рыцарем, приговорившим себя к эмоциональной ссылке. Она сердцем чувствовала, что из него выйдет истинный «хранитель», но то, чего хотела она, и то, с чем ему приходилось жить, – вещи очень разные.

Для того чтобы посвятить себя делу «хранителей», он должен сначала примириться со своими демонами. А Каро вообще не была уверена, что это произойдет.

Так или иначе, это его будущее, и решать ему. Она не имеет права подталкивать его к этому решению. И может только

надеяться, что, в конце концов, он присоединится к ним по собственной воле.

Глава 12

Два дня спустя Макс натянул поводья жеребца у ворот замка Олуэн, окидывая взглядом грозную крепость. Залитый солнцем замок отливал золотистым цветом и по какой-то прихоти освещения казался почти бесплотным.

Впрочем, может, это просто игра его воображения? Услышав поразительную историю «хранителей» и увидев легендарный меч, доверенный их попечению, он теперь был более склонен верить магии, которой обладает остров.

И уж нисколько не сомневался в чарах своей возлюбленной.

Он и раньше восхищался Каро, ее умением преодолевать препятствия, достойно ответить на вызов, попытками войти в мужской мир медиков. Но теперь, после всего, что он узнал, его восхищение стало безмерным.

С той ночи они с Каро не виделись. Должны были вчера встретиться в гроте, но она прислала записку, сообщая, что доктор Алленби заболел, подхватив простуду, и лежит в жару, так что следующие несколько дней ей придется навещать его пациентов.

Однако Макс ожидал, что она будет на сегодняшнем совещании, когда они соберутся, чтобы разработать предварительный план нападения с целью спасти леди Изабеллу.

Каро действительно ждала в кабинете сэра Гавейна вме-

сте с Джоном Йейтсом и Алексом Райдером. Девушка выглядела немного усталой: очевидно, сказывалась каждодневная нелегкая работа. Но, судя по мягкой улыбке, она была рада видеть Макса.

К тому времени как собрались остальные «хранители», ее улыбка погасла, а лицо стало хмурым и сосредоточенным: очевидно, тревога за подругу ничуть не уменьшилась.

Сэр Гавейн открыл совещание, представив Максу всех присутствующих. Кроме Сантоса и капитана Биддика, здесь было еще с полдюжины мужчин. Прежде чем начать речь, Макс постарался узнать, каков главный конек каждого.

– Пока нет других известий, придется предположить, что леди Изабелла содержится в крепости вождя, – заключил он. – И наша главная цель – найти способ проникновения в эту крепость. Вторая задача – благополучно вывести оттуда леди Изабеллу и без потерь покинуть Берберию. При разработке тактики я следую трем основным принципам: план должен быть возможно более прост, а если что-то пойдет не так, будьте готовы быстро перестроиться. И третье: план отступления должен быть продуман так же тщательно, как и первые два. И прежде, чем приступить к разработке, нужно хорошо понять, какие трудности нас ожидают.

Столпившись вокруг стола, они нагнулись над картой Алжира. Один из «хранителей», хорошо знавший страну, описал местность к юго-востоку от Алжира как чрезвычайно опасную. Два мучительных дня путешествия по бесплодной

пустыне, потом несколько предательских горных перевалов, прежде чем впереди покажется крепость берберского вождя. Кроме того, незнакомые обычаи и культура чужой страны еще больше усложняют их задачу, тем более что берберы считались самыми свирепыми воинами в Африке.

– Пытаться взять штурмом крепость было бы самоубийством, – констатировал наконец Макс. – Поэтому нужно придумать подходящую уловку, чтобы туда проникнуть.

– Но не проще ли, – спросил Йейтс, – купить Изабеллу у ее нынешнего хозяина?

Сэр Гавейн покачал головой:

– Нельзя выкладывать сразу все козыри. Это огромный риск. Если вождь откажется ее продать, задача спасения Изабеллы станет еще более опасной, потому что они тотчас поймут нашу цель и будут начеку. Мистер Лейтон, что предлагаете вы?

– Подкуп всех, от кого зависит впустить нас в крепость.

– Но чего может желать берберский воин настолько сильно, чтобы забыть о своих Подозрениях и распахнуть ворота? – удивилась Каро.

– Оружие! – догадался Райдер. – Особенно винтовки. На свете не найдется бербера, который не заплатил бы целого состояния за карабин последней модели!

– Значит, мы пошлем кого-то продавать оружие, – размышлял Йейтс. – Но кого? Хокхерста?

– Только не Хока, – Покачал головой Райдер. – Он слиш-

ком хорошо известен в Берберии, и, когда вернется в следующий раз, у него могут быть неприятности. Нам необходим совершенно незнакомый человек.

– Готов выступить в роли продавца, – вызвался Макс.

– Но вам нужна веская причина, чтобы обратиться к вождю.

– Может, назваться охотником, которому не терпится загнать самого опасного зверя?

– Льва?

Специалист по Берберии кивнул:

– Эта горная область Берберии – главное место обитания львов, и там действительно много охотников.

– Но что будет после того, как вы войдете в крепость? – допытывался Йейтс. – Мужчину никогда не допустят в гарем шейха.

– Зато допустят меня! – объявила Каро. – Это я должна найти Изабеллу и определить, как лучше вытащить ее оттуда.

Встретив ее взгляд, Макс нерешительно кивнул. Ему страшно было подумать о том, какому риску подвергается Каро, но она единственная, кто может проникнуть в гарем.

– Полагаю, вам стоит назваться моей рабыней.

– Рабыней? – ахнула Каро, вскинув брови.

– Это вполне правдоподобно и объясняет ваше присутствие. Под каким предлогом женщина может затесаться в охотничью компанию? Правда, вам придется вначале брать

уроки покорности.

Серые глаза на мгновение загорелись, прежде чем на губах заиграла невольная улыбка.

– Думаете, кто-то поверит столь очевидному притворству?

Макс сдержанно улыбнулся в ответ.

– Ну почему же? Если практиковаться очень старательно...

– А какая роль предназначена мне? – вмешался Райдер.

Макс усилием воли заставил себя вернуться к действительности.

– Вы – главный взрывник. Понадобится, чтобы отвлечь хозяина крепости при отходе. Возможно, придется взорвать несколько пороховых зарядов, чтобы прикрыть отступление на случай преследования.

– То есть если придется пробиваться силой?

– Да.

Сэр Гавейн поморщился:

– Я бы предпочел, чтобы вы выполнили миссию, не пытаясь убить или ранить невинных людей. Единственное преступление вождя заключается в том, что он купил рабыню. Разве из-за этого стоит терять жизнь?

– Вы совершенно правы, – кивнул Макс. – Крепость наверняка хорошо охраняется. Если найти способ обезвредить стражу...

– Возможно, сонное зелье в вине – лучшее средство, –

предложил Верра.

– Берберы крайне редко пьют вино, – вмешался специалист по Берберии, – хотя любят инжирную водку. Они не так религиозны, как арабы, но все же придерживаются мусульманской веры, которая запрещает алкоголь.

– Тогда можно подбавить зелье в воду или еду.

– Каро, – спросил сэр Гавейн, – можете ли вы сделать снотворное, которое не причинит берберам особого вреда?

– Разумеется, смогу.

– Если к тому же сумеем вывести из строя их лошадей, – добавил Макс, – погони вообще не будет.

– В таком случае я назовусь вашим грумом, – предложил Верра, – чтобы получить доступ в конюшни вождя.

– Верно! – кивнул Райдер.

– Пожалуй, этот план сработает. Значит, Лейтон – охотник на львов, а Каро и Верра – его слуги.

– А я немедленно отправлю письмо Торну с требованием приобрести лошадей, палатки и нужное снаряжение для богатого британского джентльмена на отдыхе, – объявил Йейтс.

– А я позабочусь о ружьях и порохе, – пообещал Райдер.

– Итак, предварительный план у нас есть, – постановил Макс. – Детали обговорим при встрече с Торном и Хоком в Алжире.

Морщины на лбу сэра Гавейна разгладились. На губах появилась одобрительная улыбка.

Макс оглядел собравшихся, замечая согласие, удовлетво-

рение и даже готовность к действию. В глазах Каро сияла надежда.

– Значит, договорились, – торжественно объявил сэр Гавейн. – Остается только точно узнать, где находится леди Изабелла, и можно отплывать в Берберию.

Заходящее солнце превратило поверхность озера в бронзовое зеркало. Ожидая Каро, Макс любовался необычным цветом воды. Он подобрал камешек и швырнул на середину озера, наблюдая, как медленно расходятся пламенеющие круги. Слабая улыбка появилась на его губах при мысли о том, что он бросает камешки, а не ножи. Только сейчас он сообразил, что уже давно не брался за нож Филиппа.

Блаженные минуты забытья, которые он делил с Каро, и сам грот, казалось, имели на него целительное воздействие. Даже в отсутствие Каро Макса часто неудержимо тянуло сюда. И каждый раз на душе становилось немного легче.

Впервые за долгое, долгое время он сумел заметить окружающую его красоту. Чувствовал, как душа, онемевшая после долгих лет войны, потихоньку возвращается к жизни, как тянущая боль внутри постепенно проходит. Ночные кошмары тоже почти исчезли. Только однажды он проснулся с криком и в поту, сопротивляясь сомкнувшейся над ним темноте, но все продолжалось не так долго, как в прошлом. А когда он закрыл глаза, Каро взяла его руку и повела с поля битвы.

Он будет всегда преклоняться перед ней за то, что не побоялась сразиться с его демонами. Иногда ей удавалось убе-

дить его открыто говорить о вещах, которые Макс до сих пор предпочитал держать в тайне. Исповедаться в его мрачных секретах. Благодаря ей он снова ожил. Наконец он смог примириться с собой и даже позволял себе вспоминать о самых лучших моментах дружбы с Филиппом.

Он не видел Каро со дня их совещания в замке. А пока старался не думать о «хранителях» и их приглашении вступить в орден.

Он не хотел огорчать Каро, но не мог дать ответ прямо сейчас. Не мог заставить себя сделать столь серьезный шаг. Разумеется, спасение жизней и борьба с тиранией – все это очень благородно. И он был не в силах подавить свою инстинктивную потребность убить дракона и сражаться со злом ради Каро. Но способен ли он посвятить себя делу «хранителей» так же беззаветно, как сама Каро? Кто знает?

Он видел, как крепка их дружба, как нерушимо товарищество. То же самое братство, которое существовало между ним и его однополчанами. Между ним и Филиппом. Он не был уверен, что сможет снова вынести подобную боль. Если он станет частью этого братства... вдруг ему снова придется наблюдать, как умирают его друзья?! На такой риск он пойти не мог.

Ему и без того с трудом удавалось скрыть тревогу за Каро. Неизвестно, какие опасности таит в себе их будущее задание... и каждое задание, которое ей поручат!

Подобные страхи могут парализовать солдата на поле боя.

И он не исключение.

Он и не ожидал, что когда-нибудь очутится в подобной ситуации. Просто пытался жить день за днем и не заглядывать в будущее, ожидающее его после поездки в Берберию. Но вскоре ему придется дать ответ... Ему нужно будет решить, чем он будет заниматься в оставшиеся годы.

Пока что он всего лишь хотел выполнить миссию и благополучно вернуть домой леди Изабеллу. И то же самое нетерпение подстегивало Каро. От Торна не было новых известий, но шторм, пронесшийся над Средиземным морем три дня назад, наверняка задержал прибытие кораблей. Кроме того, он окропил остров долгожданным дождем и превратил водопад в гроте в бурный поток, хотя его мощь с тех пор значительно уменьшилась.

Макс отвел глаза от водопада и взглянул на небо. Солнце почти зашло, а вместе с ним уходили и его надежды. Каро пригласили к роженице. Она прислала записку, в которой пообещала приехать к гроту до наступления ночи, но, может быть, она запоздает.

С ветки дуба донесся тихий крик совы. На этот раз Макс не вздрогнул, потому что привык к комку коричневых перьев, нарушавшему тишину в самые неожиданные моменты. В отсутствие Каро компанию Макс составляла сова.

Макс оглянулся и сочувственно кивнул:

– Ты тоже скучаешь, Джордж, верно?

Когда сова снова заухала, словно в ответ, Макс подхватил

еще один камешек и швырнул в воду, наблюдая, как кольца расплываются по темнеющей поверхности.

Каро появилась только в полночь, усталая, но довольная. – Миссис Томпкинс родила чудесного мальчика! – объявила она, когда он снял ее с седла. Кинжальный удар желаний мигом пронзил Макса, но он решительно подавил неуместные порывы и расседлал ее лошадь, прежде чем повести Каро в грот.

Каро замерла при виде приготовленного для нее сюрприза. Свечи, расставленные по всему гроту, отбрасывали золотистое сияние, на скатерти был приготовлен настоящий пир: жареный цыпленок, рис с шафраном и испанское вино наполняли воздух умопомрачительными ароматами.

Каро поблагодарила Макса такой чудесной улыбкой, что сердце его замерло.

– Голодна? – спросил он, привлекая ее к себе.

– Да, но слишком измучена, чтобы есть.

Изнемогая от нежности, Макс обнял ее. Он хотел подмять ее под себя и вонзаться, пока оба не потеряют головы от наслаждения. Но решительно отбросил крамольные мысли и просто поцеловал ее.

– Ничего, сейчас моя очередь заботиться о тебе.

Он уложил ее на постель среди подушек и стал кормить, пока она не утолила голод, после чего раздел, оставив на ней одну сорочку, и распустил волосы.

К удивлению Каро, он не попытался ласкать ее и только

накрыл их обоих одеялом: октябрьская ночь была довольно прохладной. А когда стал массировать сведенные напряжением мышцы плеч и рук, она довольно вздохнула.

– Ты слишком много работаешь, – пробормотал Макс, растирая ее спину.

Каро едва не застонала от удовольствия и облегчения.

– Ничего не поделаеть. Доктор Алленби слишком слаб, чтобы встать с постели, – вздохнула она, позволив пальцам Макса творить волшебство. – Возможно, с моей стороны это крайне эгоистично, но я надеюсь, он скоро поправится. Не могу же я покинуть Кирену, пока он болен!

– Боишься, что не сможешь участвовать в спасении Изабеллы?

– Да. Но и оставлять наших островитян без доктора тоже невозможно.

– Мне кажется, что вам нужен новый доктор на место Алленби.

– Знаю.

Каро была рада, что ей больше не приходится притворяться перед Максом. Теперь он понимал, почему она не может стать постоянным доктором Кирены, – потому что это не оставит ей времени на выполнение заданий, а она не собиралась отказываться от своей роли «хранителя».

– Доктор Алленби слабеет с каждым годом. И все же будет трудно заманить сюда другого, столь же знающего врача.

– Почему?

– Потому что любой честолюбивый хирург предпочтет практику в Лондоне, чем наше маленькое стоячее болото. Я надеялась, что когда-нибудь на Кирене будут настоящая больница и операционная, но это несбыточная мечта.

– Не такая уж несбыточная, но об этом ты побеспокоишься завтра. А пока что тебе нужно поспать.

Проведя губами по ее волосам, он обнял ее за талию, прижал к себе спиной, баюкая в объятиях.

Каро молча наслаждалась их близостью. Ягодицами она ощущала жар его возбуждения и знала, что Макс хочет ее. Но очевидно, он собирался просто держать ее в объятиях, пока она не заснет.

Снова вздохнув, Каро расслабилась и стала слушать бие-ние его сердца. Наслаждаться силой рук, взявших ее в кольцо. Впитывать в себя эту силу, утешение, которое Макс предлагает ей. Как давно никто не заботился о ней, не ухаживал, как давно она не чувствовала, что кто-то охраняет ее, готов защитить, когда она слишком устанет, чтобы сражаться дальше.

Его нежность заставляла ее почувствовать себя слабой, уязвимой и лелеемой. Прикосновение губ к волосам было таким легким, что у Каро перехватило горло.

Ах, если бы Макс вечно держал ее вот так... и она чувствовала бы себя в покое и безопасности...

В душе он истинный защитник! Макс обладал теми естественными инстинктами защищать и оберегать, что и другие

«хранители». Теми же задатками лидера и вождя, которые она видела в отце. Тем неуловимым качеством, которое заставляет людей следовать за ним даже в ад. Из него вышел бы настоящий «хранитель».

Но глупо надеяться, что он может стать одним из них. Вряд ли Макс останется на Кирене после возвращения из Алжира. Как только он излечится от мучительных кошмаров, у него не будет причин задерживаться здесь.

Даже сейчас тени в его глазах постепенно исчезают. Он все еще не исцелился окончательно, но с каждым днем становится спокойнее. А когда снова станет собой?

Уйдет от нее, как в тот раз.

Ну а если останется, если присоединится к «хранителям», они скорее всего так и будут продолжать встречаться в этом уединенном месте. И вряд ли будут кем-то еще, кроме любовников.

Каро зажмурилась, изнемогая под натиском желания. Она желала большего, чем звание любовницы Макса. Сегодня, держа на руках новорожденного, она ощутила странную тоску. Ей вдруг захотелось испытать, что это такое – носить ребенка Макса.

Но разве можно думать о подобных вещах? Макс ясно сказал, что не хочет ни жены, ни детей.

Она не может позволить себе подобные фантазии. Не может позволить эмоциям выйти из-под контроля, оставив ее совершенно беззащитной.

И тогда будет слишком легко влюбиться в Макса, а на ее долю выпадут только сердечная боль, муки и сожаления.

Глава 13

Когда Каро проснулась, в грот уже проникли лучи солнца.

Значит, это не чувственный сон! Макс по-прежнему прижимает ее к себе; одна рука запуталась в непокорной гриве волос, сорочка задралась, и набухший, пульсирующий фаллос прижимается к голым ягодицам.

Она медленно открыла глаза. Судя по тому, что грот залит светом, струившимся из трещины в крыше, было уже позднее утро. Макс, должно быть, проснулся гораздо раньше, но позволил ей поспать. Он уже побрился, чтобы не раздражать щетиной ее нежную кожу, и теперь осторожно целовал Каро в шею.

– Я тебя разбудил? – хрипловато спросил он голосом таким же ласкающим, как рука в ее волосах.

– Мм... я видела тебя во сне.

– Надеюсь, сон был приятным?

– Да, хотя не настолько, как в реальности.

Словно прочитав ее мысли, Макс сжал ее грудь сквозь тонкую ткань сорочки.

Каро тихо охнула. Одно его прикосновение, и ей уже нечем дышать!

Но он распластал ладонь на вздрагивающей мягкости ее живота, двинулся ниже, к ее бедрам, ощущая жар, и влагу, и ее желание.

Она выгнулась, прижимаясь к нему, ошеломленная непрошеными чувственными образами, воспоминаниями о том, что проделывали с ней эти пальцы... Безумно непристойные вещи, от которых она теряла голову.

Он удовлетворенно пробормотал что-то, когда свидетельство ее возбуждения оросило его пальцы, но, к ее удивлению, Макс только прикусил мочку ее уха, прежде чем откинуть одеяло и встать.

– Ванна ждет вас, миледи, – шутливо объявил он.

К тому времени, как Каро сообразила, что он не собирается любить ее сейчас, он уже вышел из грота.

Его отсутствие дало ей возможность ответить на зов природы и воспользоваться губками, после чего она последовала за Максом на свежий воздух.

Макс уже стоял в воде, доходившей ему до самых бедер. Увидев его, она остановилась, восхищаясь его могучим телом. А когда он повернулся лицом к ней, ее взгляд невольно уперся в мужскую плоть, способную дарить ей столь неистовое наслаждение. И во рту мигом пересохло.

– Чего ты ждешь? – весело спросил он, вскинув брови, и Каро густо покраснела, сообразив, что он поймал ее за подглядыванием. Румянец стал еще темнее, когда она сняла сорочку и глаза Макса загорелись. Его взгляд, словно нежные руки, касался ее всюду.

Каро с заколотившимся сердцем вошла в воду, все еще довольно теплую, прогретую летним солнышком. Зато струи

водопада были почти ледяными, и она удивилась, когда Макс поплыл туда и встал под каскадом, где глубина бурлящей воды была по пояс.

– Но водопад, на мой вкус, довольно холоден, – запротестовала Каро.

– Не бойся, я тебя согрею, – заверил он с трогательно знакомой улыбкой, и сердце забилося еще сильнее.

Она послушно поплыла к нему, нежась под его взглядом, ласкавшим ее наготу. Зачерпнув в горсть воды, он вылил ее на плечи Каро. Оказалось, что в другой руке у него кусок мыла, которым он стал намыливать ее плечи, шею, живот, но не там, где жажда была всего сильнее.

– Коснись меня, – прошептала она.

– Обязательно. Но придется потерпеть.

Он старательно вымыл ее груди, властно глядя белую кожу. Его прикосновение послало стрелу наслаждения, пронзившую ее лоно. Белые холмики были скользкими от мыла, соски потемнели и заострились; Макс блестящими жаркими глазами продолжал наблюдать за каждой ее реакцией.

– А теперь все остальное.

Он легонько развел коленом ее бедра. Рука скользнула между ног, ища, лаская, возбуждая.

Но Каро не нуждалась в возбуждении. Она уже изнемогла от желания. Его прикосновения опаляли.

– Макс, пожалуйста...

Еще секунда – и мыло полетело на каменный карниз, а он

все продолжал мыть ее. И, снова накрыв пруди ладонями, прошептал:

– У тебя такие твердые острые соски... – Его язык обводил темные, твердые, как камешки, вершинки. – Настоящая амброзия...

Жадные губы тянули тугие вершинки, вбирали плоть, мягко прикусывали, язык поочередно терзал и ласкал, а твердая, жаждущая входа плоть терлась о ее мягкое лоно.

Макс все продолжал сосать, и соски уже болели от непереносимого возбуждения. Наконец он поднял голову и повел ее под водопад. Каро охнула, когда холодная вода обрушилась на нее.

Но Макс и не думал извиняться за свою проделку и поцелуями стал пить воду с ее губ. Потом отстранился, сжал ее талию и усадил на каменный карниз, так что ее колени пришлись почти вровень с его грудью.

Теперь струи уже не попадали на них, но солнце едва проникало сквозь водяную пыль. Каро вздрогнула от холода.

– Макс, я думала, ты сказал...

– Тише, тебе понравится, обещаю, – пробормотал он, не спуская с нее поразительно теплого взгляда.

Она поверила, когда его рука легла на ее живот, а пальцы запутались в кружеве тонких локонов. Погладив ее, он развел ее бедра, оставив ее нежное лоно открытым для своего наслаждения.

Он безжалостно пожирал ее глазами, и Каро таяла от бес-

пощадного жара этого взгляда. Но тут он встал между ее ног, и холодные капли воды с его волос посыпались на самое чувствительное женское местечко, к которому секунду спустя прижался его горячий рот. Контраст был так ошеломителен, что она едва не застонала.

Но не удержалась мгновением позже, когда один палец проник в нее и влажные губы нашли тугой бутон плоти. Ее затрясло как в лихорадке, когда к первому пальцу присоединился второй.

Его губы принялись нежно сосать, пальцы проникали все глубже, исторгая стоны из ее горла.

Каро беспомощно вздрагивала, стремясь к разрядке. Бедра ее беспомощно выгибались, и она старалась прижаться теснее к его губам.

Но Макс, похоже, не спешил. Закинув ее ноги себе на плечи, он медленно сосал и лизал, подводя ее к самому пику, погружая пальцы еще глубже, пока язык играл с набухшим бугорком, беспощадно возбуждая ее и одновременно терзая ради очевидного удовольствия слышать, как ее крики становятся громче.

– Макс, я этого не вынесу. Пожалуйста...

– Подожди, рано, – неизменно отвечал он, явно наслаждаясь гортанными звуками, пока она лихорадочно извивалась под его ласками.

И наконец она расцвела для него. Ее пальцы впились в его плечи, и в воздух взвился последний жалобный вопль.

– Легче, – успокаивающе прошептал он, но ей не были нужны нежные, ласковые слова. Она хотела его. Отчаянно.

– Сейчас, Макс, пожалуйста...

Дальнейшего поощрения не потребовалось. Одним плавным движением он подтянулся на карниз и, уложив Каро на спину, лег сверху, накрыл ее собой и устроился между ее бедрами. Затянутая в бархат сталь уперлась в ее женственные складки. И пока она пульсировала наслаждением, вонзилась в нее.

Макс с застывшим от желания лицом зарылся руками в ее волосы. Каро увидела его исполненное свирепой нежности лицо, когда он погрузился в нее, тяжелый, твердый, уверенный...

И она снова застонала, когда его неподатливая плоть наполнила ее.

– Господи, какое это счастье – быть в тебе, – прошептал он, бесконечно горячо и чувственно. – И каждый раз я хочу больше, больше, больше...

Каро словно в тумане подумала, что хочет того же. Его обладание дарило ей такое блаженство, что она едва не лишалась сознания.

– Ты такая теплая, влажная и тугая. Это просто невероятно.

Он стал вращать бедрами, шепча слова любви и восхваления, терзая каждым утонченно медленным выпадом, каждым мощным ударом. Когда он отстранялся, Каро напряга-

лась, чтобы удержать горячую сладостную плоть, скрытую в ее лоне, и едва не плакала от облегчения, когда он снова наполнял ее. Но он продолжал двигаться, изменяя ритм, темп, глубину. Его руки и рот ласкали ее тело, доводя до исступления.

И когда он наконец врезался в нее до основания, Каро ответила так же самозабвенно, пытаясь вобрать и удержать его в себе.

Он снова поцеловал ее; язык двигался в том же требовательном ритме, что и плоть. И ее бедра встречали каждый рывок, тело напрягалось в ожидании разрядки, и она снова молила, молила, молила об освобождении. Такого безумного желания она еще никогда не испытывала. Желания, от которого ее трясло.

Каро почти не слышала тех сладких непристойностей, которые Макс шептал ей на ухо: все заглушали звуки ее тяжелого дыхания, безумный стук сердца, звон струй водопада. Она продолжала извиваться под ним, пока он брал ее настойчивыми, глубокими выпадами, поднимая на пик экстаза.

И вот волна поразительных ощущений ударила ее; перед глазами мелькали ослепительные световые пятна всех цветов радуги. Но Макс не замедлил движений, казалось, не замечая, как ногти бороздят его обнаженную спину, пока она билась в конвульсиях. Когда из ее горла вырвался отчаянный крик, он прижал ее лицом к своему мокрому плечу, чтобы заглушить все звуки.

Каро пришла в себя далеко не сразу. Целая вечность прошла, прежде чем сознание вернулось к ней.

Макс все это время жадно наблюдал за ее вздымающейся грудью и задорно торчащими сосками.

Он по-прежнему был в ней, твердый и неумолимый.

И, не дав ей времени протестовать, нагнул голову, чтобы обвести языком ноющие соски, одновременно стиснул ее попку и снова ворвался в нее, мощно и уверенно.

Потаенные мышцы Каро рефлекторно стиснули его плоть, хотя у самой девушки не осталось никаких сил.

Он продолжал вонзаться в нее, и это случилось снова: она разлетелась на миллионы сверкающих осколков, содрогаясь в судорогах экстаза, еще более сильного, чем предыдущий, оглашая окрестности беспомощными криками наслаждения.

На этот раз Макс не мог больше противиться восхитительному сжатию его плоти, входившей в ее лоно, как меч в ножны. Позволив себе капитулировать, он вонзился в нее, познав чистую яростную радость, дав волю своему неистовству. Сгорая от желания, он отдался собственному наслаждению и взорвался в ней, пока она плакала от восторга.

Потом они долго лежали в объятиях друг друга. Волны наслаждения постепенно улеглись, но губы все еще соприкасались.

Водяная пыль охлаждала их разогретые тела, но Каро знала, что дрожит не столько от холода, сколько от головокружительной страсти, завладевшей ими обоими.

Каро закрыла глаза, довольно свернувшись клубочком рядом с ним. Она не думала, что может ответить с такой неукротимой страстью, но столь исступленный порыв утомил ее. Она совершенно потеряла голову и до сих пор не могла думать связно.

– О нет, ангел, ты не можешь сейчас уснуть.

Она заставила себя открыть глаза и увидела ленивую, лишающую рассудка улыбку Макса.

После только что испытанного наслаждения она была уверена, что не сможет пошевелиться, но его взгляд был все таким же жарким и обещал новые ласки. Немедленно новая лавина яростного желания обрушилась на нее.

Облизнув губы, Каро с трудом улыбнулась.

– Сон, – хрипло пробормотала она, – это последнее, что у меня на уме.

Макс сжал бедра, послав дрожь желания по ее телу.

– Прекрасно, – удовлетворенно шепнул он, – потому что у меня еще много способов тебя согреть.

– Мне нужно поговорить с вами, сэр.

Тон доктора Алленби был до того сух, что Макс невольно вскинул брови. Престарелый джентльмен сидел в постели и, хотя выглядел больным и слабым, по всей вероятности, присущей ему язвительности не потерял.

Макс был удивлен просьбой доктора навестить его сегодня днем, однако, судя по неприветливому началу, его ждал весьма сдержанный прием.

– Я слышал, вас пригласили вступить в орден «хранителей», – пробурчал Алленби, сведя мохнатые брови. – Намереваетесь согласиться?

За дни, прошедшие с поразительного рассказа Каро о «Хранителях меча», Макс не мог думать о чем-то другом, но теперь был почти готов принять решение.

– Пока не знаю.

– Если вы не собираетесь оставаться на Кирене, вам лучше уехать.

– Простите, но я не совсем вас понимаю, – пожал плечами Макс.

– Меня? Я желаю знать, каковы ваши намерения в отношении Каро, сэр! Благородны они или нет? Вы серьезно ухаживаете за ней или просто забавляетесь, чтобы убить время?

– Мне всегда казалось, что это наше дело. Мое и Каро.

Алленби ответил уничтожающим взглядом.

– А я считаю это и моим делом, молодой человек. Со дня гибели отца Каро я занял его место, и мой долг приглядывать за ней.

Макс поспешно прикусил язык, хотя его так и подмывало достойно ответить. Вполне понятно, почему ворчливый старый доктор так оберегает Каро.

– Вы слишком много времени проводите в ее обществе, – ринулся в бой Алленби.

Последнее было не совсем верно. Прежде всего Каро много работала. Во-вторых, Макс старался как можно чаще

встречаться со своими новыми знакомыми по всему острову, чтобы сохранить в тайне связь с Каро.

– Я счастлив, что мисс Иверс считает меня другом, доктор. И мне кажется, она тоже счастлива дружить со мной.

– То есть вы хотите сказать, что не желаете от нее ничего, кроме дружбы? Когда-то я сам был молодым. И знаю, как этот остров умеет возбудить страсть в мужчине.

Макс не собирался обсуждать свои страсти с доктором или признаваться в интимных отношениях с Каро, но решил представить вполне правдоподобное объяснение, которому Алленби скорее всего поверит.

– Каро считает меня своим пациентом. Солдатом, страдающим от тяжелых последствий войны. Если она и выказывает мне чересчур пристальное внимание, то лишь потому, что хочет вылечить меня, как других раненых существ, попадавших ей в руки.

– Пфф! Пациент или нет, но, думаю, она слишком вам симпатизирует. Из этого ничего хорошего не выйдет.

– Почему вы так говорите?

– Потому что кончится тем, что вы смертельно ее раните. Если не собираетесь остаться на Кирене, значит, у вас нет совместного будущего. Я не позволю вам обманом увезти ее отсюда. Это ее дом. В любом другом месте она будет несчастна. Всякое общество, кроме здешнего, будет ей чужим. Здесь, и только здесь, она сумеет достичь своих главных целей – заниматься медициной и вместо отца служить

ордену «хранителей». Вы думали об этом, сэр?

Макс признался себе, что до сих пор не заходил мыслями так далеко. Просто боялся...

– И если ваши намерения не благородны... – престарелый доктор грозно ткнул скрюченным пальцем в сторону Макса, – вы за это ответите. А теперь проваливайтесь. Мне нужно побыстрее подняться с постели, чтобы Каро с легкой душой отправилась на задание.

После столь резкого прощания Макс поспешно вышел из дома доктора и вскочил в седло, не зная, смеяться, негодовать или просто проявить снисходительность к предостережениям старика.

Разумеется, вмешиваясь в их жизнь, доктор желает Каро только добра. И кроме того, бесцеремонный допрос дал Максиму возможность лучше увидеть всю меру собственного эгоизма. Он использовал Каро. Использовал утешение, которое она ему предлагала, использовал ее, чтобы помочь исцелить свои эмоциональные раны, не говоря уже о том, чтобы удовлетворять физические потребности.

Когда-то он воображал, что, насытив чувственные желания, забудет о Каро и она перестанет населять его сны. Ожидал, что к тому времени, когда он покинет Кирену, желания его немного остынут и он сможет держать их в узде. Но их страстные свидания имели прямо противоположный эффект.

Теперь он хотел Каро, безумно и безоглядно. И не был

уверен, что когда-нибудь охладает к ней.

Кроме того, доктор задал еще один весьма резонный вопрос. Каковы его истинные намерения относительно Каро? До сих пор он и не думал о возможности жениться на ней. По-видимому, его воззрения настолько изменились, что теперь он не сжимался при самой мысли о браке. Ни одна женщина, кроме Каро, не смогла заставить его подумать о семейной жизни.

А сама Каро?

Она вечно твердила, что не собирается замуж и не думает покидать остров. Доктор прав и в этом: она будет несчастна в любом месте, кроме острова. Вполне понятно, почему такая прелестная женщина, как Каро, почувствует себя в Англии неудачницей и ничтожеством. Почему она станет держаться в стороне от молодых людей, своих потенциальных поклонников и даже любовников. Здесь, на Кирене, – единственное достойное ее место, и она, естественно, не желает бросать все ради призрачных надежд.

Но он, однако, не хотел давать Каро ложных надежд, утверждая, что останется на острове. Ни за что на свете он не хотел бы причинить ей боль.

А если он откажется присоединиться к «хранителям», что тогда? Скорее всего вернется в Англию, хотя перспектива мирной жизни в мирном окружении теперь почему-то мало его привлекала.

Но может, он заглядывает слишком далеко вперед? Сей-

час нужно беспокоиться только о том, как выполнить предстоящее задание, не позволив демонам прошлого терзать его.

Возможность снова ринуться в бой тревожила его. Он молил Бога о том, чтобы не оцепенеть, не застыть, как многие молодые солдаты, а смело броситься на врага. Но при мысли о том, что может случиться с Каро, Макс покрывался холодным потом. И чем ближе подходил день отъезда, тем сильнее завладевал им страх.

Вероятно, доктор оказал ему благодеяние, открыв глаза на неминуемую опасность. Если не принять меры, его одержимость Каро вырвется из-под контроля. Ради нее самой же будет справедливо, если он немного охладит свой пыл.

По крайней мере пока они не спасут леди Изабеллу. Тогда он решит, что делать со своим будущим.

Когда они снова встретились в гроте, Каро сразу почувствовала перемену в Максе. Та безусловная гармония, существовавшая между ними, исчезла. Они плавали в озере, любили друг друга, но он словно постоянно сдерживался, утаивал от нее часть души. И хотя по-прежнему был все тем же нежным любовником, былая страсть угасла, и она ощутила сдержанность, которой раньше не было. А когда она покинула его, чтобы вернуться к своим обязанностям, Макс не спросил, как обычно, когда они встретятся в следующий раз.

Его очевидное охлаждение расстроило ее, поскольку скорее всего означало, что он собирается уехать с Кирины, как

только Изабеллу спасут.

Но ведь она и без того всегда знала, что Макс вряд ли согласится стать одним из «хранителей». С ее стороны было крайне глупо питать какие-то надежды.

Значит, теперь придется забыть о Максе и сосредоточиться на задании.

Глава 14

Наконец заветная минута настала. Первый же корабль, вошедший в гавань Кирены, привез посланцев из Берберии, подтвердивших, что берберский вождь действительно держит Изабеллу в своей горной крепости к юго-востоку от Алжира.

Сэр Гавейн немедленно собрал всех «хранителей» Кирены в замок, чтобы они выслушали отчет двух алжирских агентов, которых Макс еще не встречал.

В результате этого совещания отплытие было назначено на следующий день. Две дюжины «хранителей» должны были отплыть на Берберийское побережье и *роп* покровом темноты высадиться в маленьком морском порту к востоку от Алжира. Виконт Торн и граф Хокхерст, известный «хранителям» как Хок, будут ждать их с караваном и поведут с побережья через пустынные просторы и горные перевалы.

Когда совещание кончилось, все были исполнены решимости преуспеть и победить.

Пока они шли к конюшням, Макс поймал взгляд Каро.
– Сегодня? – прошептал он.

Каро кивнула. Хотя она еще раз поклялась себе держаться подальше от Макса, все же воспользуется любой возможностью побыть с ним, особенно еще и потому, что это может оказаться их последней ночью вместе. Как только они

покинут остров, им будет негде уединиться. На судне будет слишком много народа, а потом, во время перехода через су- ровую пустыню, придется жить в палатках. К тому времени, как они вернутся, Макс скорее всего решит больше никогда не иметь дела с их орденом.

Он уже ждал ее у грота и безмолвно привлек к себе, за- владев губами в неистовом поцелуе, сразу напомнившем об их былой страсти.

На этот раз они любили друг друга с яростью, исступле- нием и какой-то тоской, которой раньше не было.

Каро не стала повторять все аргументы в пользу вступле- ния в орден. Какой смысл твердить одно и то же? Макс сам должен взвесить все последствия и выбрать свою судьбу.

И когда он сжал ее в объятиях, она молча покорилась, ощущая под своей щекой мерное биение его сердца и стара- ясь усмирить свое желание.

Наутро, когда Каро поднялась на борт корабля, Макс уже был там. Она обещала себе игнорировать его, но оказалось, что все ее усилия с самого начала были бесплодны. Хоро- шо еще, что капитан Биддик немедленно поручил ей очеред- ное задание, и хотя она с головой погрузилась в работу, каж- дую секунду остро ощущала присутствие Макса. К сожалени- ю, после того как паруса были подняты, ничего не остава- лось, кроме как ждать. Следующие три дня Каро провела, прислушиваясь к поскрипыванию такелажа, хлопанию паруси- ны, спокойным шуткам других «хранителей», проводив-

ших время за игрой в карты и рассказами о былых приключениях.

В их отряде были еще две женщины, обе испанки. Их взяли с собой в качестве служанок. Кроме того, они должны были готовить и выполнять роль горничных Каро, а позже и Изабеллы.

Обстановка на корабле была самой спокойной и дружеской. Собственно говоря, это задание почти не отличалось от десятков других, которые Каро приходилось выполнять в последние годы, если не считать присутствия Макса. Напряжение, копившееся в животе, было не просто обычным страхом и предчувствием опасностей, которые ждут впереди. Она не ожидала, что будет так трудно держать в узде желание к Максусу или скрывать его от присутствующих на борту. Она умирала от огорчения, потому что не могла поговорить с ним, коснуться его.

Но он, по-видимому, ничего подобного не испытывал. Когда их взгляды встречались, жаркие огни, которые она так часто видела в его глазах, были погашены, а лицо приобрело холодно-бесстрастное выражение.

Может, он снова ушел в себя, чтобы в который раз выстроить знакомые барьеры, если задание потребует от них идти в бой.

Они приблизились к берегам Берберии задолго до рассвета, когда луна все еще сияла. Стоя у поручня, Каро едва различала высокие холмы, выделявшиеся на фоне ночного

неба, вместе со слабыми огоньками, которые, по словам капитана, светились в домах маленького морского порта Бужи.

Почти час спустя, когда земля стала ближе, она увидела серию более ярких вспышек, очевидно, на берегу кто-то сигнализировал фонарем.

И тут к ней подошел Макс. Сердце привычно заколотилось: впервые со дня отплытия он оказался рядом.

– Насколько я понимаю, это кто-то из наших? – тихо спросил он.

– Да. У нас свой собственный код. Этот сигнал означает, что нас ждет Хок. Мы доберемся до берега шлюпками, а позже капитан Биддик отведет судно в более безопасные воды, чтобы его не заметили алжирские пираты. Но через пять дней он вернется и будет готов поднять паруса в тот момент, когда мы вместе с Изабеллой окажемся на побережье.

– Ты уже бывала в Северной Африке?

– Только в Триполи. Но никогда в Алжире. Зато Хок регулярно сюда приезжает.

– Покупать коней?

– Да. Для своих скаковых конюшен. Поэтому сэр Гавейн и поручил ему собирать сведения. Хок говорит по-арабски и немного знает наречие берберов, а кроме того, у него здесь полно знакомых. Он уже раздобыл все необходимые разрешения и документы для нашего каравана. Торн и Райдер хорошо знают местность, поскольку несколько раз бывали в Берберии. Можешь задавать им любые вопросы.

– Я так и сделаю, – коротко бросил Макс, прежде чем отойти. Каро смотрела ему вслед, пытаясь справиться с разочарованием, легшим на плечи тяжелым свинцом.

Они бросили якорь в маленькой бухте. Алекс Райдер, хорошо знакомый со здешней береговой линией, повел первую шлюпку. Каро и Макс были во второй, Сантос Верра – в третьей, где находились ящики с оружием и снаряжением.

Действуя быстро и бесшумно, они сошли на скалистый берег, омываемый волнами, и быстро поднялись в темноте на низкую скалу под прикрытием кипарисов и мирта, росших здесь повсюду.

Когда они добрались до условленного места, Каро скорее почувствовала, чем увидела, присутствие людей и коней. Первый, кого она узнала, был Кристофер Торн.

Появившись из темноты, он приветствовал ее улыбкой и нежно обнял, прежде чем дружески хлопнуть Макса по плечу.

– Насколько я понял, – весело пробормотал он, – на Кирене ты нашел больше, чем ожидал.

Каро заметила нервную гримасу Макса и услышала сухой ответ, произнесенный ледяным голосом:

– Тебе за многое придется ответить, друг мой. Оказалось, ты не позаботился раскрыть кое-какие важные детали.

– Но я клялся сохранить тайну. Впрочем, чертовски рад снова тебя видеть! – воскликнул Торн, после чего представил Макса графу Хокхерсту. Каро наблюдала, как мужчины,

обмениваясь рукопожатием, смерили друг друга оценивающим взглядом. В темноте их было трудно различить: оба высокие, мускулистые, черноволосые, с властным выражением лица. Только нос у Хока был орлиным, а глаза не синими, а пронзительно-серыми.

– Я слышал о вас много лестных отзывов, Лейтон, – коротко и вполне искренне приветствовал его Хок и вывел вперед невысокого смуглого мужчину в длинном белом одеянии – джеллабе и головном уборе из квадратного куска ткани, удерживаемом на голове хлопчатобумажным жгутом.

– Это Фарук. Он будет нашим проводником. Доведет нас до гор.

Фарук, грациозно поклонившись, рассыпался в цветистых приветствиях на превосходном английском и предложил свои скромные услуги. Очевидно, он был одним из кочевых арабов-бедуинов, а не марокканцем, из тех, кто жил в городах, или светлокожим бербером, обитателем суровых гор.

Первым делом он снабдил их всех костюмами, более соответствующими обычаям и климату. Мужчинам раздали бурнусы – плащи с капюшонами для защиты от палящего солнца и песчаных бурь. Каро и две испанки с Кирены превратились в арабских служанок, облаченных в длинные одеяния – аба, платки и шарфы-лизамы, чтобы закрывать лица. Макс остался в костюме английского джентльмена, поскольку играл роль богатого путешественника, приехавшего по-

охотиться на знаменитых берберских львов. Но поверх костюма он все равно накинул бурнус.

– Полагаю, ты и так сойдешь, – хмыкнул Торн, изучая Макса, – только прими более надменный вид.

По команде проводника они уселись на коней, и караван, состоящий из коней, верблюдов и выючных мулов, потянулся к югу. Каро ехала в самом конце, вместе с женщинами и слугами, но была рада, что под ней лошадь, а не раскачивающийся, как судно на волнах, верблюд, на котором ее всегда укачивало.

Фарук сказал, что путешествие займет три дня. Они специально высадились подальше от шумных городов, но вскоре придется воспользоваться проторенными дорогами, ибо другого безопасного пути через жестокую пустыню просто не существовало.

Каро скоро вошла в ритм путешествия и едва не дремала под топот копыт, скрип седел и тихие голоса переговаривавшихся впереди мужчин. Макс ехал рядом с Хоком, очевидно, выслушивая сведения, собранные им за последние несколько недель. Они также наверняка успеют обсудить самые важные детали плана спасения Изабеллы, предложенного Максом.

Вскоре над холмами поднялось солнце, и к середине утра небо словно расцвело золотистым свечением, характерным для Средиземноморья. Они пересекли широкую плодородную долину, где в изобилии росли дикие фиговые и оливко-

вые деревья, после чего стали подниматься на каменистый холм. Здесь пейзаж резко изменился. Это было заметно, когда они проезжали через прохладную тень кедровой рощи. Но к полудню они спустились в другую долину, плоскую, без единого дерева, покрытую редкими кустами и травой. Здесь почти не было признаков жизни, только иногда виднелись стада овец и коз, пасшиеся под присмотром одинокого кочевника.

Точно так же неожиданно местность стала абсолютно бесплодной и дикой. Тропа сузилась, стиснутая с обеих сторон меловыми скалами и откосами из красного песчаника. Когда они стали пробираться между крутыми склонами и глубокими оврагами, Фарук, отстав от других, подъехал к Каро.

– Умоляю, мадемуазель, будьте осторожнее. Здесь очень опасно.

Каро поблагодарила его и пообещала быть начеку.

Кроме негостеприимной природы, здесь еще царила ужасная жара. Когда они остановились, чтобы дать отдохнуть животным, Каро жадно напилась воды из меха, разделив порцию с остальными женщинами, и немного перекусила ячменными лепешками, козьим сыром и инжиром.

К концу дня на горизонте показались очертания зубчатой горной цепи, но солнце уже горело червонным золотом, опускаясь все ниже, и проводник приказал остановиться на ночь.

Арабы быстро и очень проворно раскинули лагерь, оче-

видно, привыкнув часто заниматься подобными вещами, и возвели почти дюжину черных шатров из козьих шкур, пока женщины разводили огонь и готовили ужин.

Каро распрягла лошадь, задала ей корма и воды и размяла ноющие ноги, пройдясь вокруг лагеря. Несмотря на жару и отсутствие растительности, вечер был таким мирным, что путешествие, пожалуй, могло прийтись ей по душе, не будь ставки так высоки, а ее отношения с Максом – такими напряженными.

Он все еще избегал ее, так что Каро не удивилась, когда на ужин позвал ее Торн.

– Скажи мне, – начал он, беря ее под руку и подводя к самому большому шатру, – Макс уже успел свыкнуться с жизнью на острове?

– Вполне, – обронила Каро, не собираясь выдавать секреты, которыми Макс делился с ней. – И похоже, ему там очень понравилось.

– Как по-твоему, он присоединится к нам?

Так вот о чем беспокоится Торн! Он с самого начала предлагал сэру Гавейну подумать о вступлении Макса в орден и именно с этой целью уговорил последнего приехать на Кирену.

– Не уверена, – честно ответила Каро. – Сначала ему придется преодолеть множество неприятных воспоминаний, связанных с войной. Полагаю, многое зависит от того, как пройдет для него эта экспедиция.

У арабов женщины едят отдельно от мужчин, но поскольку Каро занимала в их обществе особое место, ей разрешили ужинать с остальными «хранителями». Сидя на тростниковом коврике между Торном и Райдером, Каро с аппетитом поглощала простую, но вкусную еду: кускус с овощами, оливки, бобы, маринованные в масле и уксусе, и золотистые спелые финики. Потом были поданы маленькие чашечки густого черного кофе. Макс и Хок тем временем продолжали уточнять детали согласованного плана, стараясь подготовиться к любому непредвиденному обстоятельству. Но Каро знала, что, если дела пойдут плохо, им придется положиться на сообразительность и опыт, чтобы вызволить всех из беды.

Пока остальные изучали карты, составленные Хоком, тот объявил:

– Завтра вечером мы раскинем лагерь в оазисе Акбу. Наутро оставим там караван, и только двадцать человек пройдут последний этап путешествия, направившись к горам.

– Сколько времени займет поездка из Акбу? – спросил Райдер.

– Девять или десять часов, – ответил Хок, – поэтому нам следует добраться до горной крепости Сафула к концу дня, пока еще светло. Вождя зовут Сафул иль-Таиб. Он правит одним из самых могущественных берберских племен в Алжире, но я по собственному опыту узнал, что он чрезвычайно гостеприимен, когда на прошлой неделе побывал у него под предлогом поиска чистокровных кобыл. Он довольно

прилично говорит по-французски, так что вы сможете общаться без переводчика.

– Этот перевал и есть тот маршрут, который нам нужен? – спросил Макс, показывая точку на карте.

– Да. Берберы в основном земледельцы, хотя их мужчины считаются свирепыми воинами. А крепость Сафула больше похожа на укрепленный город, защищенный с одной стороны горным склоном и выходящий на узкую плодородную долину. Южный путь круто поворачивает на запад, а потом раздваивается: одна дорога ведет к Алжиру, другая – на восток. – Хок помолчал, оглядел внимательно слушавших «хранителей» и объявил: – Лейтон поведет тщательно отобранных людей вниз, с северного горного перевала. Перейдя долину, они подойдут к стенам города.

– Но никто не сможет попасть внутрь? – уточнил Торн.

– Нет, – покачал головой Хок. – Лейтон возьмет в крепость только нескольких помощников, включая Каро, Сантоса и Райдера. Остальные, включая вас, Торн, раскинут лагерь у ворот в долине, чтобы обеспечить отход, когда настанет время. И поскольку я не смогу вновь показаться там, не возбуждив подозрений, останусь по эту сторону горы, чтобы прикрывать отступление.

– А что будет, когда мы попадем в крепость? – допытывался Райдер.

– Лейтон определит ваши роли в зависимости от обстоятельств. Но общий план таков: когда Сафул примет его, он

попросит проводника по горам, где водятся львы. А вы, словно по наитию, предложите ему в обмен дюжину винтовок.

– Но вдруг он захочет поторговаться? – спросил кто-то.

– Можете дать ему больше. Райдер привез три дюжины, которые мы оставим Сафулу как плату за оскорбление гостеприимства и похищение пленницы у него из-под носа. Но я сомневаюсь, что спорить придется долго. Берберы не то арабы, которые возвели споры об условиях сделки в ранг искусства. Подозреваю, Сафул посчитает ваше предложение щедрым и справедливым.

– Надеюсь, что так, – сухо пробормотал Райдер, – учитывая, что эти винтовки имеют дальность боя и точность прицела, каких еще здесь не видели.

– А что делать мне? – вмешалась Каро. Хок задумчиво свел брови.

– Вы представитесь рабыней-португалкой Лейтона, которая немного говорит по-английски. Вас, несомненно, отошлют на ночь в гарем, где ваша обязанность – найти леди Изабеллу, разъяснить наш план и устроить ей побег. Кроме того, вы должны известить Лейтона о возникших проблемах и решить, стоит ли отказаться от операции в случае опасности. Если же все будет в порядке, он даст сигнал Райдеру и Верре, что можно продолжать.

Каро внимательно изучала план большого жилища вождя, нарисованный Хоком.

– Насколько хорошо охраняется женская половина?

– Вполне возможно, что совсем не охраняется. Берберские женщины не содержатся под замком, как невольницы в турецких гаремах, так что похитить Изабеллу будет нетрудно. Как утверждает Лейтон, главные трудности начнутся потом, когда нужно будет незамеченными выбираться из крепости. Поэтому следует сделать все возможное, чтобы избежать погони, начиная с переодевания. В вашем багаже, Каро, найдутся два черных берберских бурнуса и тюрбаны. Вы и Изабелла оденетесь мужчинами и возьмете оружие. Издалека вы сможете сойти за воинов.

– Но дом Сафула, похоже, окружен стеной, – заметила она.

– Так оно и есть. Видите дворик в юго-восточном углу? В этом месте стену легко перепрыгнуть. Лейтон поведет вас и Изабеллу к конюшне, где будет ждать Верра с лошадьми, а тем временем... – Хок взглянул на Сантоса: – Вы, как слуга и одновременно грум Лейтона, выведете из строя лошадей, чтобы за нами не погнались. Каро, вы сказали Сантосу, что делать?

Она кивнула.

– Траву, которую я привезла, можно подсыпать в еду или воду. Зелье не причинит особого вреда, только слабость и вялость, которые пройдут через несколько часов.

– А за сколько времени оно подействует?

– За час-другой.

– Но ведь в крепости есть немало лошадей, которыми Сафул сможет воспользоваться для погони, – возразил Райдер.

– Вот поэтому вам нужно отвлечь Сафула, – пояснил Макс. – Его следует заманить подальше от дома и чем-то занять. Временно лишившись вождя, берберы вряд ли начнут сразу же преследовать нас.

– Под словом «отвлечь» вы подразумеваете взрыв?

– Совершенно верно, причем в самой дальней части крепости. Как глава племени, Сафул сочтет своим долгом расследовать происшествие. Если повезет, он и его воины будут настолько заняты, пытаясь определить, откуда исходит угроза, что мы сумеем незаметно проскользнуть в ворота.

– А дальше? – не унимался Райдер. – Меня не должны обнаружить после взрыва.

– Как только подпалите шнур, скорее бегите к воротам. Но прежде определите маршрут нашего побега, – добавил Макс.

Райдер кивнул.

– Ворота на ночь запираются, но охраны там не много. Я насчитал всего двух часовых. Райдер, вам надлежит обезвредить обоих и открыть ворота еще до того, как приметесь отвлекать вождя.

– Похоже, ночка будет веселой, – ухмыльнулся Райдер.

– Неужели у меня так и не будет шанса попасть в герои? – пожаловался Торн. – И это в таком роскошном спектакле!

«Хранители», хорошо знакомые с пристрастием Торна к опасным авантюрам, дружно рассмеялись. Только Хок коротко усмехнулся, но тут же стал серьезным.

– У вас будет немало возможностей проявить героизм,

Торн, поскольку вы за это время свернете лагерь и будете ждать у ворот с полудюжиной людей и лошадью для Райдера.

К этой минуте Лейтон и Каро уже успеют пробраться к Изабелле. И поскольку вы будете хорошо вооружены, значит, на вас лежит задача прикрыть их отход и при необходимости вести ответный огонь.

– С большим удовольствием! – воскликнул Торн, хитро блестя глазами и, очевидно, предчувствуя хорошую драку.

– Но лишь при необходимости, – предостерегающе повторил Хок. – Сэр Гавейн не желает, чтобы мы убили Сафула или его людей без всяких на то оснований, поэтому стрелять будем, только если нет другого выхода.

– Разумеется.

– Потом вы все поскачете к северному перевалу, – продолжал Хок. – Я буду ждать на другой стороне со свежими лошадьми. На случай, если вас будут преследовать, я взорву пороховой заряд, достаточно большой, чтобы вызвать оползень и закрыть проход через горы.

Райдер, очевидно, удовлетворенный, медленно кивнул.

– Итак, есть ли у кого вопросы? – осведомился Макс. – Любые предложения по усовершенствованию нашего плана? Какие-то мысли насчет координации действий и последовательности событий?

Воцарилось молчание: вероятно, «хранители» взвешивали преимущества и недостатки плана.

Почувствовав взгляд Макса, Каро подняла глаза от карты,

повернула к нему голову и увидела, что Макс хмурится.

Когда их взгляды скрестились, она пыталась понять, чем он недоволен, но синие глаза казались темными бездонными озерами.

И все же она отчетливо чувствовала, что он не совсем доволен планом.

...громоподобный взрыв... конский вопль... нестерпимая боль... не в силах подняться...

Скачущая впереди Каро разворачивает коня... возвращается к нему...

Протягивает руку... оглушительный треск винтовочного выстрела... ее лицо... кровь...

Каро опускается на колени...

Господи Боже, нет... пожалуйста... только не это... Макс, задыхаясь, вскочил и открыл глаза. Сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди.

Он ошеломленно огляделся, до сих пор не оправившись от ножевого удара паники.

В темном шатре было тихо, если не считать спокойного дыхания спящих «хранителей». И никаких следов Каро... да, она спит в женском шатре.

Он лег на спину, все еще дрожа от пережитого ужаса.

На этот раз видение было другим: не Филипп, а Каро вернулась, чтобы спасти его. Каро была убита у него на глазах.

Он видел, как она умирает. Наблюдал, как она пожертвовала жизнью ради него.

Господи Боже, нет...

Они свернули лагерь на рассвете следующего утра, чтобы часть путешествия проделать в самое прохладное время суток, но всего через несколько часов беспощадное солнце обрушилось на них. К полудню перед ними распростерлось бесконечное море желтовато-серого песка, накалявшегося под жарким лазурным небом.

Каро знала, что это всего лишь преддверие Сахары и лето давно кончилось, но палящая жара была почти невыносимой. Она была рада, что лицо замотано шарфом-лизамом и по крайней мере не сторит на солнце и не обветрится.

Бесплодная местность, кое-где поросшая горькими солянками или саксаулом, казалась безжалостной и безжизненной, пока лошадь Каро едва не наступила на полузарывшуюся в песок змею. Напуганная кобыла с пронзительным ржанием взвилась на дыбы и в панике дернулась в сторону, сбросив всадницу. Каро с размаху упала на спину и на мгновение лишилась чувств.

Змея была небольшой, но свернулась всего в футе от девушки, глядя на нее блестящими черными пуговицами глаз и явно готовясь напасть.

Каро от страха потеряла способность двигаться и оцепенела. Даже топот копыт доносился словно издалека. Земля под ней вздрогнула, рядом с головой мелькнули копыта, сильные руки схватили ее, оторвали от земли и бросили поперек седла. Ошеломленная ударом, она во второй раз едва не задох-

нулась.

Тяжело дыша, она попыталась высвободиться, но инстинктивно узнала спасителя по знакомым ощущениям и стальным объятиям. Макс.

Изнемогая от облегчения и благодарности, она прислонилась к его груди. Он держал ее крепко, молча, унося от опасности. Змея, извиваясь, поползла под куст.

Подъехавшие «хранители» остановили лошадей и принялись забрасывать ее вопросами:

– Что здесь происходит?

– С вами все в порядке?

– Не ушиблись?

– Все хорошо, – заверила Каро, не привыкшая быть объектом таких забот и потому изнемогавшая от смущения. – Моя лошадь испугалась змеи. Но меня не укусили.

Торн, несколько успокоившись, обернулся к Максусу:

– Так вот каким замысловатым маневрам учат в кавалерии!

– Впечатляюще, – заметил Райдер с восхищением.

Хок кивнул:

– Даже берберский воин не смог бы сделать лучше.

Макс проигнорировал их восхваления и усадил Каро на ее пугливую кобылку, а сам, продолжая мрачно хмуриться, не сказав ни слова, отъехал прочь. И не дал Каро ни единого шанса поблагодарить его как следует.

Остальные удивленно смотрели ему вслед.

Она поняла, что он по какой-то причине сердит на нее. Но почему? Что она сделала?

Только к вечеру у нее появилась возможность поговорить с ним.

Когда караван, уже в сумерках, добрался до Акбу, Каро немедленно поняла, почему оазис был желанным местом отдыха для усталых путников. Прохладная зеленая роща из перистых финиковых пальм возвышалась над зарослями олеандров, тамариндов и фисташек, отбрасывая благословенную тень и давая прохладу и покой.

Шумную деревню населяли арабы всех возможных племен, предлагая бесчисленные услуги и товары на продажу. Как только проводники раскинули лагерь на краю оазиса, путешественники смогли легко приобрести свежую провизию и пополнить драгоценный запас воды. Сегодня ужин был более изысканным, поскольку к кускусу прибавилась жареная баранина. Как и в прошлую ночь, «хранители» ужинали все вместе, в том же шатре. Только на этот раз громких разговоров не велось и люди в основном молчали, готовясь к завтрашнему утру, когда по-настоящему начнется выполнение их миссии.

После ужина, когда все разошлись по своим палаткам, Каро подошла к Максу и попросила уделить ей несколько минут для разговора наедине.

Он кивнул и покинул шатер. Несколькими минутами позже она последовала за ним и нашла его на некотором рас-

стоянии от лагеря. Методично размахиваясь, он все метал и метал нож в какой-то едва различимый на песке предмет.

Должно быть, он услышал ее шаги, поскольку резко опустил руку и спрятал нож в карман. Когда она встала рядом, он уже пристально смотрел на призрачно-белые пески пустыни. Ночь была ясной, лунной и очень холодной, как обычно бывает в этих местах.

Макс первым прервал молчание:

– Что ты хотела мне сказать?

Застигнутая врасплох его неприветливым тоном, Каро встревожено уставилась на него.

– Просто хотела поблагодарить за то, что спас меня сегодня. Одна из арабских женщин рассказала, что яд этих змей смертельно опасен.

– Прекрасно. Я принимаю твою благодарность.

– Макс, в чем дело?

Она положила руку ему на плечо, но он дернулся, как от удара, и, отступив, повернулся к ней спиной.

– Я чем-то оскорбила тебя? – растерялась Каро.

– Н-нет, – едва слышно выдавил он, и это короткое слово прозвучало проклятием.

– Но что случилось?

– Можешь считать, что я с величайшим трудом стараюсь смириться с твоим участием в этом деле.

– Но почему?

Макс судорожно сжал кулаки.

– Прошлой ночью у меня снова был кошмар... но на этот раз... вместо Филиппа погибла ты.

В голосе звучала такая тоска, что сердце Каро сжалось. Ей так хотелось успокоить его, обнять, прижаться щекой к его окаменевшей спине. Но Каро ограничилась тем, что тихо напомнила:

– Макс, это всего лишь сон.

– Может, и так. Но то, что случилось сегодня, было вполне реальным. – Он снова стиснул кулаки, словно пытаюсь раздавить что-то. – Когда я увидел тебя на земле, такую застывшую и неподвижную... – цедил он каждое слово, будто подумать боялся, что могло случиться, укуси ее змея.

– Ты беспокоишься обо мне, – догадалась она наконец.

– Да, черт возьми, и очень! – прошипел он, оглянувшись. – И думаю, у меня для этого есть все причины, учитывая опасность, которой ты подвергаешься.

– Опасность? Не большая, чем для других, включая тебя.

– И ты считаешь, что это меня успокоит. Я не желаю видеть, как ты умираешь, Каро! На моих глазах Филипп отдал за меня жизнь, и это видение всю жизнь будет меня преследовать. Не думаю, что смогу жить с воспоминаниями о твоей гибели!

Каро негодуяще выпрямилась.

– Надеюсь, ты не предлагаешь мне остаться здесь?

Макс раздраженно провел рукой по волосам.

– Именно это я и предлагаю. Хочу, чтобы ты завтра оста-

лась с Хоком, в полной безопасности, и позволила мне выполнить задание в одиночку.

Каро, не веря своим ушам, уставилась на него:

– Такого никогда не будет! Тебя и близко не подпустят к Изабелле! Ты не сможешь убедиться, достаточно ли она здорова, чтобы вынести путешествие, не говоря уже о том, чтобы организовать ее побег. Хок был в этой крепости на прошлой неделе, но даже мельком не увидел Изабеллу, только один раз услышал ее имя. Но так и не нашел никого, с кем мог бы посплетничать о прекрасной испанке, привлекавшей внимание вождя. Я должна идти, Макс. Я единственная, кто может войти на женскую половину.

Он полоснул ее яростным взглядом.

– Похоже, ты понятия не имеешь, чем рискуешь! А если тебя убьют?

– Я вполне сознаю всю степень риска, – парировала Каро, задыхаясь от теснивших грудь эмоций.

Макс лучше других осознавал, что им придется вынести в крепости. Он бывший солдат, человек, близко знакомый с опасностью. Она знала также, почему он чувствовал себя ответственным за нее, почему не хотел ее смерти или ранения на своей совести. Но она не могла простить его за требования пожертвовать своими принципами или бросить ближайшего друга, чтобы благополучно отсидеться в тылу.

– Черт бы тебя побрал, Макс, – взвилась она. – Ты лучше других должен был это понять. Я годами тренировалась,

чтобы выполнять подобные задания. И в этом мое жизненное призвание. Моя обязанность спасти других, а для этого требуется рисковать. Не могу же я ради своей безопасности пожертвовать свободой лучшей подруги!

Его сердитый взгляд обжигал ее, но он мрачно молчал.

– Ты бы на моем месте сделал то же самое, я это знаю. Будь ты на месте Филиппа, наверняка пожертвовал бы своей жизнью ради него.

– Речь не об этом.

– Именно об этом! Почему ты считаешь, что можешь жертвовать собой ради других, но этим другим не позволено жертвовать ради тебя?!

– Я не позволю тебе умереть, Каро! – взорвался он, сверкая глазами, и потянулся к ней. Руки стальными кандалами сомкнулись на ее запястьях, словно он надеялся силой заставить ее отказаться от завтрашнего предприятия.

Но Каро сумела освободиться одним бешеным рывком и, отскочив, стиснула зубы.

– Прекрати! Я не стану слушать тебя! – кричала она, дрожа от ярости. – Я знаю, ты винишь себя в гибели друга. Но он вряд ли хотел, чтобы ты наказывал себя за это целую вечность! И скорее всего посоветовал бы тебе забыть о трагедии. Пора начинать новую жизнь.

Макс отшатнулся, словно от пощечины. Но Каро проигнорировала боль, полыхнувшую в его глазах, и, кипя от злости, продолжала:

– Нельзя диктовать судьбе, Макс. Никто не в силах сделать это! Я люблю Изабеллу больше собственной жизни. И если меня завтра убьют, пусть будет так. Это мое дело – рисковать или нет. И тебе лучше смириться с этим, потому что я не собираюсь сидеть сложа руки.

С этими словами она повернулась и ушла, оставив Макса мрачно смотреть ей в спину. Его рассерженный, отчаянный взгляд словно буравил дыру в ее спине.

Глава 15

Рассвет окрасил небо голубыми и розовыми полосами. Настало время отъезда. Двадцать всадников пустились в путь навстречу неведомому.

Каро, так и не остывшая от вчерашней ссоры, избегала Макса, который и не пытался приблизиться и лишь суровым взглядом окинул ее костюм. Она облачилась в богатые одеяния, увешалась драгоценностями, подвела глаза и нарумянила щеки, как подобало ее роли рабыни и наложницы богатого лорда.

Но под мрачным взглядом Макса она почувствовала себя неловко. И к своему сожалению, поняла, что их вчерашняя ссора только усилила напряжение между ними.

Несмотря на злость, сердце ныло и болело. И пока они пересекали мрачную местность, Каро не отрывала глаз от голубых гор на горизонте, словно манивших к себе, и пыталась сосредоточиться на том, что ждало впереди.

К полудню они достигли первого зубчатого пика Бибанских гор. Перед ними возвышались крутые скалы, и их маленький караван с большим трудом продвигался вперед.

Но по мере продолжения пути дорога становилась легче и кое-где появлялась растительность. К середине дня они оказались в вечнозеленом лесу каменных дубов. К тому времени, как они достигли предательского перевала, служившего

границей земель племени Сафула иль-Таиба, солнце уже висело совсем низко над горизонтом, окутывая суровые горы золотистым светом.

Хок остался за перевалом с небольшим отрядом из шести человек и запасными лошадьми, а Макс повел своих людей через перевал и вниз, к крепости берберов.

Они остановились на последнем каменистом склоне, чтобы обозреть окружающую панораму. Узкая долина внизу была именно такой, как описывал Хок: плодородная, зеленая, покрытая полями ячменя и пшеницы.

Сразу за долиной на склоне холма высилась массивная крепость. Дома, которые успела увидеть Каро, мостились на карнизах, но, как она поняла, город было легко оборонять. Стены оказались очень толстыми; она насчитала три сторожевые башни, а ворота были такими крепкими, что даже пушечное ядро вряд ли могло их разбить.

Теперь, когда они достигли места назначения, Каро внезапно успокоилась, гонимая вперед правотой их цели. Она по-прежнему сгорала от нетерпения, но одновременно была и сосредоточенна, как никогда раньше. В этой крепости томилась Изабелла. И Каро никогда не сдастся, пока не спасет подругу.

Она вспомнила, как Макс однажды объяснял, почему продолжал сражаться против Наполеона, даже потеряв лучшего друга. Потому что он намеревался победить французов или умереть. Что же, ему придется понять, что она испытывает

те же чувства, когда речь идет об этом задании. Она победит или умрет.

И когда он оглянулся на Каро, она не мигая встретила его взгляд. Этот взгляд сжигал ее, но она отказывалась опустить глаза.

Торн вдруг прервал напряженное молчание и, ухмыльнувшись, объявил:

– Подтянитесь, друзья мои! Именно здесь мы отработаем наше жалкое жалованье!

«Хранители» перевели дыхание и подстегнули коней.

Они едва проехали полпути, когда из ворот вырвалась орда берберов в черных бурнусах и тюрбанах и, размахивая саблями и винтовками, ринулась к ним. Каро чуть сжалась от страха, стараясь вспомнить, что рассказывал Хок о свирепых воинах, населявших эти горы. Берберы жили здесь много веков, прежде чем завоеватели-арабы прошли вихрем по Северной Африке, и были известны беззаветным мужеством, честностью, гостеприимством и порядочностью.

Однако в эту минуту они не выглядели ни гостеприимными, ни хотя бы цивилизованными, особенно с этими острыми кривыми саблями и длинными старинными винтовками. Оставалось только восхищаться хладнокровием Макса, спокойно сидевшего на коне перед лицом наступающего противника.

Один из всадников вырвался вперед и приблизился к Максусу. Как и остальные воины, он был высок, мускулист и

строен, со светлой кожей и волосами и гордыми, благородными чертами лица. В менее опасных обстоятельствах Каро могла бы даже посчитать его красивым.

– Приветствую вас, господин мой Сафул, – с коротким поклоном сказал по-французски Макс.

Берберский вождь ответил на том же языке, хотя не столь бегло:

– Откуда вам известно мое имя?

– Ваше имя известно и за пределами Берберии, господин. Вы Сафул иль-Таиб, вождь племени бени-аббес. Я приехал издалека, чтобы найти вас.

– С какой целью?

– Я надеялся, что вы будете так добры исполнить мою просьбу.

Макс выдал себя и мистера Райдера за путешественников, собравшихся поохотиться на знаменитых берберских львов.

– Может, вы позволите нам раскинуть лагерь на вашей земле хотя бы на эту ночь? Мы прошли долгий путь.

– Разумеется, – великодушно кивнул Сафул. – Все вы мои гости.

– О, совсем не обязательно, – покачал головой Макс, – принимать всех моих людей. Я возьму с собой только личных слуг.

Он знаком велел Каро и Сантосу подойти ближе.

– Если кто-то покажет остальным моим людям, где раскинуть шатры...

Пока Сафул отдавал приказания своим воинам, Каро оглядывала местность, в полной уверенности, что первое препятствие преодолено.

Берберский вождь повернул коня и повел их в крепость. Макс и Райдер ехали рядом, а Каро и Верра следовали за ними на расстоянии. Когда они въехали в огромные ворота, на душе Каро стало чуть легче. Второе препятствие взято.

Как все иностранцы, они стали объектами пристального внимания собравшейся толпы. Десятки любопытных взглядов наблюдали их продвижение по городу. Каро старалась не выказывать своего любопытства, но украдкой поглядывала по сторонам, запоминая маршрут завтрашнего отхода на случай погони. И все же она невольно замечала открытые, дружеские улыбки женщин. Все были одеты в красочные аба, подпоясанные на талии; сверкали бесчисленные серебряные цепочки и браслеты. Берберские женщины в отличие от арабских и турецких не прятались под чадру, и Каро могла ясно видеть сложные татуировки на смуглых лицах.

Дом Сафула был выстроен из обожженной глины и обтесанного камня и был довольно большим. Верра остался у входа присмотреть за лошадьми, а Макс, Райдер и Каро тем временем последовали за Сафулом через арочный портал в комнату, где вождь, очевидно, принимал гостей и просителей. Обстановка была самой роскошной: толстые ковры, яркие подушки и несколько маленьких низких столиков, на которых горели светильники, заправленные оливковым мас-

лом. По углам стояли угольные жаровни.

Сафул отдал слуге саблю, но Каро заметила у него на поясе кривой клинок. Когда он пригласил гостей садиться, Каро опустилась на подушку за спиной Макса.

Вскоре им подали маленькие стаканчики с мятным чаем, который она нашла горячим, сладким и очень вкусным.

Несколько минут мужчины вежливо беседовали. На учтивые расспросы Сафула Макс ответил придуманной историей о недавних путешествиях. И когда хозяин осторожно спросил о причине их приезда, Макс объяснил, что желает поохотиться и просит дать проводника, чтобы помочь найти места обитания львов. Тут в разговор вмешался Райдер, описавший новую марку винтовок, которые они привезли с собой для охоты.

– Хотите посмотреть? – спросил Макс.

– Разумеется.

– Если позволите, господин, – предложил Райдер, – я немедленно возьму винтовку из седельного чехла и принесу.

Он оставил общество и вернулся через несколько минут. Сафул стал с большим интересом рассматривать новое оружие. Показав его своим воинам, он поднял глаза.

– Я хотел бы выстрелить из этой винтовки, чтобы проверить точность прицела.

– Конечно, – кивнул Макс, – но ночь уже настала. Не предпочтете ли подождать до утра, когда сможете увидеть мишень.

– Это совершенно ни к чему. Поразить мишень в темноте – самое лучшее испытание.

К удивлению Каро, все мужчины вышли из комнаты, оставив ее наедине со служанками.

Мужчины отсутствовали почти полчаса, что весьма встревожило Каро. Однако, когда они вернулись, по выражению лиц берберов она поняла, что испытание прошло успешно. Снова рассевшись, они принялись торговаться о стоимости услуг проводника. Каро едва могла усидеть на месте: ей не терпелось поскорее найти Изабеллу.

Наконец Макс и хозяин сговорились на пятнадцати винтовках, и Сафул, казалось, совершенно довольный, вспомнил свой долг перед гостями.

– Наверное, вы хотите удалиться в свои покои, чтобы немного освежиться перед ужином?

– Было бы неплохо смыть дорожную пыль, – кивнул Макс и повелительным жестом показал на Каро: – Может, вы сумеете дать приют и моей рабыне?

Каро ощутила оценивающий взгляд Сафула, но продолжала держать глаза опущенными и ничем не давала знать, что понимает, о чем идет речь.

– Она почти не знает французского, – добавил Макс. – Только португальский.

– Мои служанки проводят ее на женскую половину, – пообещал Сафул, повелительно поднимая руку. К нему немедленно подошла пожилая женщина.

– Но я хочу, чтобы позже ее проводили в мою комнату, – небрежно бросил Макс. – Надеюсь, вы понимаете.

На этот раз взгляд Сафула похотливо блеснул.

– Она необыкновенно красива. Может, вы согласитесь продать ее?

Каро потребовалась вся сила воли, чтобы не выказать растерянности. Очень немногие мужчины считали ее красивой, и, уж конечно, ни один не предлагал ее купить. Возможно, Сафул посчитал ее привлекательной из-за басмы, которой она выкрасила ресницы и брови, и румян на губах и щеках.

– Сомневаюсь, что она угодит вам, господин, – усмехнулся Макс. – Ей еще долго нужно учиться покорности, а язык ее жалит как змея.

– В таком случае вам непременно-нужно продать ее. Люблю женщин с характером и ценю именно те качества, которые вам не по душе.

– К сожалению, эта женщина – не для продажи. Думаю, что и у вас есть женщины, с которыми вам не хочется расставаться.

Сафул, слегка улыбнувшись, согласно кивнул.

Макс произнес несколько слов по-португальски и велел Каро следовать за старухой. Поднимаясь с подушек, она услышала очередной вопрос Макса:

– Будет ли мне позволено спросить, господин мой, откуда вы так хорошо знаете французский?

Каро успела заметить широкую, почти плотоядную улыбку

ку Сафула.

– Много лет я наслаждался приятными услугами французской наложницы. . .

С трудом подавив раздражение на Макса, Каро пошла за старухой, и с каждым шагом в ней крепла надежда. Если повезет, она вскоре увидит Изабеллу.

Женская половина находилась в глубине дома, и Каро, еще до того как войти в большое общее помещение, издали услышала звонкий женский смех.

Она сразу заметила свою подругу: лежа на диване, она тихим, мелодичным голосом наставляла по-французски группу молодых берберских женщин, рассеявшихся вокруг нее на подушках.

Похоже, Изабелла, как всегда, правила бал, что было совсем неудивительно, поскольку она обладала необычайным обаянием, как магнитом притягивавшим людей, особенно мужчин. Полуиспанка-полуангличанка, Изабелла была знойной красавицей со смоляными волосами и черными сверкающими глазами. Несмотря на то что ей давно перевалило за сорок, выглядела она необычайно молодо. Очевидно, присущие ей жизнерадостность и легкий характер вкупе с поразительной прелестью черт и изящной фигурой не давали ей стареть.

Ничего не скажешь, если берберский вождь любит непокорных женщин, значит, ни за что не расстанется с Изабеллой.

Каро на секунду остановилась, упиваясь видом любимой подруги. Как ей ни хотелось подбежать к ней, обнять, следовало помнить об осторожности.

Как раз в этот момент Изабелла подняла глаза и вздрогнула, заметив Каро. Нужно сказать, что держалась она с изумительной стойкостью и как ни в чем не бывало продолжала свой рассказ, вызывая дружный смех женщин.

Каро с трудом отвела взгляд и последовала за служанкой в маленькую каморку, где умылась и привела себя в порядок, после чего с достойным всяческих похвал терпением выждала несколько бесконечных минут, прежде чем вернуться в общую комнату, где ее повели в угол и знаками велели сесть.

Каро послушно устроилась на подушках и приняла чашу с фруктовым соком, но при этом так волновалась, что даже не различила вкуса. Она медленно прихлебывала питье, приговариваясь, что любит маленький фонтаном в центре комнаты. Немного погодя Изабелла грациозно поднялась, подошла к ней и, усевшись рядом, предложила Каро деревянную миску с инжиром, апельсинами и финиками. Каро вежливо кивнула и, очистив апельсин, попыталась проглотить дольку в ожидании, пока подруга заговорит первой.

– Безопаснее всего объясняться на испанском, – прошептала Изабелла, так что ее нельзя было расслышать за журчанием воды и болтовней женщин. – Кое-кто немного знает французский, и я развлекалась, обучая их.

– Они ничего не заподозрят, если увидят, что ты разгова-

риваешь со мной?

– Нет. Все знают, как жадно я жду новостей из большого мира, и не посчитают странным, что я расспрашиваю тебя. У нас есть несколько минут наедине.

– Не представляешь, как я волновалась, – выдохнула Каро. – У тебя все хорошо?

– Еще как представляю, любовь моя, – задорно усмехнулась Изабелла, – потому что испытывала бы то же самое, случись такое с тобой. Возможно, теперь ты поймешь, как я страдаю каждый раз, когда ты отправляешься на очередное задание.

Каро не сочла нужным возразить, что это не одно и то же.

– Ты хорошо выглядишь, Изабелла. Как с тобой обращались?

– Прекрасно. Мне поклонялись, как принцессе, хотя и пленной. Я в превосходном здравии и сравнительно неплохом настроении, поскольку ни разу не усомнилась, что «хранители» придут за мной. Мало того, я решила воспользоваться случаем и считать свою неволю чем-то... вроде очередного приключения.

– А твой высокородный тюремщик, вождь Сафул?

– К счастью, он великодушен и добр, – загадочно усмехнулась Изабелла. – Не говоря уже о том, что любовник он изумительный. Должна признаться, что этой стороной своего заключения я насладилась в полной мере. И если бы мы встретились при других обстоятельствах, если бы наши куль-

туры не были столь различны, я, может, и решилась бы выйти замуж в четвертый раз.

Каро мгновенно нахмурилась. Но глаза Изабеллы лукаво смеялись.

– Увы, у Сафула уже имеются две жены, а я не склонна делить своего мужчину с кем-то еще. Эти дамы, вне всякого сомнения, будут на седьмом небе, узнав о моем исчезновении. Насколько я поняла, вы здесь, чтобы меня спасти?

Настала очередь Каро улыбнуться.

– Надеюсь, ты не вообразила, будто мы прошли весь этот путь только затем, чтобы поохотиться? – фыркнула она, после чего наскоро изложила Изабелле их план. Часа в четыре утра они спокойно выскользнут из дома, чтобы избежать встречи с ранними пташками. Скроются на конюшне и будут ждать. За полчаса до рассвета должен раздаться взрыв, и тогда следует как можно скорее бежать к воротам. Солнце еще не успеет взойти, так что будет довольно темно, но к тому времени, как они доберутся до горного перевала, уже рассветет, и тогда можно будет идти дальше. Каро объяснила, что пробираться по столь предательской местности в темноте равно самоубийству.

К облегчению Каро, Изабелла не увидела никаких препятствий к осуществлению плана.

– А господин Сафул? – спросила Каро. – Есть ли шанс, что тебя сегодня позовут к нему в комнаты?

– Нет, пока у меня месячные. И даже если это случится, я

все-таки обладаю немалой способностью убеждения. И вполне смогу вернуться к назначенному времени. – Она поджала губы и со вздохом заметила: – Честно говоря, мне будет не хватать Сафула. Возможно, я напишу ему записку и приглашу навестить меня на Кирене. Пусть прочтает после моего побега.

Каро с веселой иронией покачала головой. Впрочем, берберский вождь вполне способен отправиться на Кирене за сбежавшей пленницей. Но сейчас ее больше волновали ближайшие двенадцать часов.

Они с Изабеллой обсудили детали более подробно, после чего Каро добавила:

– Надо, чтобы мои вещи принесли сюда. Там лежат все необходимые костюмы.

– Я позабочусь об этом, – заверила Изабелла. – У меня есть своя комната, и я потребую, чтобы тебя привели туда составить мне компанию. Кроме того, нужно хорошенько поесть на дорогу: мы должны без особого труда выдержать короткое путешествие по горам, тем более что неизвестно, когда нам в следующий раз удастся поесть как следует.

На этот раз Каро не выдержала и рассмеялась. Учитывая здоровый аппетит Изабеллы, чудо, что она до сих пор не походит на пухленькую курочку. Однако следующее замечание Беллы едва не заставило ее подавиться.

– А теперь расскажи мне о мистере Лейтоне, любовь моя, – внезапно выпалила она. Под проницательным взгля-

дом подруги лицо Каро побагровело. Пришлось срочно осушить чашу, чтобы скрыть досаду. Очевидно, ее чувства к Максу были чересчур прозрачны.

– Тут нечего говорить, – солгала она. – Он просто близкий друг Торна и был приглашен стать постоянным членом ордена.

– Прекрасно, не буду допытываться, – хмыкнула Изабелла. – И мне очень хотелось бы познакомиться с этим человеком, способным заставить тебя краснеть, словно застенчивую девственницу.

На этот раз Каро действительно подавилась и долго надсадно кашляла.

Последние три дня были настоящим адом, заключил Макс, вертя в руках чашечку с крепким черным кофе, поданным в заключение ужина. И все же старался не слишком хмуриться чтобы не оскорбить хозяина.

Ужин был разнообразным и очень вкусным. Сначала подали густую чечевичную похлебку. За ней последовали жареные голуби с рисом, жареные, начиненные оливками цыплята, сочный пирог с мясом и, как обычно, кускус. Десертом служили ячменные лепешки с медом.

К счастью, Райдер старательно занимал беседой вождя. Макс был способен думать только о том, нашла ли Каро леди Изабеллу и удастся ли их план.

Если быть честным до конца, он вообще не мог думать ни о чем, кроме Каро. Она наполняла его мысли с самой мину-

ты отплытия. Какая это пытка – быть рядом с ней и не иметь возможности прикоснуться! Он сгорал от желания и тосковал по сладости ее улыбки.

Ее отчуждение, разумеется, понятно. Он заслужил и ее разочарование, и гнев, позволив самым мрачным страхам управлять собой. Но что он мог поделать? Прошлой ночью ему приснился тот же кошмар, в котором Каро, пытавшуюся его спасти, безжалостно убивали. Он отчаянно прижимал к себе ее окровавленное тело, умоляя не умирать, не покидать его. А она все холодела... Тяжелая скорбь навалилась на него вместе с всепобеждающей яростью. Макс откинул голову и пронзительно завыл, смаргивая обжигающие слезы.

И сейчас, вспоминая зловещее видение, Макс покрывался холодным потом. Он всего лишь хотел защитить Каро, убедить от беды. И вовсе не сомневался в ее храбрости, способностях или преданности. Он еще не встречал столь отважной, умной и благородной женщины. Но управлять судьбой ей не по силам.

Да и ему тоже. Он сделает все возможное, чтобы их план удался, чтобы его кошмар никогда не стал явью. Но как бы он ни клялся защищать Каро, все же не мог гарантировать ее безопасность. Каро могут ранить или даже убить, и мысль об этом разрывала его сердце.

Даже сейчас его нервы были натянуты, как корабельные канаты. И все же Макс знал, что перешел все границы. Он не имел права просить ее оставить в беде лучшую подругу.

И теперь обязан извиниться перед Каро за то, что попросил ее остаться с Хоком, хотя вряд ли она выслушает его.

Макс до боли стиснул зубы. Хуже всего, что в глубине души он знал: Каро права. Бывают минуты, когда случается рисковать, как бы высока ни была цена. Но ему придется напоминать себе об этом, пока все не закончится и Каро не окажется в безопасности.

Более того, для того чтобы сегодня все прошло как по маслу, он обязан сыграть свою роль до конца.

Вынуждая себя прислушиваться к разговору с хозяином, Макс с трудом сдерживался, чтобы не взглянуть на карманные часы. И все же он считал минуты до того мгновения, как сможет удалиться к себе и приказать привести Каро.

Глава 16

Было уже совсем поздно, когда ужин закончился и слуга проводил гостей в их покои. Проходя по тихим темным коридорам, Макс заключил, что почти все в доме уже спят и это придется очень кстати, когда настанет пора побега.

В комнате Макса уже сидел Сантос Верра, делавший вид, что явился выполнять обязанности камердинера. Райдер, заглянув в свою комнату, вернулся к ним.

– Эта дверь, – пробормотал Верра, показывая на дальнюю стену, – ведет во внешний двор.

Макс и Райдер вышли наружу, заявив, что хотят выкурить по сигаре, на самом же деле – оценить высоту стен и проверить, насколько легко можно перебраться на другую сторону, после чего вернулись и стали ожидать Каро.

Она появилась только через полчаса. Глаза девушки сияли. Без слов было ясно, что она видела Изабеллу. И что новости – лучше некуда.

Верра расплылся в широкой улыбке.

– Сеньора здорова?

– Да, – облегченно улыбнулась Каро, – и ей не терпится поскорее выпорхнуть на свободу.

Понизив голос, чтобы ничьи любопытные уши их не подслушали, Каро изложила подробности встречи и заявила, что Изабелла уверена в полном успехе.

– Тогда все идет по плану, – кивнул Макс. – Сантос, в конюшнях все готово?

– Да. Порох хранится там в ожидании Райдера. А я буду спать вместе с лошадьми, пока не настанет время их одурманить.

– Кажется, Сафул нас не подозревает, – добавил Райдер. – Лейтон очаровал нашего хозяина настолько, что тот забыл об осторожности.

Макс мог бы опровергнуть последнее замечание, возражив, что именно Алекс нес на себе бремя всей беседы с вождем, но просто сказал:

– Хорошо, что догадались захватить винтовки самой новейшей марки. Райдер и Верра, вы оба знаете, что делать?

– Разумеется.

Они сверили время по часам, и немного погодя Райдер и Верра ушли.

Когда за ними закрылась дверь, Макс подступил к Каро, неотрывно глядя ей в глаза. Они впервые остались наедине с той ночи, когда так жестоко поссорились.

Должно быть, она ничуть не смягчилась, потому что лицо мгновенно стало холодным и замкнутым.

– Я счастлив, что леди Изабелла здорова, – пробормотал он в тишине комнаты.

– Я тоже. Скорее бы закончилась эта ночь.

И, словно ей не терпелось поскорее избавиться от Макса, Каро шагнула к выходу. Она уже положила ладонь на ручку

двери, когда он снова заговорил:

– Тебе пока нельзя уходить.

Каро замерла, но не обернулась.

– Почему это? – вызывающе выпалила она.

– Потому что это может возбудить подозрения Сафула.

Если мы хотим довести игру до конца, ты должна пробыть со мной несколько часов. Он считает, что я пожелал наслаждаться своей наложницей, а на это нужно время.

Каро расправила плечи, выпрямилась и сухо обронила:

– Хорошо. Я остаюсь.

Не глядя на Макса, она принялась бродить по комнате. Время от времени до него доносился звон изысканных золотых и серебряных украшений на ее шее и запястьях.

Макс подошел к низкому столику и налил себе чашу инжирной водки.

– Я хотел бы также, чтобы ты держалась поближе ко мне, ради тебя же самой, – небрежно добавил он. – Слишком похотливо поглядывал на тебя Сафул, и я боюсь, что он вполне может воспользоваться правом хозяина и потребовать наложницу себе.

Каро приостановилась и бросила на него подозрительный взгляд.

– Нужно отдать должное Сафулу, у него превосходный вкус в отношении женщин, – добавил Макс.

– Мне ни к чему твои пустые комплименты.

– О нет, они вовсе не пустые, моя прелестная ведьмочка.

Твою таинственную притягательность, способен по достоинству оценить любой здоровый мужчина с горячей кровью. Поверь мне, Сафул хочет тебя.

Каро презрительно качнула головой и снова принялась метаться по комнате. Но Макс хорошо помнил, какими плотоядными глазами оглядывал ее берберский вождь. Жажда обладания терзала его: первобытный мужской инстинкт, побуждающий самца драться за самку, безумная потребность поставить на ней свое тавро.

– Я еще не успел извиниться за прошлую ночь, – выдавил он, наконец.

Она уничтожила его взглядом.

– Значит, ты признаешь, что был не прав, когда просил меня предать свою подругу.

– Вряд ли такой уж грех – волноваться за тебя.

– Грех, когда при этом приходится жертвовать своими принципами, – объявила Каро.

Макс сдержал невольную улыбку.

– Верно. Но чем я могу загладить свою вину? Как добиться, чтобы ты меня простила?

– Освобождение Изабеллы, – отрезала она. – И неподдельная искренность с твоей стороны. Ты, похоже, ничуть не раскаиваешься.

На самом деле он раскаивался, а вот она вовсе не намеревалась смягчиться.

Он глотнул спиртного, не переставая наблюдать ее хаоти-

ческие метания по комнате, отмечая, как грациозно колыхнутся ее бедра под свободным одеянием. И почувствовал, как твердеет плоть.

– Намереваешься всю ночь бегать по комнате?

– Да. Вряд ли я смогу уснуть.

– Кто говорит о сне? Я знаю куда более приятный способ провести время, – заверил он, многозначительно поглядывая на кровать. Обычно арабы спали на циновках из крашеного тростника, покрытых коврами, но эта кровать была типично берберской: высотой около двух футов, сплетенная из канатов и накрытая шелковыми покрывалами и яркими шелковыми подушками.

– Ты это серьезно? – язвительно осведомилась Каро.

– Абсолютно. Ждать придется долго. А мои ласки отвлекут тебя от тревожных мыслей.

– Заверяю, что не нуждаюсь в развлечениях.

– Возможно, нуждаюсь я.

– В данный момент твои желания и нужды меня совершенно не интересуют.

Макс ответил медленной дразнящей улыбкой.

– Но я твой господин и повелитель. Или ты забыла? Тебя привели сюда, чтобы улаживать меня. Думаю, прежде всего ты должна меня раздеть.

Каро ответила презрительным взглядом.

– Ты вполне способен раздеться сам.

– Но это будет далеко не так приятно.

В ее глазах полыхнуло пламя. Макс вспомнил, как Сафул сказал, что предпочитает пылких любовниц. И теперь, когда ее глаза буквально метали искры, он ощутил, как растет его желание и тяжелеют чресла.

Однако Каро, отказываясь поддаться на его уловки, подошла к окну, открыла ставню и выглянула в темный двор.

Ее пренебрежение было откровенным вызовом, пославшим по телу Макса огненное вожделение.

Он хотел ее. Хотел затеряться в ее неистовой сладости, во вкусе и запахе, в ощущении ее кожи. Хотел, чтобы она вздрагивала, сжимая его затвердевшую плоть, хотел чувствовать конвульсии ее экстаза, когда он взорвется в ней.

Но сильнее всего он хотел той физической близости, которую может дать только страсть. Ласкать Каро, глубоко вонзаться, соединяться с ней самым интимным из возможных способов, заверить ее, что она тепла, жива и в безопасности. И вероятно, их слияние даже позволит ему забыть тревожное осознание того, что эта ночь может стать последней.

Макс спокойно обошел комнату, туша масляные светильники, пока не остался один, отбрасывавший приглушенный золотистый свет. Сел на кровать, чтобы снять сапоги, тут же встал и сбросил одежду. Судя по напрягшейся спине, Каро прекрасно знала, что он делает.

Он подошел к ней.

Она не шевелилась, пока он закрывал ставню, отсекая приток холодного ночного воздуха. Теперь они одни. Совсем

одни. И никто им не помешает. И когда он прижался губами к ее волосам, она оцепенела. Но Макс обнял ее за талию, притянул к себе и сжал теплые холмики под шелковой тканью. Когда он нашел тугие камешки ее сосков, золотые марокканские украшения, задетые его пальцем, зазвенели.

– Мы так давно не были вместе, ангел, – хрипло пробормотал он.

Каро вздрогнула, и он понял, что она испытывает то же иступленное желание, которое уже давно терзало его.

– Тосковала ли ты по мне так же сильно, как я – по тебе.

– Н-нет, вовсе нет, – не слишком убедительно выдавила она.

– Почему же ты так тяжело дышишь? Почему твои соски так тверды и остры?

Она не ответила.

– Думаю, ты хочешь этого не меньше меня.

– Макс...

– Я знаю твоё тело, Каро. Знаю, как свести тебя с ума.

Он медленно поднял подол ее одеяния до бедер, обнажая мягкие изгибы ягодиц, и прижался к ним напряженным фаллосом, давая ей ощутить его яростное возбуждение. Каро задохнулась – очевидное доказательство ее желания.

Он продолжал говорить, тихо, гортанно, прижимая свое тяжелое копьё к ложбинке между ее ягодицами.

– Позволь свести тебя с ума, милая. Позволь ласкать тебя языком, руками, моим жаром. Я покрою поцелуями твою

преlestную шелковистую кожу, заставлю тебя гореть от одного прикосновения...

Искры раскаленного желания пролетели между ними, когда Макс стал гладить темные локоны, венчающие ее бедра, заставляя Каро инстинктивно выгнуться и положить голову ему на плечо. Она искренне пыталась противиться ему, но тихий стон говорил яснее всяких слов, что она уступит.

Держа одну руку между ее бедер, он повернул ее спиной к стене. Каро смотрела на него, нервно облизывая губы. Жест был настолько эротичным, что он невольно вспомнил, как эти самые сочные губы ласкают его, берут его жадную плоть, сосут и возбуждают, как Макс ее учил.

Голод, неутоленный и примитивный, терзал обоих. Но наряду с голодом он ощущал настоящую потребность подарить ей наслаждение, овладеть, доставить радость. Так, чтобы она извивалась под ним, страстно моля о том, что ему не терпелось ей дать.

И Макса обуяло такое желание, что он боялся взорваться от одного прикосновения к ней. И все же вынудил себя не торопиться. Когда он закончит возбуждать Каро, она сама будет молить наполнить ее.

Он поймал одно из ожерелий, которые она носила, – нить резных серебряных шариков, и, к очевидному удивлению Каро, поспешно его снял. Подняв ее одеяния еще выше, чтобы обнажить трепещущий белый живот, он провел нитью шариков по ее коже, между бедрами и услышал сдавленный

крик Каро.

Но Макс встал на одно колено, вдыхая ее запах, чувствуя, как пульсируют чресла, возбужденный эротическим зрелищем: сверкающие серебряные шарики, спрятавшиеся в завитках ее женственности, касающиеся влажных розовых лепестков ее лона.

Легко лаская эти лепестки, он шепотом попросил ее раздвинуть ноги. Ее тело, спелое и совершенное, открылось его жаркому взгляду. Не отрывая глаз, он медленно провел ожерельем по впадинке между лепестками, заставив ее вздрогнуть.

– Не смей шевелиться, – велел он, снова проводя ожерельем по разгоряченной плоти.

Она дернулась от прохладного скользящего поцелуя бусин.

– Я велел тебе стоять смирно, – рассердился Макс.

– Не знаю... смогу ли.

– Ты должна. Сначала я ублажу тебя, а потом войду глубже глубокого и услышу твои стоны.

Его чувственное предупреждение окатило Каро волной желания, отозвавшегося пульсацией между ног.

Ей хотелось протестовать, но не было ни сил, ни желания оттолкнуть его. Каждый нерв в ее теле был сосредоточен на чарующем скольжении серебряных бусин, дразнящих и возбуждающих ее. Внизу живота копилась знакомая сладостная тяжесть.

Когда Макс помедлил, чтобы навить на пальцы конец ожерелья, она удивленно взглянула на него, не понимая, что он задумал. И очнулась, только когда большая резная бусина скользнула между створками розовой раковины. Ее словно молнией пронзило.

Каро охнула.

– Что ты делаешь? – выдохнула она.

– Удовлетворю твое страстное желание чувственного блаженства.

За первой бусиной последовала вторая, утонувшая в скользких глубинах.

– Нет у меня никаких желаний, – солгала она.

– Будут. Обязательно. Даю тебе в этом слово.

Каро не могла отрицать правдивость его предсказания. Пульсация между ног становилась все сильнее. Воспламенная, теряющая голову, она и не думала сопротивляться. И когда Макс преспокойно протолкнул в ее лоно еще несколько бусин, она вздрогнула от шокирующего восторга.

– И как тебе это? – дерзко поинтересовался он.

Но она была слишком возбуждена, чтобы ответить. Чувствовала, как холодный металл постепенно согревается в теле, как внутренние мышцы беспомощно сжимаются вокруг серебряных шариков, заключенных в ней. Потом Макс мягко, безжалостно, медленно заставил ее вобрать еще несколько дюймов ожерелья, пока не достиг конца.

Каро пыталась оставаться неподвижной, ибо малейшее

движение будоражило спрятанные шарики, но ничего не могла с собой поделаться.

– Что я приказывал? – процедил Макс, когда ее бедра дернулись. – Ты должна повиноваться мне, иначе твое желание так и останется неудовлетворенным.

Каро, стиснув зубы, прислонилась к стене и оперлась на нее ладонями. Какое счастье, что ей есть за что держаться! Потому что Макс так же медленно стал вытаскивать нить, вытягивая по одной бусине.

Ее трясло от возбуждения. Каждая интимная ласка лишала разума.

– Ты вся горишь, верно? – издевался Макс. – Но я могу сделать так, что ты запыхаешься.

Она уже пылала. Умопомрачительное возбуждение овладело ею, заставляя таять, слабеть, шататься на подгибающихся ногах.

– Ты кажешься расстроенной, ангел мой. Думаю, ты нуждаешься в утешении.

Каро на мгновение подумала, что он решил пожалеть ее. Но Макс подался вперед, и жар его дыхания опалил ее. Каро дрожала от дерзкой близости.

С бесконечной нежностью он провел языком по набухшей изюминке ее желания и вытащил очередную бусину.

Пытка была поистине сладостной. Медленное скольжение ожерелья по влажной чувствительной плоти. Ласки его губ, вбирающих набухший бутон. Неторопливое поглаживание

языком. Ощущение было ошеломляющим.

Еще секунда – и она окончательно потеряла разум. Слишком слабая, чтобы устоять на ногах, Каро беспомощно схватилась за плечи Макса, продолжавшего ласкать ее губами и языком. Эти губы обожгли ее, когда еще одна бусина выскользнула наружу. Каро что-то несвязно бормотала, запустив пальцы в волнистую густоту его черных волос, подавшись вперед, чтобы встретить его жадный рот.

В голове не осталось ни единой мысли. Он играл на ней, как на музыкальном инструменте, точно зная, где коснуться, где надавить, чтобы заставить ее жаждать большего, умирать от желания. Язык продолжал обводить крошечный бугорок, а бусины все падали, падали...

Теряя сознание от накатывающего наслаждения, Каро выгнула шею.

– Ты готова взлететь в небеса, верно? Но она уже не могла ответить.

– Я спрашиваю, ты готова, милая?

Он снова поцеловал ее, продолжая сосать набухший измятый бутон.

– Судя по голосу, готова, и давно.

Она была готова. И больше не могла вынести кинжальных ударов наслаждения. Фонтаны огня летели с его губ в ее плоть, вызывая жалобные крики. Она взорвалась мгновение спустя, содрогаясь и извиваясь под его бурными ласками, и, окончательно ослабев, обмякла.

Но Макс и не думал ее отпускать. Он по-прежнему посаживал бугорок, где сосредоточились все ее желания, хотя она тряслась как в лихорадке, едва не ударяясь о стену. Высосал из ее плоти последнюю унцию страсти и вытянул последние шарики из потаенной пещерки...

И в этот момент новая волна экстаза сотрясла ее, настолько бурная и мощная, настолько долгая, что Каро закричала. И целую вечность не могла отдышаться. Не могла прийти в себя.

Все еще тяжело дыша, она взглянула на Макса. Его глаза свирепо сверкали, влажные губы изогнулись в довольной улыбке.

Он в последний раз прижался поцелуем к ее трепещущей плоти, прежде чем подняться. И к ее невероятному изумлению, повернулся и спокойно отошел, помахивая ожерельем.

Все еще ошеломленная, Каро наблюдала игру мускулов на его голой загорелой спине, размеренные движения упругих ягодиц...

Усевшись на край кровати, Макс неожиданно повесил ожерелье на свою вздыбленную плоть, откинулся назад, оперся на локти и стал ждать: голый, абсолютно мужественный, бесконечно чувственный.

– Теперь твоя очередь меня ублажать, – свысока объявил он. – Раздевайся. Я хочу видеть тебя голой.

Каро возмутил его надменный тон. Даже если он намеренно дразнит ее игрой в хозяина и невольницу, чтобы отвлечь,

она не собирается изображать его рабыню.

– Я не стану повиноваться тебе.

– Еще как станешь!

– Почему ты так в этом уверен?

– Потому что хочешь ощутить меня в себе. И найдешь моего петушка куда более приятным, чем бездушное серебряное ожерелье.

Ничего не скажешь, тут он прав.

Но Каро все же не двинулась с места. Синие глаза зловеще потемнели.

– Я жду.

Каро мигом ослабела. И совершенно не важно, что она все еще не простила Макса. Что он прекрасно сознает, какую власть заполучил над ней. Сознает свое смертоносное обаяние, которым, как оружием, может легко разрушить ее оборону. Одного такого взгляда было достаточно, чтобы ее сопротивление дрогнуло. Недаром его глаза так жарко горели, словно сжигая плоть, все еще прикрытую одеждой.

– Это так ты понимаешь истинную покорность? – требовательно спросил он. – Ты – моя рабыня. И твой долг – исполнять все прихоти господина.

Его высокомерие донельзя раздражало ее, и Каро едва не велела ему убираться ко всем чертям. Но в крови уже растекалось томительное желание, и сопротивляться не было сил. Откровенно говоря, Каро и не желала встретить рассвет, не познав напоследок страсти Макса. Хотя бы ненадолго при-

твориться, будто опасности не существует... Заставить его забыть все кошмары. Отринуть собственный страх неудачи.

Когда она стала медленно раздеваться, его губы искривились в довольной, но сардонической усмешке. Рад, что она капитулировала?

Каро стиснула зубы, молча клянясь отомстить.

И поэтому ее движения стали еще медленнее.

Одеяния упали на пол, но она оставила все свои ожерелья, понимая, как чувственно выглядят золото и серебро на ее обнаженной груди. Глаза Макса блеснули, но лицо осталось бесстрастным.

– Подойди, – приказал он.

Она встала перед ним, многозначительно глядя вниз, на его восставшую плоть. Темный пульсирующий фаллос, восхитительно толстый и длинный, гордо покачивался в гнезде из темных завитков. Еще более эротичным было украшение: контраст изящных серебряных шариков и твердой мужской плоти только усилил голод, пожирающий ее внутренности.

– Ты хочешь меня, – спокойно, чуть насмешливо констатировал Макс.

Каро вздрогнула от ненасытного желания.

– Да.

– Что «да», рабыня?

– Да... хозяин.

– Прекрасно. Ты быстро учишься. А теперь покажи, как ты умеешь ублажить мужчину.

Он выпрямился и поставил ее между своих разведенных ног. Каро со свистом втянула в себя воздух, чувствуя, как его фаллос обжигает ее, словно раскаленным тавром.

Когда он снова стал ласкать ее груди, она остро ощутила, как твердеют и наливаются ищущие его прикосновений соски, как они пульсируют в его ладони.

Каро словно замороженная наблюдала за смуглыми руками, играющими со светлыми холмиками... но тут же, очнувшись, намеренно оттолкнула его.

– Ты приказал мне ублажить тебя, господин, – процедила она почти угрожающе.

– Так оно и есть, – небрежно бросил он. Но она видела, что он вовсе не так безразличен, как хочет показать. Недаром глаза его сверкали огненными сапфирами, а руки нервно сжимались в кулаки. Но он, не отрывая от нее взгляда, все же лег на подушки. Ее ожерелье по-прежнему сверкало на его чреслах.

Каро встала на колени рядом с ним и стала ласкать твердую, бархатисто-гладкую плоть его фаллоса. Он едва сдерживался, горя от нетерпения и желания, но Каро знала, что может возбудить Макса еще сильнее. И была исполнена решимости отомстить за все свои терзания той же пыткой.

С милой дразнящей улыбкой она принялась медленно ласкать внутренние поверхности его бедер. Ее пальцы внезапно скользнули под тяжелую мошонку, и она увидела, как его фаллос жадно дернулся. Капля прозрачной жидкости вы-

ступила на набухшей головке и медленно покати­лась вниз. Когда она легонько сжала двойной мешочек, Макс прерывисто вздохнул, но тут она захлестнула его плоть второй петлей ожерелья, и у него потемнело в глазах.

Изнемогая от возбуждения, она нагнулась над ним, лизнула кончик за­каменевшего фаллоса и обернула серебряную нить вокруг основания.

Макс снова задохнулся.

– Милосердный Боже, – прохрипел он запинаясь. Она хорошо представляла, что он сейчас испытывает, как изне­могает от невозможности взять ее: недаром она то усиливала, то ослабляла давление бусин на истомившуюся плоть.

Несколько долгих минут она продолжала истязать его, пока не услышала тихое рычание, вырвавшееся из горла Макса. И когда он оттолкнул ее, Каро изумленно вскинула брови.

– Не только ртом. Я хочу, чтобы ты воспламенилась не меньше, чем я. – И в ответ на недоуменный взгляд Макс по­гладил ее лоно. – Воспользуйся собственной влагой, чтобы я затвердел еще сильнее, – приказал он. – Ласкай себя. Ласкай свое лоно.

Каро повиновалась, чувствуя, что истекает любовными соками. Все ради него. Потому что она исстрадалась по этому человеку. Все тело покалывало, по спине бежал озноб. Сердце ударялось в ребра, кожа приобрела необычайную чувствительность, груди набухли и болели.

– А теперь коснись меня.

Его вкрадчивый голос ласкал ее и лишал желания мстить. Но, упорно сопротивляясь желанию, она позволила своим пальцам скользить вверх-вниз по великолепному фаллосу, пока его плоть не заблестела влагой.

Макс невольно выгнул спину, застонал и, словно не в силах дольше ждать, сорвал ожерелье и швырнул на пол.

– Сейчас, – выдавил он. – Оседлай меня. Несмотря на решимость помучить его, у нее не было сил отказаться. Под его взглядом она чувствовала себя восхитительно желанной.

Пойманная в сеть блестящих, восторженных глаз, она перекинула ногу через узкие бедра и опустилась на него, охнув от удовольствия, когда огромное твердое копье безжалостно скользнуло между шелковистыми стенками. После столь долгих мук удовольствие казалось ослепительным. Какое это счастье – чувствовать гигантский, твердый, раскаленный фаллос, наполняющий ее до отказа... и все же она нуждалась в большем. Хотела ощутить биение жизни, соединяющее их.

Намеренно отринув мысль о губках или о какой-либо преграде между ними, Каро сжала запястья Макса и подняла его руки над головой, прижав к подушке, а сама распласталась на нем. Украшения, ложась на его грудь, слабо позванивали.

Макс дал ей полную волю, и она наслаждалась своей властью. Однако прошло всего несколько минут, прежде чем он осознал перемену в Каро. Она больше не сопротивлялась ни ему, ни своим желаниям. Больше не терзала его. Ее прелест-

ное лицо было сосредоточенным и грустным. И с каждым вздохом, каждым движением бедер ее страсть становилась все более лихорадочной. Она двигалась все быстрее, с большим напряжением, в почти безумном ритме.

Подавшись вперед, она стала исступленно целовать его, и каким-то уголком затуманенного сознания Макс понял причину ее неистовства. Опасность, ожидавшая впереди, словно высвободила в ней то темное и примитивное, что таилось в душе, и теперь она выражала их соитием то, что никогда не позволила бы себе сказать вслух.

Она увлекла и его своим дикарским ритуалом, а когда задрожала в экстазе, эта дрожь передалась и Максу.

Всхлипнув, Каро откинула голову, и ее крик пронзил его душу. Уносимый штормом, Макс отчаянно цеплялся за нее, и его стоны вторили ее крикам, выражая смятение, владевшее телом и сердцем.

Наконец Каро устало обмякла на нем, окутав облаком своих волос. Макс лежал не шевелясь, ощущая судороги ее страсти и возбуждения и разрядки, смешанных с чем-то более глубоким. Страхом.

Пусть она не желает или не может признать это, но она боялась потерять его, возможно, так же сильно, как боялся он.

Придя наконец в себя, она крепче сжала руки и зарылась лицом в изгиб его шеи в безмолвной мольбе, ища утешения.

У Макса было тяжело на сердце от грустных предчув-

ствий. Он мечтал лишь об одном: чтобы ночь продолжалась вечно. Чтобы рассвет никогда не наступил и они сумели избежать опасности, которую несет завтрашний день. И все же оба помнили о безжалостной обязанности, выполнить которую их призывали честь и долг.

Глава 17

В половине четвертого, когда вокруг царила тишина, Каро оставила Макса и вернулась на женскую половину. Они еще дважды насладились любовными играми, прежде чем немного отдохнуть. Оба не спали. Просто лежали в объятиях друг друга, телом к телу, дыханием к дыханию, накапливая силы.

Каро понимала, что с ее стороны более чем постыдно искать наслаждения в ласках Макса при таких обстоятельствах, но угрызения совести почему-то ее не мучили. Она нуждалась в его страсти, в той храбрости, которой преисполнялась, находясь рядом с ним. Так легче встретить то, что ждет впереди.

Проходя через темный дом, она заметила только одного стражника, что несколько ее ободрило. На женской половине вообще не было ни души: очевидно, все давно спали.

Все, кроме Изабеллы. Подруга уже ждала ее. Каро прокралась в комнату. Обе молча оделись в черные бурнусы, тюрбаны, перетянули талии поясами, на которых висели кинжалы, зарядили пистолеты и выскользнули в коридор, где стоял Макс. Каро заметила, что он нагнулся над телом стражника. Изабелла споткнулась, потрясенно глядя на Макса.

Тот усадил стражника, прислонив к стене так, чтобы со стороны он казался спящим.

– Сюда, дамы, – тихо велел он. Изабелла без особых колебаний последовала за ним по лабиринту коридоров в его покои. Каро держалась сзади, оберегая подругу.

Через комнату Макса они вышли во двор. Луна почти зашла, и бледный свет в холодной ночи освещал каменную стену задней части дома.

Макс повел их к абрикосовому дереву, которое росло у ограды, и первой подсадил на ветки Каро.

Она поползла по самой крепкой ветке, затем на секунду повисла на руках и мягко спрыгнула на землю. Оглядевшись, она поняла, что находится в узком переулке, повернулась и подняла руки, чтобы помочь Изабелле. Вскоре та уже стояла рядом с подругой. Когда вслед за Изабеллой появился Макс, Каро наконец перевела дыхание.

Макс показал направо, сделал женщинам знак идти туда и сам быстро двинулся по темному переулку. Его спутницы старались не отставать.

Добравшись до места общей встречи, он поднял руку, молчаливо приказывая подождать, а сам открыл дверь и исчез в конюшне. Прошло несколько напряженных секунд, прежде чем Макс разрешил им войти. Сердце Каро куда-то покатилося, когда перед ней возникла темная тень. Рука сама собой потянулась к кинжалу. Но это оказался Сантос Верра. Она вовремя поняла это, когда тусклый луч света упал на его фигуру.

Сантос, прижав палец к губам, кивнул в сторону ближай-

шего угла, где на тюфяках крепко спали берберские конюхи. Каро молча подняла брови. Верра кивнул, признавая, что это он опоил конюхов, и с широкой улыбкой сжал тонкие руки Изабеллы, с поклоном поднеся их к губам. Дама поблагодарила его величавой улыбкой и нежно прижала ладонь к его загорелой щеке, выражая свою искреннюю благодарность.

– Теперь остается только ждать, – едва слышно выдохнул Макс.

Испанец показал им свободное стойло в центре, где предстояло прятаться, пока не настанет время уходить. Каро без особого удивления удостоверилась, что конюшни Сафула были так же великолепны, как дом. Берберы высоко ценили своих коней и баловали куда больше, чем собственных детей.

Почти все кони тихо похрапывали, кроме четырех, уже оседланных и приготовленных к поспешному отъезду.

Каро устроилась на охапке соломы рядом с Изабеллой и взяла ее за руку, хотя нуждалась в утешении не меньше подруги. Храп коней и берберов почти заглушал биение ее сердца.

Пришлось ждать не менее часа, прежде чем Верра принялся взнуздывать лошадей, после чего обернул их копыта тряпками, чтобы заглушить топот, так что им удалось почти бесшумно выехать из конюшни. Пока что все было тихо, но Макс на всякий случай вынул саблю из ножен.

И Верра, и Каро также вооружились саблями, поскольку в такой тесноте холодное оружие было удобнее и в отличие

от пистолетов или винтовок его не нужно было перезаряжать после каждого выстрела. Кроме того, сабли и кинжалы менее смертоносны, чем пистолет, а они не собирались убивать своих берберских хозяев, разве что их к этому вынудят.

Каро затаила дыхание, когда они проезжали по темным, тихим улицам. Но все было спокойно. Никто не поднимал тревогу, требуя преследовать похитителей. Когда Макс остановил коней в сотне ярдов от ворот, она не увидела часовых на стенах: возможно, о них уже позаботился Райдер. И огромное деревянное бревно-засов уже было снято, так что массивные ворота открылись от малейшего толчка.

Каро молча благословила Райдера за опытность и ловкость, и благословила еще раз, когда прогремел взрыв.

Испуганные громовым ударом, лошади заметались, и Изабелла с трудом удержала свою кобылку, которая явно собралась ринуться назад, в знакомое стойло. К счастью, Каро поймала поводья обезумевшего животного и сумела его остановить.

– Держитесь ближе, – велел Макс, въезжая в ворота. Каро пришпорила лошадь и потянула за собой кобылку Изабеллы. Макс поднял саблю над головой, на случай неожиданной встречи с врагом, и поскакал вперед. Каро, наскоро оглянувшись, заметила, что небо в южном направлении окрасилось в оранжевый цвет. На улицах тем временем поднялась суматоха.

Верра, замыкавший кавалькаду, повернулся, готовый обо-

роняться, пока дамы не смогут уехать. К этому времени Изабелла уже успела усмирить кобылу, и женщины поскакали за Максом.

За стенами крепости в тени их ожидала группа вооруженных всадников. Торн, ведущий в поводу лишнюю лошадь, выехал вперед:

– Добро пожаловать, миледи Изабелла. Как всегда, очень рад видеть вас.

Судя по веселым ноткам в голосе, Торн был в своей стихии. Правда, он тут же обернулся к Максусу, ожидая приказаний.

– Мы поедем вперед с леди Изабеллой, – подтвердил тот, – а вы пока подождете здесь Райдера.

– Прекрасно, – совершенно другим, серьезным тоном объявил Торн. – Постарайся благополучно вернуть леди Изабеллу друзьям.

Взгляды Макса и Каро скрестились. Он должен проводить Изабеллу в горы и при надобности защитить, если дело дойдет до настоящего боя. Но предпочел бы оборонять Каро до последней капли крови.

– Он так и сделает, – обронила Каро, однако он расслышал ее безмолвную мольбу так же ясно, как если бы она говорила вслух: «Я доверяю тебе жизнь Изабеллы. Поклянись честью доставить ее живой и здоровой, как доставил бы меня».

И Макс так же молча дал ей слово сделать все, что в его силах. Коротко кивнув, он подъехал к Изабелле. И в эту ми-

нуту из ворот вырвалась фигура в черном бурнусе и метнулась к неоседланной лошади. Только сейчас Макс сообразил, что перед ним Райдер. И что за ним гонятся.

Несколько берберов мчались за Райдером с поднятыми саблями, пытаясь его схватить. На них не было ни тюрбанов, ни сапог, но даже в ночных одеяниях они, похоже, были готовы сражаться не на жизнь, а на смерть.

В рассветном полумраке Макс показалось, что он узнал Сафула. Очевидно, военачальника не одурачила придуманная ими ловушка.

Макс инстинктивно среагировал на опасность и, загородив собой Изабеллу, с мрачной решимостью вступил в бой. Знакомый звон стали о сталь зажег огонь в крови, и какой-то частью своего сознания он понял, что по крайней мере одна тревога оказалась беспочвенной. Когда дело дошло до битвы, долгие годы тренировки и сражений сразу дали себя знать.

Однако Каро не настолько привыкла к рукопашному бою. Краем глаза Макс увидел, что она несетя наперерез берберам, чтобы дать время Райдеру сесть в седло, и одновременно размахивает саблей, отбиваясь от свирепых воинов.

Изнемогая от страха, Макс попытался развернуть коня, прежде чем услышал крик Каро:

– Макс, ради Бога, уезжайте!

– Ко мне! – крикнул он своим людям.

Воодушевленные командой, «хранители» сомкнулись во-

круг него и Изабеллы подобно стае саранчи и, пришпорив коней, понеслись к горам.

Макс скакал плечом к плечу с Изабеллой и, оглядевшись, с облегчением заметил, что Каро и Верра держатся неподалеку. В арьергарде, пригнувшись к холкам коней, скакали Торн и Райдер.

Они мчались через долину, и топот громом отдавался в ушах Макса. Сколько раз такое повторялось в битвах! Его сердце билось в безумном ритме мелькающих копыт, резкого треска мушкетных и винтовочных выстрелов, отдающихся в ушах раскатами грома...

Перестрелка становилась все яростнее, и Макс снова оглянулся. На этот раз их преследовало уже не менее дюжины берберов. Очевидно, они сумели разыскать коней в другом месте, и Сафул сам бросился за вероломными гостями. В довершение ко всему небо на востоке значительно посветлело, что делало «хранителей» легкой мишенью для винтовок берберов.

Торн и Райдер, должно быть, тоже осознали всю степень опасности, потому что неожиданно свернули влево, пытаясь отвлечь преследователей на себя. Но тут снова раздались выстрелы; лошадь Райдера упала, сбросив седока, и перевернулась. Бедное животное дергало ногами, пытаясь подняться. Но Райдер лежал без движения.

Макс задохнулся от страха, и испугался еще больше, когда Каро натянула поводья. Ее конь встал на дыбы, но она удерж-

жалась и тоже свернула влево, помчавшись за упавшим другом. Макс сообразил, что она задумала, и сердце его замерло. Она никогда не оставит человека в беде, да ведь и он никогда не покинул бы своего солдата в бою! Но сейчас ожил его самый жуткий кошмар: она жертвует жизнью ради друга...

Он, сам того не сознавая, натянул поводья, но Верра повелительно крикнул:

– Оставь их! Выполняй свой долг!

«Пожалуйста. Я доверяю тебе. Поклянись благополучно доставить ее...»

Максу еще никогда не приходилось так трудно, как в эту минуту, но он сцепил зубы и продолжал скакать рядом с Изабеллой.

Преследователи разделились: несколько человек бросились вдогонку за Каро, но основная группа продолжала путь на север.

Макс заметил, как исказилось тревогой лицо Изабеллы, понявшей, что произошло. Должно быть, на лице Макса отразилось такое же беспокойство, но усилием воли он старался отрешиться от всех эмоций, сосредоточиться только на спасении Изабеллы.

К этому времени они уже достигли дальнего конца долины и стали взбираться в гору. Лошади начали уставать еще до того, как добрались до перевала. Под всадниками были не великолепные берберские кони, так высоко ценимые хозяевами, а быстроногие арабские скакуны, не имевшие сил

и выносливости для дальних дистанций. По мере того как подъем становился круче, кони уже едва двигались.

А на небе тем временем в полную силу разгорался рассвет, окрашивая небо золотыми, сиреневыми и розовыми тонами. Снова оглянувшись, Макс увидел, что воины Сафула догоняют их.

Еще не окончательно потеряв способность мыслить здраво, он понимал, как им повезет, если успеют добраться до перевала прежде, чем их перехватят. Там их ждут свежие лошади, а Хок стоит с пороховым зарядом наготове, чтобы устроить обвал и остановить погоню...

И тут он похолодел от ужаса, поняв, чем грозит осуществление этого плана. Если Хоку удастся взорвать горный проход, Каро и ее спутники окажутся запертыми по ту сторону завала и попадут в руки к берберам. Райдер к тому же наверняка ранен, а может, и мертв, что сделает побег почти невозможным.

Паника скрутила узлом внутренности Макса. Он вцепился в поводья, сражаясь с собой, со своими чувствами и эмоциями.

Какое решение принять? Сейчас они окажутся в узком ущелье и повернуть уже не смогут. И к тому же уже поздно возвращаться за Каро. Он ничем не сможет помочь ей и только поставит под удар все предприятие.

Страх тошнотой подступил к горлу, но Макс мрачно припал к шее коня, словно силой воли заставляя его взбираться

по усыпанному булыжниками откосу. Еще минута – и холодные тени ущелья сомкнулись вокруг них.

Макс в отчаянии глянул на зубчатую скалу, нависшую над ними. Сначала он никого не увидел, но вскоре заметил, что в нескольких сотнях ярдов впереди, в самой узкой части прохода, маячили чьи-то фигуры. Тоска и боль полосовали его острыми кинжалами по мере приближения к маленькому отряду, но, не позволяя себе расслабиться, он следовал за Изабеллой. Когда они миновали то место, где стоял Хок, Макс приготовился к взрыву. И хотя знал, что сейчас последует, прокатившийся по горам гром поразил его в самое сердце.

Но тут на ущелье обрушилась лавина камней и глины, земля дрогнула, и грохот заглушил агонизирующий вопль, который рвался из груди Макса, полностью осознавшего наконец страшную правду: Каро осталась там, в ловушке, наедине с врагом и навеки потеряна для него...

Глава 18

Последовавшее молчание казалось таким же громовым, как и взрыв. В воздухе висел едкий запах пороха, напоминающая Максу о бесчисленных сражениях, в которых он участвовал... о собственной беспомощности... бессилии изменить трагический исход. Сухая пыль набилась в горло, мешая дышать. Он зажмурился, моля Бога, чтобы дал сил держаться дальше. И снова оглянулся, вынужденный смириться с жестокой реальностью. Это не кошмар. Гигантская груда земли и камней заблокировала ущелье, отрезав Каро и ее друзей от остальных «хранителей».

Он был благодарен за сковавшее его оцепенение. Тупо наблюдал, как Хок сползает с карниза на дно ущелья. Так же тупо отметил, как помрачнел граф, когда Сантос Верра объяснил, что произошло.

Хок выслушал, кивнул и, вскочив в седло, направился к северному концу ущелья, очевидно, намереваясь довести до конца их план и увезти Изабеллу как можно скорее.

Макс мгновенно очнулся от летаргии и пришпорил коня.

– Куда это вы, черт возьми? – хрипло осведомился он, останавливаясь рядом с Хоком. – Мы не можем их оставить.

Хок сочувственно кивнул, но сдаваться не собирался.

– Наш долг – выполнить задание. А они, может быть, еще сумеют сбежать.

– Каким это образом? – взорвался Макс.

– Южным маршрутом. Вы забыли, что из долины ведут две дороги?

– Даже если они успеют добраться до второй, берберы последуют за ними и прикончат.

– Может, и нет.

– А если им и удастся ускользнуть, как они выживут без припасов, воды и свежих лошадей?

– Если кто-то и найдет способ, так эти трое, – спокойно ответил Хок, окинув Макса пронизывающим взглядом. – Не стоит недооценивать нашу предусмотрительность или нашу силу воли, друг мой.

Щека Макса нервно дернулась, но он вынудил себя сдерживать раздражение и ярость.

– Значит, мы будем ждать их в оазисе?

– Нет. Как только завал разберут, Сафул немедленно бросится туда. Мы отправляемся на побережье, как было задумано с самого начала, и будем ждать три дня. Если они к этому времени не покажутся, будем считать, что их захватили в плен.

– А потом? – зловещим шепотом допытывался Макс.

– Отошлем Изабеллу на Кирену, а сами посовещаемся и придумаем новый план.

– Так не пойдет!

Губы Хока сжались так сильно, что превратились в тонкую полоску.

– Ничего не поделывать, Лейтон. Сначала следует выполнить долг перед леди Изабеллой.

Макс проглотил резкий ответ, понимая, что Хок по-своему прав.

– Мы не бросим их, – пообещал Хок. – Даю вам слово и клянусь честью. Но сейчас нужно убираться отсюда на случай, если наши берберские друзья попробуют взобраться на эту кучу мусора и расстрелять нас из подаренных нами же винтовок.

С Хоком во главе они начали нелегкий путь, осторожно пробираясь по предательской тропе. К середине дня горы остались позади, и они прищипорили коней, стремясь поскорее пересечь пустыню. Беглецы намеренно обошли оазис Акбу, не желая оставлять следов. К ночи они раскинули лагерь, скорее чтобы дать отдых усталым коням, чем для собственного удобства. За ужином все молчали, прислушиваясь к ночным шумам.

Слишком взвинченный, чтобы уснуть, Макс ушел подальше от шатров, разглядывая унылую, залитую лунным светом пустыню. В руке он сжимал нож Филиппа, но не мог заставить себя метнуть его: это простое действие слишком мучительно напоминало о Каро.

Минут через десять тихий голос Верры ворвался в его смятенные мысли:

– Вы должны верить, друг мой.

Отчаяние и гнев раздирали грудь Макса.

– А вы? Вы верите?

Даже в полумраке он заметил нерешительность, мелькнувшую в глазах Верры. Но в ответе прозвучала абсолютная уверенность:

– Мы бывали и в худших ситуациях. И все готовы умереть за наше дело. Каро сознавала, какая опасность ей грозит, да и Торн с Райдером тоже.

– Надеюсь, вы понимаете, что Райдер, возможно, уже мертв.

– Если так, мы должны сделать все, чтобы его жертва не была напрасной. Да, наша миссия прежде всего, но, как и обещал Хок, мы никогда их не бросим. Поймите, сэр Гавейн с нас головы снимет, если мы попросту обменяем их свободу на освобождение Изабеллы.

Макс мрачно кивнул:

– И все же, если Каро попадет в плен, освободить ее будет в сто раз сложнее, тем более что Сафул раскусил нашу игру. Мало того, он, вероятно, захочет отомстить за то, что мы украли рабыню у него из-под носа. Что, если он сорвет свой гнев на Каро?

– Но вы знаете ее пожелания по этому поводу, – только и ответил Верра.

– Да. Ад и проклятие, – выдохнул Макс. – Знаю, и слишком хорошо.

– Вам следует отдохнуть, друг мой, – посоветовал Верра, поворачиваясь, чтобы уйти. – В ближайшие несколько дней

вам понадобится много сил. А если знаете хотя бы пару хороших молитв, сейчас самое время помолиться.

Макс горько усмехнулся. Сколько раз его молитвы не доходили до Господа. Сколько раз исход был совсем не таким, на который он надеялся! И все же ему оставалось только горячо молиться за жизнь и свободу Каро и ее друзей.

К полудню третьего дня они достигли побережья и раскинули лагерь в нескольких милях от морского порта Бужи под тенью рощицы диких олив. Но атмосфера по-прежнему оставалась напряженной. «Хранители» избегали смотреть друг другу в глаза. Куда девались обычное дружелюбие, улыбки, смех и веселые перепалки? Теперь ничто не могло скрасить долгие, монотонные часы ожидания.

Особенно тяжело приходилось Максу. Даже при всем своем опыте ожидания очередной битвы он никак не мог набраться терпения и отрешиться от мучительных мыслей. И вернувшиеся кошмары терзали его по ночам. Каро, возвратившаяся, чтобы спасти его... ее кровь и жизнь, утекающие прямо на глазах...

Неужели его худшие страхи оправдались? Каро может погибнуть... а он... он даже не попытался помочь ей.

Это изводило его больше всего. За долгие годы войны он потерял множество друзей и просто солдат-однополчан. Но его чувства к Каро были гораздо глубже братских или отцовских, которые он испытывал к своим людям, глубже того родства душ, которое связывало его с Филиппом. Каро стала

его возлюбленной, его утешением, его ангелом-хранителем. Их страсть стала связью между ними, связью тесной и, как теперь выясняется, неразрывной. Потому что он не в силах жить без Каро.

Что, если он действительно потерял ее? При мысли об этом хотелось кричать, обвиняя судьбу в несправедливости. Макс поклялся, что, если Каро убьют, он голыми руками разнесет крепость Сафула по камешку.

Но никакие клятвы и обеты не могли заглушить тошнотворной тоски, ворочающейся в груди, или облегчить ужасное предчувствие, рвущее внутренности. Он воображал, что теперь, когда война закончилась, больше не будет неуверенности, страха, скорби и сознания потери. Но пока он достоверно не узнает, что Каро в безопасности, кошмары, в которых он ее теряет, будут повторяться регулярно. И даже при благополучном исходе у него больше никогда не будет ни минуты покоя.

Утром третьего дня от пропавших «хранителей» по-прежнему не было никаких вестей. Завтрак состоял из кускуса с молоком и медом, миндалем и финиками, оставившими во рту у Макса вкус опилок, хотя остальные ели с аппетитом.

Пытаясь хоть чем-то занять себя и растратить накопившуюся энергию, он оседлал коня. Макс с удовольствием проскакал бы половину пустыни, чтобы немного забыться и заглушить тоску, но опасался возбудить подозрения у местных жителей, поэтому ограничился тем, что несколько раз объе-

хал лагерь.

Он чувствовал себя загнанным в клетку животным. Возвратившись, он мельком заметил леди Изабеллу, и только сейчас понял, что она должна была испытывать в последние два месяца в плену.

Макс почти закончил распрягать лошадь, когда, к собственному удивлению, увидел леди Изабеллу совсем рядом, словно возникшую по его мысленному повелению.

Она надела арабское платье, закрыв шарфом лицо и оставив на виду только глаза.

– Я хотела поблагодарить вас за свое спасение, мистер Лейтон, – начала она, внимательно вглядываясь в него.

Макс плотно сжал губы. Они впервые встретились лицом к лицу и говорили. До сих пор он подсознательно избегал ее... или она его. Но так или иначе, он не желал принимать благодарность за спасение, обернувшееся несчастьем и неудачей.

– Пустяки, миледи, не стоит благодарности, – сухо процедил он с коротким поклоном. Пусть никто не говорит, что он пренебрегает правилами этикета!

Он уже хотел отойти, когда Изабелла легко коснулась его руки.

– Понимаю, что вы во всем вините меня...

Странно взволнованный ее пристальным взглядом, Макс поколебался, не зная, что ответить. Он хотел разуверить ее, но в душе не мог не признать, что действительно винил эту

женщину. Это из-за нее Каро теперь в опасности.

Впрочем, он вряд ли справедлив к ней. Изабелла виновата в том, что алжирские пираты захватили судно и продали ее Сафулу, не больше, чем сам он повинен в захватнических планах Бони, решившего завоевать весь мир.

Макс медленно выдохнул и уже спокойнее ответил:

– Вас никто ни в чем не винит, миледи. Каро сама сделала выбор. И она никогда бы не смогла оставить вас в неволе и спокойно жить после этого.

– Пусть так, но я молюсь о том, чтобы с ней ничего не случилось. Я люблю Каро как дочь, и угрызения совести убьют меня, если с ней случится нечто ужасное, потому что она пошла на это ради меня.

Макс продолжал молчать, хотя был полностью согласен с Изабеллой: слишком хорошо он знал, что это такое угрызения совести. Но вовсе не собирался делиться своими переживаниями с этой совершенно чужой женщиной.

Впрочем, Изабелла вовсе не казалась ему чужой, вынужден был признаться Макс, чуть поеживаясь под ее пронизательным взглядом. Почему она смотрит на него так, словно пытается понять его характер? И почему он покорно терпит все это? Что заставило ее подойти? Желание получить отпущение грехов? Или утешить его? Возможно, и то и другое. Недаром в сверкающих темных глазах светится вековая мудрость.

В этот момент между ними родилось нечто вроде понима-

ния, и Максу вдруг пришло в голову, что перед ним стоит женщина поистине необыкновенная. Теперь ему стало ясно, почему «хранители» так высоко ценят леди Изабеллу Уайлд. Изабелла, слегка улыбнувшись, кивнула, словно пришла к такому же положительному заключению о самом Максе. Но улыбка так же внезапно исчезла.

– Я не желаю уезжать завтра, – серьезно заметила она. – Возможно, вы сумеете убедить Хока позволить мне остаться.

Макс покачал головой, зная, что Хок прав:

– Вы должны уехать. Иначе все, что мы сделали, было зря.

И прежде чем он успел ответить, кто-то из часовых, охранявших южную границу лагеря, тихо свистнул. Из шатров немедленно появились «хранители». Макс с Изабеллой обернулись и увидели вспышки света, исходящие с дальнего холма.

Часовой поспешно ответил на сигнал, ловко ловя зеркальцем солнечные лучи. Макс знал, что таким образом ведутся зашифрованные переговоры между судами.

Дождавшись ответа, «хранители» стали взволнованно переговариваться.

– Это Торн! – обрадовался Хок. – Но кто-то из них ранен.

Сердце Макса забилося неровно. Встретившись со встревоженными глазами Изабеллы, он понял, что она тоже взволнована.

Хок немедленно велел часовому передать очередной приказ:

– Оставайтесь на месте, мы придем за вами.

– Как мы их найдем? – спросил Макс Хока, пока часовой орудовал зеркальцем.

– Я знаю, где они. Мы с Торном обнаружили это место, когда разведывали местность. Насколько я понял, Лейтон, вы хотите нас сопровождать?

– Да, разумеется.

– И я тоже, – вставила Изабелла.

– Нет, миледи, – твердо заявил Хок. – Вы останетесь здесь, в безопасности. Обещаю, мы привезем их как можно скорее.

Изабелла недовольно поджала чувственные губы, яростно сверкнула глазами, но спорить не стала. Макс заподозрил, что столь непривычная покорность скорее была результатом угрызений совести, чем желанием послушаться доброго совета.

Уже через несколько минут с полдюжины вооруженных «хранителей» выехали в направлении холма, чтобы встретить отбившихся от отряда спутников.

Все трое нашли убежище от солнца в тени рожкового дерева, рядом с крошечным ручейком, вытекающим из подземного источника. Каро и Торн, с грязными, измученными лицами, сидели, прислонясь к стволу дерева. У обоих даже не было сил шевелиться. Райдер, растянувшись на земле, спал рядом. Пропитанная кровью повязка обхватывала его левое бедро.

Они ужасно выглядели. Настоящие беженцы, спасающие

свою жизнь любой ценой. Мужчины заросли щетиной, придававшей им вид пиратов. Каро походила на жертву кораблекрушения: растрепанная, оборванная, волосы выбиваются из-под шарфа, которым она связала непокорную гриву. Тут же стояли две лошади, загнанные настолько, что, казалось, вот-вот упадут.

Завидев «хранителей», Торн с трудом поднялся и помог Каро встать. Макс не сводил с нее глаз. Несмотря на ее вид, она еще никогда не казалась ему столь прекрасной.

Когда Хок, свесившись с седла, обнял ее, Макс ощутил такой свирепый укол ревности, что едва сдержался, чтобы не встать между ними. Как обидно, что у него нет такого же права вести себя на людях с Каро, как старший брат!

Но даже ревность не смогла затмить того безмерного облегчения, которое завладело им сейчас.

– С вами все в порядке? – выдавил он.

Каро приподняла голову и с усталой улыбкой глянула на него поверх плеча Хока.

– Да, спасибо.

Больше всего Макс хотел, чтобы остальные «хранители» внезапно исчезли. Чтобы он смог обнять ее, осыпать поцелуями и убедиться, что она жива и невредима.

Но Каро, разумеется, больше всего волновалась за подругу.

– Что с Изабеллой? – спросила она Хока.

– Она в безопасности и с нетерпением ждет вашего воз-

вращения, чтобы покинуть Берберию.

– Слава Богу.

– Да, – истово кивнул Хок и, дружески хлопнув Торна по плечу, добавил: – И слава дьяволу, что вы трое выжили. Что произошло?

– Райдера ранили в бедро, когда его лошадь упала, – пояснил Торн. – Но рана несерьезная.

Услышав свое имя, Райдер приподнялся на локте. У него был измученный вид, по-видимому, высокая температура, глаза лихорадочно блестели, но на губах играла улыбка.

– И все еще чертовски болезненная.

– Перестань ныть, неженка, – ухмыльнулся Торн. – При таком количестве шрамов на теле еще один значения не имеет. – И, обернувшись к Максусу, продолжат: – Когда мы стали отстреливаться, приспешники Сафула отстали от нас и бросились в погоню за отрядом Лейтона. Как только мы выбрались из долины, опасность нам уже не грозила. Правда, все мы боялись, что рана Райдера загноится. Но Каро отыскала какое-то растение, которым обернула рану, и, как видите, все обошлось. Беда в том, что у нас на троих было две лошади и почти не имелось воды и еды. Кроме того, мы даже не могли позволить себе отдохнуть из опасения, что Сафул может погнаться за нами. Поэтому мы не держимся на ногах и умираем от голода и жажды. Лично я готов съесть лошадь.

– Только не этих отважных животных! – энергично запротестовала Каро, показывая на исхудавших коней, сумевших

спасти своих седоков. – Они заработали годовую норму овса за верную службу!

– Хорошо, тогда верблюда.

– Это, возможно, я смогу устроить, – согласилась она с усталым смехом. – И я отдала бы душу за горячую ванну. Клянусь, я могла бы отмокать целую неделю.

В этот момент водоворот эмоций захлестнул Макса. Как она может шутить в такое время? Он был солдатом и прекрасно понимал, как юмор способен снять напряжение в тяжелые минуты. Легкомыслие Торна привычно и общеизвестно, но Каро?! Неужели она не понимает, какие муки ему пришлось пережить за последние четыре дня? Как он страдал, не зная, жива она или мертва!

Макс разрывался между желанием прижать ее к себе и задать хорошую трепку за то, что подвергла его такой пытке, а теперь еще и вышучивает свои приключения!

Но руки у него связаны. Он не может сделать ни то ни другое.

– Скоро мы вас накормим, – пообещал Хок. – Но ванна подождет, пока мы не окажемся на борту корабля. Кто знает, вдруг Сафулу взбредет в голову возобновить погоню?

Торн, мгновенно став серьезным, направился к своему коню. Смех «хранителей» мигом смолк. Угроза казалась вполне реальной.

Четыре часа спустя капитан Биддик уже приветствовал их на борту шхуны. Они воспользовались стропами, чтобы

поднять раненого Райдера из шлюпки на палубу, и помогли ему спуститься в одну из кают поменьше. Как только шхуна вышла в открытое море, Каро принялась обрабатывать рану Райдера бальзамом из корабельных запасов лекарств.

Предвкушая обещанную ванну, она заняла другую каюту. Изабелла лично проследила за тем, чтобы медную лохань наполнили пресной горячей водой, и вызвалась помочь подруге избавиться от грязи.

Вымыв волосы, Каро откинула голову на бортик лохани и стала отмокать под мерное покачивание корабля. Изабелла тем временем не переставая болтала. Очевидно, она очень соскучилась без общества равных себе, тем более что несколько месяцев не говорила на английском и испанском. Кроме того, ей не терпелось в двадцатый раз покаяться в своих грехах.

– Ты представить не можешь, как я жалею об опасности, которой тебе пришлось подвергнуться, чтобы спасти меня.

Каро, поморщившись, покачала головой:

– Но ведь ты бы сделала то же самое, Изабелла. Я ни секунды в этом не сомневаюсь.

– Ну разумеется, иначе и быть не может.

– В таком случае тут нечего обсуждать. Я больше не желаю слушать ни слова извинений.

– Но ты должна позволить мне...

– Довольно! – воскликнула Каро, с притворной свирепостью уставясь на подругу.

– Ну ладно-ладно, – пробормотала Изабелла. Ее мелодичный смех принес Каро мгновенное утешение. Она снова откинула голову и вздохнула. В эту минуту ее накрыло гигантской волной усталости, возможно, потому, что впервые за несколько дней она позволила себе расслабиться.

Когда глаза Каро закрылись, Изабелла с сожалением покачала головой:

– Ну вот, растрещалась как сорока, а ты совершенно измотана. Оставляю тебя отдохнуть.

Каро даже не ответила. Еще немного, и она уснет прямо в воде!

У нее едва хватило сил вытереться и лечь. Волосы так и не успели высохнуть.

Проснувшись поздней ночью, она обнаружила, что Изабелла оставила ей поднос с хлебом, сыром и фруктовым соком. Каро жадно съела все до последней крошки и снова заснула. А когда пробудилась, в иллюминатор уже заглядывало солнце. Каро оделась и отправилась навестить пациента. В маленькую каюту уже набились «хранители», включая Макса. Шум стоял невероятный. Все дружно смеялись над шуточками Торна. Ее глаза сразу же нашли Макса. Взгляды их на мгновение встретились, но Каро тут же взяла себя в руки и выгнала всех, чтобы без помех перевязать рану Райдера.

Она с радостью отметила, что следов воспаления нет, и больной скоро встанет на ноги. Жар спал после ночи спокойного сна, и он, побритый и умытый, выглядел настоящим

красавцем. Но при этом уже не находил себе места, и неудивительно: для такого энергичного человека неподвижность была смерти подобна.

Поддавшись на уговоры, она разрешила Райдеру подняться на палубу при условии, что там для него расстелют тюфяк. Но приказала держать ногу в покое, пока они не доберутся до Килены.

Закончив все дела, Каро прокралась в свою каюту и легла. Только к концу дня она нашла в себе силы встать и по приглашению капитана вышла на палубу.

Все собрались вокруг Райдера, разлегшегося на тюфяке среди подушек с видом восточного владыки, и праздновали успех большими бокалами мадеры. После нескольких тостов за победу Изабелла произнесла прочувствованную речь, в которой благодарила за спасение дорогих друзей и мистера Лейтона.

Каро молча слушала, подмечая, что Макс наблюдает за ней с тем же сдержанно-задумчивым выражением, как в первые дни их путешествия, словно он усилием воли подавлял все эмоции.

Она с трудом оторвала от него взгляд, ибо ее одолевало то же смятение. И все те же вопросы. Каким Макс видит их будущее? Вряд ли после всех опасностей, пережитых им за последние дни, он захочет вступить в орден.

Она облегченно вздохнула, когда Изабелла взяла ее под руку и повела к поручню.

Золотисто-красные лучи заходящего солнца косо ложились на воду, превращая поверхность Средиземного моря в сверкающую медь. Просто дух захватывало от такой красоты, словно символизировавшей жизнь, надежду и бесконечную свободу.

Изабелла глубоко вздохнула, наслаждаясь прекрасным видом, и неожиданно вздрогнула.

– Знаю-знаю, – неожиданно пробормотала она хриплым от слез голосом, – я обещала не надоедать тебе своей благодарностью, но этот пейзаж так живо напоминает мне, что я могла потерять. Очень боялась, что никогда не увижу море и тех, кого так сильно люблю.

Каро обняла подругу за талию.

– Все кончено, Белла. Попытайся выбросить все это из головы. Ты снова с нами, среди друзей, и это самое главное.

Сглотнув слезы, Изабелла ответила ей слабой улыбкой. Прошло несколько минут, прежде чем она окончательно успокоилась.

– Знаешь, твой мистер Лейтон немало тревожился за тебя, пока мы вас ждали.

Каро, поколебавшись, кивнула:

– Это меня не удивляет. Макс всегда берет на себя ответственность за тех, кто ему небезразличен.

– Смотрю, ты весьма ему небезразлична.

Каро, отвернувшись, смотрела на сверкающее море. Она и без Изабеллы знала, что дорога Максy. Вопрос в том, на-

сколько. Достаточно ли, чтобы остаться на Кирене после того, как они спасли Изабеллу? Чтобы стать членом ордена? Чтобы понять: это ее призвание?

Каро отчаянно пыталась не думать о будущем. В последние дни она была слишком измучена, чтобы сосредоточиться на чем-то, кроме необходимости выжить. И разумеется, дело «хранителей» куда важнее ее личных чувств. Но сейчас, вместо того чтобы радоваться успеху их миссии, она не могла оправиться от уныния и тоски, зная, что скоро их роман с Максом придет к концу. Он выполнил свое обещание, спас ее подругу, и теперь у него больше нет причин оставаться на Кирене.

Может, поэтому он снова избегает ее? До сих пор он всего лишь коротко поздоровался с ней и больше не делал попытки подойти. И Каро не покидало ужасное подозрение, что он просто не мог выполнить ее желание и поэтому не хотел ее огорчать.

Макс был солдатом, закаленным в огне войны. И шрамов на его душе было столько, что любой мужчина подумает дважды, прежде чем посвятить себя жизни, где опасность встречается на каждом шагу, а исходом может быть смерть. Делу, где так легко можно потерять дорогих тебе людей.

«Ты весьма ему небезразлична».

Но правда ли это? Действительно ли Макс позволил себе влюбиться в нее, пусть даже против воли?

Может, именно это повлияет на его решение присоеди-

ниться к «хранителям»?

Во время их побега ее легко могли убить. Макс наверняка не захочет, чтобы она снова рисковала. Но предпочтет ли он разорвать их отношения и вернуться в Англию, чтобы не стать свидетелем ее возможной гибели?

Сердце Каро сжалось. Она-то знает, как глубоки ее чувства к Максу! И была так уверена, что из него выйдет идеальный «хранитель», ибо он, как немногие, наделен природной склонностью защищать и оберегать угнетенных и незащищенных. И если он решит не вступать в орден, она будет горько разочарована. Каро не решалась признаться даже себе, что будет в отчаянии, если он навсегда покинет Кирену и исчезнет из ее жизни.

Она судорожно вздохнула, чтобы избавиться от боли, рвущей сердце. Так или иначе, а нужно быть готовой к такому повороту событий. А пока что она была рада, что Макс ее избегает. Конечно, видеть его и не иметь права коснуться, не иметь возможности поговорить с глазу на глаз – это настоящее мучение. Но, честно говоря, она просто боится узнать, каким будет его решение.

Впрочем, может, ей лучше расспросить, каковы его намерения. Поговорить с ним сейчас, поскольку ожидание только продлит пытку. В любом случае она не успела как следует поблагодарить его за Изабеллу. Если бы не Макс, кто знает, чем бы все это кончилось!

Но Каро никак не могла заставить себя откровенно потол-

ковать с Максом. Она опасалась, что не выдержит разочарования, и поэтому намеревалась как можно дольше оттягивать момент правды.

Каро вздрогнула, и Изабелла тотчас вошла в роль заботливой матери:

– Замерзла, дорогая?

По мере того как солнце погружалось в переливающееся всеми красками море, температура все понижалась. А соленый октябрьский ветер был достаточно прохладным, чтобы на коже выступили мурашки. Стараясь поскорее ускользнуть от пронизательного взгляда подруги, она уцепилась за этот предлог.

– Немного. Простишь меня, если спущусь вниз за шалью?

– Конечно. И пожалуй, тебе стоит лечь в постель. Ты очень бледна.

Не вступая в дальнейшие разговоры, Каро спустилась в каюту и накинула шаль на плечи, но, вместо того чтобы вернуться наверх, бессильно опустилась на койку, не в силах решить, что делать и стоит ли пытаться разговорить Макса.

Тихий стук заставил ее резко вскинуть голову.

– Войдите, – откликнулась девушка, ожидая увидеть Изабеллу, и растерялась, когда на пороге возник Макс. Ее словно громом поразило. Такого она и представить не могла!

Он ступил в каюту и закрыл за собой дверь. Мощная фигура, казалось, заполнила все маленькое пространство. И от пристального взгляда синих глаз сердце замерло. Она не мог-

ла отвернуться, опустить голову.

– Ч-что ты хочешь? – запинаясь пробормотала она.

– А ты как думаешь?

Он стоял с таким видом, будто не мог на нее наглядеться. И не успела она опомниться, как он в два шага оказался рядом и обнял ее. Сотни эмоций плескались в его глазах: отчаяние, гнев, нежность, грусть противоборствовали в синих глубинах.

Макс продолжал молча смотреть на Каро, сжав челюсти, стараясь держать себя в руках. Наконец он выругался и нагнул голову, словно не в силах совладать с собой.

Его поцелуй был неистовым. Опаляющим. Его губы – жесткими, горячими и требовательными.

Все поплыло перед глазами Каро. Мыслей не было. Осталось только желание. Выпад его языка был таким глубоким, жадным и настойчивым, что она забыла все вопросы, всю неуверенность, все свои муки. Безумный голод, который она подавляла столько дней, вернулся со всей силой, возбуждение вытеснило летаргию. Она изнемогала от желания окатиться в его объятиях, почувствовать его жар и каким-то образом знала, что он испытывает те же самые чувства.

Она вцепилась в его волосы, пытаясь притянуть голову ближе. Но Макс и не думал подчиняться. Его язык врывался и гладил, руки легли на ее теплые груди. Соски немедленно набухли желанием, и она молча выгнулась, надавив на его ладони. И когда он оторвался от ее губ, тихо охнула. Он жад-

но припал губами к ее шее.

– Я был готов умереть, лишь бы снова ласкать тебя вот так, – выдохнул он, почти не отнимая губ от ее нежной кожи. – Коснуться еще раз. Сжимать в своих объятиях.

Она поняла. Ведь и с ней творилось то же самое. Ей была необходима его страсть. Необходима, чтобы отпраздновать сладость жизни, торжество победы над опасностью.

Его губы обжигали, хотя прохладный воздух врывается в иллюминатор и овевал ее ставшую чересчур чувствительной кожу. Поняв, что он раздевает ее, Каро пробормотала его имя и стала нетерпеливо дергать за лацканы сюртука, пытаюсь поскорее помочь ему раздеться.

Шаль давно соскользнула на пол. Теперь он спустил с плеч сначала ее платье, потом лиф сорочки. Груды вырвались на свободу, моля о прикосновении его зубов и языка.

И когда его влажный рот припал к соску, Каро тихо застонала, извиваясь в жару. словно повинуюсь этому звуку, Макс стал подталкивать ее к койке, пока колени Каро не подогнулись. Ноги так ослабели, что она беспомощно опустилась на матрац.

Макс лег на нее, раздвинул ее бедра коленом и снова взял в плен ее губы, жадно упиваясь нектаром интимного поцелуя. Каро едва слышала стук в дверь. И снова застонала, когда великолепные руки Макса стали терзать ее голые, изнывающие, жаждущие ласк соски...

Неожиданно Макс застыл и насторожился, и тут с порога

до них донеслось негромкое проклятие:

– Черт бы тебя побрал, Лейтон.

Потрясенная, Каро узнала жесткий голос Торна.

Последовало напряженное молчание. Макс медленно сел, прикрывая собой полуголую Каро. Та с ужасом осознала, что платье и сорочка сползли почти до пояса и груди выставлены на всеобщее обозрение. Она поспешно привела себя в порядок, стараясь заодно придумать, что теперь делать и как справиться с чувствами.

Сев, она осмелилась взглянуть на окаменевшего в дверях Торна. Его лицо было темнее грозовой тучи, но смотрел он не на нее, словно она вообще не существовала. Разъяренный взгляд был устремлен на Макса.

– И давно это? – злобно прошипел он. – Как давно ты злоупотребляешь ее доверчивостью?

Макс ответил не сразу. Его подбородок был надменно выдвинут вперед.

Торн так же упрямо уставился на него, скрестив руки на груди.

– Не сомневаюсь, что ты поведешь себя как джентльмен и благородный человек и, разумеется, женишься на ней.

Лицо Макса словно окаменело, напоминая гипсовую маску. Искоса взглянув на Каро, он отвернулся.

– Разумеется, – обронил он, и Каро, как ни старалась, не смогла различить в его голосе ни малейшего оттенка выражения.

Глава 19

– Торн, это просто бессмысленно! Вздор и чепуха! – бушевала Каро. – Прежде всего Маке вовсе не обманывал меня, я была добровольной участницей и знала, на что иду. И во-вторых, не твое дело, с кем я предпочту целоваться.

– Украденные поцелуи – дело одно, – парировал Торн, – а вот погубить репутацию девушки – совершенно другое.

– Он вовсе не губил меня...

– Еще немного – и все было бы кончено. Ты мне как сестра, любимая. И я не позволю, чтобы какой-то негодяй соблазнил тебя, пусть даже этот негодяй и мой ближайший друг.

– Какая чушь! Ты себя слышишь, Торн? Сколько женщин ты обольстил за свою карьеру повесы и развратника?

– Именно поэтому можешь считать меня экспертом в подобных делах! И не все случаи одинаковы. Я всегда был достаточно совестлив, чтобы держаться подальше от невинных девушек.

– Меня вряд ли можно назвать невинной девушкой, – вспыхнула Каро. – Женщине моего возраста и опыта позволено больше свободы, чем девчонке, едва окончившей школу.

– Это ты так думаешь. Я же придерживаюсь другого мнения. Если мужчина обесчестил порядочную женщину, един-

ственный выход для него – жениться, и как можно скорее.

– О, иди ко всем чертям, – бросила Каро.

– Я совершенно согласен с Торном, – вмешался Макс. –

У меня нет никаких возражений против брака.

– Зато возражаю я! – запротестовала Каро. – Все твои претензии, Торн, абсолютно смехотворны.

Сейчас она казалась такой свирепой, что Макс невольно поморщился и, сухо усмехнувшись, обратился к Торну:

– Думаю, дальнейший разговор нам лучше вести наедине с Каро. Буду очень благодарен, друг мой, если ты оставишь нас вдвоем и позволишь мне сделать предложение.

– То есть ты поступишь так, как велит тебе честь?

– Даю слово, ты вполне можешь мне довериться.

Каро, пробормотав что-то крайне неприличное, раздраженно закатила глаза к небу.

Когда Торн ушел, прикрыв за собой дверь, в маленькой каюте воцарилось молчание. Каро искоса взглянула на Макса и обнаружила, что его пронизывающий взор устремлен на нее.

Яростно прошипев очередное проклятие, она вскочила с койки и отвернулась, чтобы разгладить лиф платья и уничтожить все свидетельства неудавшегося свидания.

– Тебе не стоит слушать бред безумца, – пробормотала она. – Очевидно, беды последних дней, обрушившиеся на Торна, повредили его рассудок.

– А мне он показался вполне разумным, – возразил Макс.

– Значит, ты жестоко ошибся! И у тебя нет никаких веских причин делать мне предложение.

– Я думаю иначе.

Каро недоуменно уставилась на Макса.

– Но не можешь же ты хотеть этой свадьбы! Со времени моего возвращения ты и двумя словами со мной не обмолвился.

Криво улыбнувшись, Макс откинулся назад и оперся на локти.

– Если хочешь знать, я всеми силами старался вести себя как джентльмен и дать тебе время оправиться от тяжелых испытаний. Но даю слово, я держался из последних сил. Посмотри только, что произошло между нами всего несколько минут назад. Я едва не взял тебя силой. И по-прежнему тверд как гранит.

Каро быстро опустила глаза и удостоверилась, что он говорит правду. Набухший ком его желания распирал тонкое сукно.

Щекам девушки стало жарко.

– Ты и сам понимаешь, что это всего лишь физическое свидетельство мужской похоти. Вполне естественно, учитывая нашу разлуку. И для мужчины совершенно нормально испытывать некоторый подъем после победы. Теперь, когда опасность миновала, твое желание вернулось с прежней силой.

– Спасибо за компетентное мнение медика, мадам доктор.

Но позвольте мне самому судить о своих мотивах.

Каро залихватски подбоченилась.

– Нам незачем венчаться только потому, что Торн застал нас наедине!

– Мое предложение не имеет ничего общего с появлением Торна.

– Возможно, нет, но сейчас ты пытаешься совершить благородный поступок. Считаешь, что честь требует от тебя исправить содеянное. Но, Макс, ты вовсе не погубил мою репутацию. И не обольщал меня. Я вступила в эту связь с открытыми глазами, ясно понимая последствия своего поступка. Ты хочешь жениться по соображениям долга и чести. Уж конечно, я не приму такого предложения.

– Значит, ты мне отказываешь?

– Конечно, отказываю! Мы ничуть друг другу не подходим. Брак между нами невозможен.

– Почему?

Брови Каро взлетели вверх.

– Ты когда-нибудь размышлял о том, что будет означать наш союз? Начнем хотя бы с того, где будет наш дом. Ты ожидаешь, что я вернусь с тобой в Англию? Но тамошняя жизнь мне ненавистна. Те строгие правила, которым должны подчиняться англичанки, не позволят мне и дальше служить делу «хранителей», не говоря уже о моем втором призвании. Там нет женщин-врачей, и никто не станет лечиться у такой, как я. А я не собираюсь добровольно отказываться

ни от первого, ни от второго.

Лицо Макса, казалось, затуманилось.

– Я никогда не попросил бы тебя об этом.

– Значит, мы будем жить на Кирене? Так ты намереваешься вступить в наш орден? Тебе придется это сделать, если останешься.

Макс не отвечал. Каро во все глаза смотрела на него. Мрачное, как ночь, лицо не требовало дальнейших объяснений.

Сердце Каро больно сжалось, в груди почему-то совсем не осталось воздуха, и дышать стало невозможно.

Только сейчас она поняла, как ошибалась. Какой была эгоисткой, заставляя Макса отказаться от основных инстинктов выживания. Она не имела права требовать, чтобы он стал «хранителем». Не имела права обрекать его на столь неясное будущее, в котором он, возможно, никогда не избавится от своих кошмаров.

Тошнотворное чувство неизбежности происходящего наполнило Каро. И несмотря на пустоту в душе и боль в стиснутом горле, она сознавала, что должна держаться, чтобы Макс ничего не заподозрил. Притвориться, что это не ее сердце истекает кровью.

К сожалению, ее выдал голос, звучавший хрипло и неровно.

– Ты показал себя более чем достойным человеком, Макс. Но не годишься в «хранители».

Макс приподнялся и медленно встал.

– Почему ты так говоришь?

– Прежде всего тебя постоянно преследуют кошмары. И если мы поженимся, я буду их главной героиней. Поэтому и не позволю тебе принести такую жертву.

Не отрывая взгляда от Каро, Макс шагнул ближе.

– Это не будет жертвой.

– Конечно, будет! Если у тебя не лежит сердце к нашему делу, если не испытываешь истинной преданности ордену, значит, обречешь себя на полную несчастий жизнь.

Прошло довольно много времени, прежде чем он заговорил:

– Я хочу тебя так же сильно, как всегда, а может, и больше.

Каро попыталась изобразить улыбку.

– Понимаю. Я чувствую то же самое. Но это просто воздействие острова.

Макс покачал головой:

– Неправда, и ты это знаешь. Мы все еще в сотне миль от Кирены. И наша ночь в крепости Сафула ясно показала, что твои островные легенды не имеют ничего общего с моим влечением к тебе.

– Да, ты хочешь меня. Мое тело. Только тело. В этом я не сомневаюсь. Но я не та женщина, которая годится тебе в жены. А если бы и годилась, ты забываешь, что мне не нужен муж. Не желаю, чтобы мужчина командовал мною, управлял моей жизнью, указывал, что делать, а чего не делать.

Макс чуть свел брови.

– Как насчет детей? Насчет нашей дружбы?

– Мне все это ни к чему, – упрямо настаивала Каро.

– Лгунья, – тихо сказал он.

Ее глаза закрылись. Она действительно лгала. Потому что не представляла себе будущего без Макса. Пустота. Долгие одинокие годы впереди...

Она попыталась отвернуться, но помешал Макс. Длинные пальцы стальным браслетом сомкнулись на ее запястье.

– Не нужно, Макс, – охнула она. – Пожалуйста, поверь мне. Мы согласились на несколько недель наслаждения. Не более того. Остальное меня не интересует.

– Наслаждение – не такая плохая основа для женитьбы, – бросил он, крепче сжимая пальцы.

Каро грубо выдернула руку.

– Я не выйду за тебя, Макс.

– Значит, предлагаешь, чтобы мы расстались сейчас?

– Да! Именно этого я и хочу. Как только мы доберемся до Кирены, тебе следует вернуться в Англию. Теперь, когда Изабелла в безопасности, у тебя нет причин оставаться.

Лицо его снова омрачилось, а глаза засияли нестерпимо синим блеском.

– А мы? – глухо прорычал он, сжимая ладонями ее лицо, лаская большими пальцами ее нижнюю губу. – Хочешь сказать, будто готова порвать со мной, забыть, как хорошо нам было в постели? Я никогда этому не поверю.

– Наши забавы в постели тут ни при чем.

– Ни при чем? Может, мне напомнить, от чего ты отказываешься?

На этот раз, вместо того чтобы просто спустить платье с ее плеч, он ловко расстегнул крючки на спине.

– Макс... – попыталась протестовать она, но он завладел ее губами, целуя их с жесткой уверенностью хозяина и повелителя.

К досаде Каро, ее капитуляция оказалась такой же скорой, как и всегда. Она никогда ни в чем не откажет Максиму, не откажет ни в одном желании. А сейчас он хотел ее.

Еще секунда – и он обнажил ее груди. Их языки сплелись, яростно, самозабвенно, а его пальцы потирали соски, превращая их в крохотные огненные вершинки.

Ее сердце бешено колотилось, когда его руки сжали ноющие груди и подняли вверх, к жадным губам. Чуть нагнув голову, он стал жадно сосать розовый камешек.

Каро беспомощно охнула. Желание, острое и настойчивое, пронзило ее. Чувствуя сквозь одежду опаляющий жар чресл Максима, она поняла, что уже не остановит его.

Она хотела в последний раз быть с Максимом. Хотела отчаянно. Познать его страсть хотя бы раз, чтобы сохранить в памяти на все оставшиеся годы.

Должно быть, он почувствовал, что она сдастся, потому что неожиданно прервал поцелуй и, отстранившись, так быстро расстегнул ширинку брюк, что почти разорвал ткань.

Его плоть, гордая, чуть покачивающаяся, восстала из темного треугольника завитков, когда он снова шагнул к ней и рывком вскинул юбки, словно стремясь немедленно овладеть ею.

Каро тоже не могла ждать. Полыхающий жар превратился в болезненную, почти иступленную потребность. Она издавала тихий мяукающий звук, когда его рука легла между ее бедер и сжала лоно; пальцы скользили по влажной поверхности, проникая внутрь. Жесткое колено развело ее ноги, когда он сжал ягодицы, ища вход в теплый узкий грот. Каро помогла ему, не в силах дожидаться, пока он окажется в ней.

Он взял ее без предварительных ласк, почти насадив на твердый стержень. Каро едва слышно, потрясенно вскрикнула и инстинктивно выгнулась, но его руки превратились в кандалы, прижимая к мужскому телу, расплющивая груди и железные мышцы торса.

Она дрожала, как в ознобе; внутренние мышцы ритмично сжимали его фаллос. Запутавшись руками в ее волосах, Макс снова припал к ее губам, властно проникая языком в рот.

Его вкус сводил с ума, пьянил, и у Каро закружилась голова. Из груди Макса вырвался громкий стон. Страсть взорвалась огненным фонтаном. Он воспламенял ее, и ее огонь только питал его собственный.

Она смутно осознала, что Макс, все еще оставаясь в ней, шагнул к койке, грубо бросил ее на матрац. Не успела Каро опомниться, как он накрыл ее своим телом, придавил всей

тяжестью и ворвался в нее с жесткой, неистовой силой.

Каро, что-то хрипло бормоча, извивалась под ним, обезумевшая от желания и тянущей, томительной боли, которую мог исцелить только он. Ногти провели кровавые борозды по его плечам, ноги обвилились вокруг его талии. Она хотела его. Слепо. Настойчиво.

Она услышала собственный стон, сдавленную мольбу, просьбы взять ее, проникнуть еще глубже, еще... еще... но их изголодавшиеся рты заглушили слова. И Макс с готовностью исполнил ее просьбу, вонзившись в нее.

Теперь уже трясло обоих. Их слияние было безумным, мощным, безжалостным и глубоким, сила его выпадов – почти неистовой.

Каро изогнулась так, что едва не слетела с койки, увлекая Макса за собой, когда пламя взрывных ощущений охватило ее.

Он остановился, только когда первый вал разрушительных волн накрыл их обоих.

Ее жалобный крик стал воплем экстаза; из его груди вырвалось глухое рычание. Откинув голову в бессознательном самозабвении, он трясся и трепетал, изливая в нее свое семя.

Спазмы слепяще-пронзительного наслаждения медленно замирали. Все еще не придя в себя после его натиска, Каро зарылась лицом в плечо Макса. Они по-прежнему были соединены, и она с наслаждением ощущала его тяжесть, почти раздавившую ее.

Она хотела, чтобы их последнее соитие было именно таким: исступленным, безумным, пылким, и оба они были беспомощны в плену неистовой страсти...

Еще несколько секунд, и Макс, отодвинувшись от нее, почти свалился на подушки. Грудь его беспорядочно вздымалась. Он большими глотками пил воздух и не мог отдышаться.

– Ты никогда не убедишь меня, что забудешь это, – тихо выговорил он наконец. – И всегда станешь тосковать по моим ласкам...

Каро зажмурилась, с трудом проглотив колючий ком в горле.

– Знаю. Я это знаю. Но все равно не выйду за тебя, Макс.

Наутро Макс стоял у поручня, наблюдая, как изломанная живописная береговая линия Кирены становится все ближе. Сильный ветер гнал волны, увенчанные белыми барашками и бившиеся о борт, но Макс почти ничего не замечал.

Он провел бессонную ночь, ворочаясь с боку на бок на тюфяке. Но на этот раз бессонница не имела ничего общего с кошмарами. Резкий и твердый отказ Каро выйти за него замуж был причиной его смятения.

Он действительно сделал предложение, отчасти следуя неписаному кодексу джентльменов, поскольку полностью понимал свои обязательства. Его застали на месте преступления, когда он соблазнил молодую женщину.

Торн вошел в разгар непристойной сцены. И все же, ка-

ким бы хорошим другом он ни был, никак не мог заставить Макса жениться. Он сделал Каро предложение по собственной воле.

Но Каро отвергла его в самых недвусмысленных выражениях. И он не мог отрицать, что причины, заставившие ее сделать это, были достаточно вескими, особенно самая первая.

Горькая правда заключалась в том, что он вовсе не был уверен, хочет ли стать «хранителем». Разумеется, они нуждались в таком тактике, как он. И у Макса был истинный талант выигрывать схватки вроде той, в которой они участвовали в последний раз. А в их жизни таких схваток было немало. Но разве он обязан применять свое умение, служа их делу?

Да, нужно признать, цели у них достойные, и все они — люди честные и порядочные. Это не война. И они стараются не убивать людей. Не ведут в битву армии, сражаясь за собственное превосходство. Они предпочитали бороться против зла и защищать благородные идеи. Но при чем тут он? И какое отношение имеют их высокие устремления к его собственным обстоятельствам?

Макс невидящими глазами уставился на бурные лазоревые воды. Для него все сводилось к одному вопросу: сможет ли он жить в постоянном ужасе, боясь в любой момент потерять Каро, не зная, вернется ли она с задания живой.

Беда в том, что теперь он будет жить в аду независимо от

того, вступит ли в орден. Если же уехать, ему не придется стать свидетелем трагедии. Но где бы он ни был, все равно не сможет забыть, что она каждую минуту рискует жизнью. Если же он станет «хранителем», по крайней мере попытается защитить ее. Но даже он не способен управлять судьбой.

Пробормотав ругательство, Макс запустил пальцы в волосы. Чертова дилемма заключается в том, что, пока Каро остается «хранителем», он никогда не избавится от страха.

А Каро считала свое служение жизненным призванием. Как он может убедить ее выйти из ордена? У него нет такого права, да он и не уверен, что хочет этого.

Но что же ему делать? Вернуться в Англию к безопасному, скучному, незаметному существованию?

И тогда какой же смысл будет иметь его жизнь? Сможет ли он прожить ее без Каро?

Он не хотел пустого, бессмысленного существования. Ему нужна цель. Будущее, которое заставит его с нетерпением ждать каждого нового дня. Нужны друзья, любовь, семья. Нужна радость.

Сколько лет у него не было этой радости?

До тех пор, пока в его судьбе не появилась Каро.

Она – его радость.

Он и представить не мог, что будет хотеть женщину так, как хотел Каро. Ни одна не заставляла его смеяться, грустить, трепетать от малейшей ласки... Если он решит покинуть Кирену, значит, никогда больше не встретится с ней. И

тогда из его жизни уйдет озаряющий ее свет.

Может, он сумеет иногда посещать остров? Но он хотел большего, чем несколько краденых часов наедине с Каро. Хотел, чтобы она стала его женой. Возлюбленной, спутницей, второй половинкой. Навсегда.

А если он преодолеет ее возражения и убедит Каро выйти за него? Прежде всего, придется смириться с ее образом жизни. Понять неизбежность опасений за нее. Осознать то обстоятельство, что, как бы он ни хотел защитить и уберечь, все равно не сможет завернуть ее в вату.

Как можно погасить горящий в ней огонь, ее отважный, смелый дух, составляющий самую сущность этой женщины? Готовность рисковать жизнью за друзей – часть того, что делает ее особенной. И больше всего он любил ее храбрость...

Сердце Макса замерло. Любовь. Так вот что он испытывает к Каро! Раньше ему просто не с чем было сравнивать. Потому что до нее он не любил ни одну женщину. И теперь все сомнения исчезли. Он любит ее!

Резко повернувшись, Макс стал искать взглядом Каро. Женщины собрались на юте. Она тоже была там, беспокойно мерила шагами палубу, старательно избегая его взгляда, как делала все утро.

Изнемогая от нерешительности, Макс оперся спиной о поручень. Он до сих пор не верил своему открытию. Так и есть! Он действительно любит Каро! И дело не только в неистовом желании, которое он всегда ощущал при взгляде на нее. Он

любил ее за мужество, благородство, силу и красоту души. Она завладела им.

И он хотел завладеть ею. Приковать ее к себе любыми возможными способами.

Он вспомнил их ночь в крепости берберов, ту сокрушительную страсть, которую они тогда делили, вспомнил вчерашний вечер. Он ничего не утаивал от нее. Отдавал всего себя. Его подстегивала отчаянная потребность вонзиться в нее так глубоко, чтобы они стали единым целым. Чтобы никто из них не смог освободиться.

Может, поэтому он впервые излился в нее? Неужели подсознательно хотел исторгнуть в нее свое семя? Может, ребенок – именно то, что свяжет с ним Каро? Может, он послушался самого первобытного инстинкта мужчины – стремления к размножению? Или для него так жизненно важно сделать Каро частью себя?

Он не хотел детей. Не хотел рисковать. Боялся потерять того, кто стал ему так дорог. Но образ Каро с животом, набухшим его ребенком, наполнил его нежностью.

Захочет ли она иметь его детей? И хотела ли когда-нибудь родить ребенка? Она говорила, что нет...

Макс свирепо потрянул головой. Слишком много вопросов теснилось в его усталом мозгу, но ни один не имеет значения, если Каро откажется выйти за него. Сначала он должен убедить ее, что вовсе не приносит себя в жертву ради чести. Должен доказать свою любовь к ней. Но сначала должен сра-

зиться с собственными демонами.

Он снова повернулся лицом к морю.

Прошло немало времени, прежде чем он понял, что они обогнули южный конец острова и приближаются к гавани. Отсюда уже виднелись сверкающие на солнце, ослепительно белые стены города.

Всего несколько недель назад он вот так же стоял на палубе корабля. Даже тогда его интерес к Каро был глубже, чем просто физическим. Но он не ожидал, что отдаст ей сердце и душу.

Макс оглянулся, гадая, не стоит ли поделиться с ней своим откровением. Но вряд ли она ему поверит.

Каро вообще слишком мало верила в собственную привлекательность. Она считала, что все дело в чарах острова. Но их встреча вдали от Кирены показала ему, что легендарная магия не имела ничего общего с его желанием к ней. Оно по-прежнему оказалось безмерным, как бы ни было велико расстояние до острова.

А Каро была страстной любовницей, воспламенявшей его до безумия.

И не важно, что у нее так мало женственных качеств, присущих благородным дамам. Что иногда она выглядит совершенно чужой в благородном обществе. Зато она неповторима. И он любит ее за это.

Должно быть, в прошлой жизни Каро была принцессой-амазонкой. И так и осталась воином.

Тяжело вздохнув, Макс закрыл глаза. И сразу представил страшную картину: Каро, размахивающая саблей и скачущая наперерез орде свирепых берберов. Она не побоялась рискнуть жизнью ради попавшего в беду товарища...

Макс содрогнулся.

Сможет ли он терпеть этот страх до конца жизни? Сможет ли повернуться и уйти, чтобы забыть о страхах?

Глава 20

Возможно, она действительно трусиха, размышляла Каро, когда ялик нес ее к пристани. Она решила высадиться одной из первых и поспешно спустилась по веревочному трапу, даже не оглянувшись на Макса и сосредоточившись на единственной цели: доставить Изабеллу домой.

Ни к чему затягивать прощание. Она не желала грустных жалких слов, слез или повторения вчерашнего спора. И все же нужно честно признать истинную причину ее поспешного побега: она боялась; что, если снова столкнется с ним, может устроить сцену, отказавшись от всех своих веских аргументов и умоляя его остаться.

Даже сейчас она ощущала, как пристальный взгляд Макса вонзается ей в спину. Но она не позволит себе думать о нем! Единственное, что сейчас важно, – помочь Изабелле снова вернуться к прежней жизни после тяжелого испытания.

Изображая энтузиазм, которого не испытывала, Каро принялась рассказывать Изабелле о переменах, случившихся во время ее долгого отсутствия.

На пристани уже ждал сэр Гавейн. Каро ничуть не удивилась его появлению. Дозорные на сторожевых башнях замка Олуэн высматривали их шхуну и, завидев ее, немедленно доложили хозяину.

Сэр Гавейн, как галантный придворный, почтительно

склонился над рукой Изабеллы и, довольно улыбнувшись, произнес:

– Добро пожаловать домой, миледи. Нам очень не хватало вас.

Изабелла залилась мелодичным смехом, сразу напомнив себя прежнюю – веселую, задорную кокетку.

– О, вы и не представляете, как я тосковала по вас, дорогой мой сэра Гавейн. В разлуке я изнемогала от тоски! поверьте, моя благодарность безгранична.

Каро часто гадала, были ли эти двое когда-то любовниками. Если это так, они хорошо умели скрывать свои чувства. И до нее никогда не доходили слухи на этот счет. Но неподдельное восхищение в глазах баронета ясно говорило о влечении к прелестной вдовушке. Впрочем, почти все мужчины рядом с Изабеллой испытывали те же чувства. Она умела одним взором сразить мужские сердца.

Гавейн с явным облегчением обернулся к Каро:

– Насколько я понимаю, все обошлось?

– Было несколько проблем, но ничего такого, что мы не смогли бы уладить. Райдер был ранен, но ничего серьезного.

– А мистер Лейтон. Он сумел показать себя?

Каро смущенно вспыхнула.

– Да, и еще как! Вы можете им гордиться. Сэр Гавейн торжественно кивнул:

– Меньшего я и не ожидал. Кстати, леди Изабелла, думаю, никакие неприятные расспросы вам не грозят. Очень немно-

гие знают о вашем похищении. Остальные уверены, что все это время вы путешествовали за границей. Но я бы просил вас скрыть наше участие в этой экспедиции. Будем считать, что вас никто не спасал.

– Вы можете на меня рассчитывать, – заверила Изабелла.

– Что же касается отсутствия багажа, предлагаю вам пожаловаться, что сундуки смыло за борт во время шторма.

– Какая жалость, – с улыбкой вздохнула она. – Все великолепные парижские платья лежат на морском дне!

Сэр Гавейн усадил дам в ландо и велел везти в поместье Изабеллы. Октябрьский ветер был довольно резким, но Изабелла настояла на том, чтобы опустить верх, и большую часть поездки сидела молча, наслаждаясь знакомыми видами оливковых рощ, виноградников и богатых ферм, залитых солнечным светом.

– Я и не сознавала, как люблю этот остров, пока не потеряла его навсегда, – вымолвила она, наконец.

Каро, как никто другой, понимала ее чувства. Она глубоко любила Кирену, но в отличие от подруги всегда считала, что ее место – только здесь. Остров стал частью ее самой. И если ей вдруг пришлось бы уехать и жить где-то еще, она считала бы, что лишилась чего-то очень важного.

Когда они въехали в железные ворота поместья и приблизились к большой асиенде, глаза Изабеллы наполнились слезами. Ее третий муж был богатым испанским дворянином и в своем завещании оставил ей это поместье вопреки всем обы-

чаем и протестам чопорных родственников, крайне разочарованных его выбором жены.

– Клянусь никогда больше не принимать все это как должное, – объявила Изабелла с пылом, не оставлявшим сомнения в серьезности ее слов.

Каро сама едва не заплакала, наблюдая радостную встречу Изабеллы со слугами. Слезы снова навернулись на ее глаза, когда подруга долго бродила по великолепному дому, бережно касаясь различных предметов, глядя на портреты, словно воскрешала дорогие ей воспоминания. И Каро еще раз поняла, какое место в сердце каждого человека должны занимать дом и очаг, какое это счастье – быть рядом с дорогими тебе людьми.

Но потом в своей типичной манере Изабелла стряхнула мрачное настроение и со смехом позвонила дворецкому, объявив, что до смерти устала от кофе и мятного пойла берберов и теперь жаждет получить чашку настоящего английского чая.

Кроме этого, она заказала на ужин ростбиф – еще одно английское блюдо, которого не пробовала много месяцев, – и умоляла Каро остаться и разделить с ней трапезу.

– Разумеется, останусь, сколько ты захочешь, – кивнула Каро. – Может, мне и переночевать здесь?

– Нет, дорогая, со мной все в порядке, особенно если подкреплюсь знакомой едой. Но ты можешь навестить меня завтра, если хоть ненадолго избавишься от своего доктора Ал-

ленби. Тебе, конечно, не терпится вернуться в его клинику и уйти в работу с головой. Но ты должна обещать, что каждый день будешь проводить со мной час-другой, по крайней мере пока я не приду в себя. Ничто не поможет мне оправиться быстрее, чем твое восхитительное общество.

– Даю слово, – улыбнулась Каро, – тем более что считаю тебя самым важным своим пациентом.

Только когда Каро поздним вечером вернулась домой, отчаяние и тоска, которые она весь день держала в узде, вернулись, чтобы терзать ее.

Она тщетно пыталась уснуть: перед глазами стоял Макс, и воспоминания о времени, проведенном вместе с ним, безжалостно вторгались в течение ее мыслей, глубоко ранив душу.

Боль продолжала расти, пока не вцепилась в грудь когтями. Макс еще не покинул остров, а она уже безутешна!

Горло перехватило слезами. Каро зарылась лицом в подушку, пытаясь сдержать рыдания. Она не позволит себе мечтать о том, что могло бы быть. У нее и Макса нет совместного будущего, а следовательно, какой смысл предаваться пустым мечтам?

Наутро, сразу после завтрака, она отправилась в клинику доктора Алленби. Тому стоило лишь взглянуть в усталые глаза, обведенные темными кругами, чтобы он приказал помощнице немедленно отправляться домой и лечь в постель.

– Уверяю, в этом нет необходимости, – запротестовала Каро. – Я совершенно здорова.

– А вот мне так не кажется, – буркнул доктор. – Похоже, эта миссия отняла у вас слишком много сил. Вид у вас совершенно больной.

– Да. Нам пришлось нелегко, но все закончилось благополучно. Покой, хорошая еда – вот все, что сейчас мне необходимо.

– Да уж, слышал, – недоверчиво усмехнулся доктор, – как вы полезли под берберские сабли и едва не погибли.

– А как же вы? – всполошилась Каро, пытаясь сменить тему. – Вы полностью оправились от вашей простуды?

– Более-менее.

– Вы тоже кажетесь мне измученным.

– Моя единственная беда в том, что я старею.

Каро молча согласилась. Пусть доктору стало легче, но та энергия, которая раньше была ключом, словно испарилась. Куда подевались его жизненные силы? Теперь он еще больше нуждался в ней.

– Что же, я готова приступить к обязанностям ассистента. Согласны вы или нет, но я намерена вам помогать.

– Как пожелаете, – проворчал Алленби. – Если не хотите послушаться доброго совета, по крайней мере, хоть пользу принесете.

С этого момента Каро целиком погрузилась в работу, прилагая все усилия, чтобы забыть человека, ставшего причиной ее бессонницы.

Верная обещанию, она виделась с Изабеллой каждый

день. Нужно было помочь подруге вернуться к прежней жизни. Сказать по чести, Изабелла не слишком нуждалась в ее поддержке. Популярность жизнерадостной вдовушки только возросла после долгого отсутствия, и общество радостно приняло ее в свои объятия. Она порхала с одного званого вечера на другой, не говоря уже о том, что в ее честь было дано несколько балов.

Сама Каро, однако, отвергала все приглашения, ведя существование отшельницы из опасения встретить Макса. Этого она не выдержит: раны еще слишком свежи и даже не начали подживать.

По этой причине она избегала всех своих друзей. Перестала осматривать рану Райдера, поскольку теперь тот мог обратиться к настоящему доктору. Отказывалась видеться с Торном, тем более что Макс по-прежнему гостил у него.

Так что всю следующую неделю они с Максом не виделись. Каро не слышала о нем ничего, хотя со дня на день ожидала известия о его отъезде в Англию.

Она твердила себе, что будет лучше, если он поскорее покинет Кирену. Тогда она сможет постараться начать новую жизнь. Может, тогда страдания и боль немного забудутся. А пока что она настолько угнетена, что даже по утрам с трудом заставляя себя вставать. Ее больше ничто не интересовало. Хотелось лежать и смотреть в потолок.

Даже красота острова потеряла свою утешительную силу. Она держалась как можно дальше от грота, римских разва-

лин и всего, что могло напомнить о Максе, включая замок сэра Гавейна.

Поняв, что не дождется ее появления, Джон Йейтс приехал сам с новостями о Ньюэмах. Каро была рада видеть, что он излечился от несчастной любви.

– Господи, каким же безмозглым идиотом нужно быть, чтобы так легко попасться на удочку! – сетовал он с улыбкой сожаления. – Полагаю, меня сбило с толку ее красивое личико. Но я все равно намереваюсь найти англичанина, который нанял Даниэлу, чтобы узнать имена «хранителей». И теперь, когда Изабелла благополучно вернулась, у нас достаточно агентов, чтобы провести полное расследование. Сэр Гавейн решил через несколько недель освободить Ньюэмов, но установит за ними слежку.

Каро была довольна, что в этой истории пострадала только гордость Джона. Но она с трудом заставила себя интересоваться Ньюэмами и их махинациями. Мысли ее были заняты совсем иным. Когда доктор Алленби не нуждался в ее услугах, она убивала время, объезжая остров на своей старенькой кобылке. Добиралась до высоких холмов на севере, оказываясь в зарослях папоротника-орляка, лавра, мирта и можжевельника. В это время года здесь царили яркие краски и тяжелые ароматы, а земляничные деревья, цветущие не весной, а осенью, казались охваченными пламенем.

Возвращаясь, Каро часто задерживалась в конюшне. Ей так хотелось поделиться своими секретами хотя бы с живот-

ным и иногда казалось, что кобылка сочувственно кивает, тяжело вздыхая.

Но чаще всего Каро тихо спорила сама с собой, повторяя все причины, по которым считала себя правой, когда отказалась от вынужденного предложения Макса.

– Я была бы ужасной женой, – твердила она, расчесывая гриву дремлющей лошади. – Представь только, я бы вечно сбегала из супружеской постели, спеша к пациенту! Или покидала бы Кирену, отправляясь на очередное задание, отсутствуя неделями или даже месяцами, а он тем временем терзался бы ужасными кошмарами обо мне... Нет, так гораздо лучше. Макс должен считать, что ему повезло и он отделался от меня, пока не стало слишком поздно.

Иногда она сетовала и роптала на судьбу и на самого Макса, жалея, что вообще встретила его.

До сих пор она была довольна своей жизнью, полной, насыщенной, не зависящей ни от одного мужчины. И до знакомства с Максом ее не угнетало одинокое существование.

А вот теперь она чувствовала себя поистине одинокой и такой несчастной, что сердце надсадно ныло. При одной мысли о пустом, холодном будущем без Макса на душе становилось так тоскливо, что она не могла сдержать слез.

Как-то, вернувшись с прогулки, она в самом деле зарыдала, сдавшись на милость тоски. Прислонилась к шее кобылки и стала лить слезы, выплакивая сердечную боль.

Немного успокоившись, она выпрямилась, чувствуя себя

совершенно вымотанной и словно оцепеневшей, хотя неумолимая боль по-прежнему рвала ее сердце на части. Интересно, можно ли умереть от этой боли?

Каро утерла слезы и вышла из конюшни. К ее досаде, оказалось, что леди Изабелла приехала и ждет в Голубой гостиной. Каро быстро растерла щеки, но от взгляда пронизательной подруги не ускользнули следы слез.

– Господи Боже, даты, никак, плакала?! – воскликнула Изабелла, отбрасывая книгу и резко вставая с дивана.

– Вовсе нет, – солгала Каро. – Просто что-то в глаз попало.

Ни на миг не поверив ей, Изабелла взяла Каро за руку и усадила рядом с собой.

– Ты должна рассказать, что тебя тревожит, дорогая. Всю последнюю неделю, с нашего возвращения из Берберии, ты сама не своя.

– Да нет же, – пробормотала она, но голос прозвучал неубедительно даже в ее собственных ушах.

– Полагаю, дело в твоём мистере Лейтоне.

Когда Каро молча поморщилась, чувственный рот Изабеллы неодобрительно сжался.

– Со временем ты его забудешь. Хотя это нелегко. Такие обаятельные люди всегда оставляют глубокий след в жизни женщины, – объявила она, окидывая Каро пронизательным взглядом. – И может, ты захочешь ускорить процесс? Немедленно обрати внимание на другого мужчину. На острове есть немало джентльменов, которые готовы на все ради тебя, если

ты только им позволишь. Разумеется, любая связь требует крайней осмотрительности и секретности.

Каро от неожиданности растерялась, не зная, что ответить. Не в силах поверить, что женщина, которая была для нее второй матерью, советует ей вступить с кем-то в связь.

– Предлагаешь мне взять любовника?

– Совершенно верно.

– Изабелла!

– Ты шокирована, дорогая? Не стоит. Ты уже взрослая, а женщина твоего возраста и энергии имеет свои потребности, как бы ты ни старалась это отрицать. Поверь, я тебя понимаю. И знаю, что такое настоящее одиночество, когда твою постель не согревает мужчина. Я только удивлена, что до сих пор ты предпочитала терпеть и отказывалась побаловать себя.

Каро, тряхнув головой, отвернулась. Другой ей не нужен. Все остальные по сравнению с Максом – просто бледные подобию мужчин. И теперь она точно знала, что другого любовника никогда не будет.

Изабелла, должно быть, прочла ее мысли, потому что задумчиво продолжала:

– Мистер Лейтон был очень расстроен, когда пришлось оставить тебя и ускакать. Он метался, как тигр в клетке, пока не стало ясно, что вы в безопасности. Думаю, это показывает, насколько ты ему небезразлична.

– Скорее насколько он человек ответственный. Пойми, он

был старшим отряда и не сумел спасти меня, оставив почти что в руках врага. После того, что ему пришлось пережить на войне, он не смог вынести мысли о том, что и моя кровь будет на его руках.

– И все же на корабле, когда я заметила, как он смотрит на тебя, в его глазах пылала страсть. Он увлечен тобой, Каро, это совершенно очевидно. Честно говоря, его желание казалось таким безграничным, что я даже надеялась, это приведет к чему-то большему, чем просто тайная связь. Возможно, к браку.

– Он делал мне предложение, – тихо призналась Каро. – Но я отказала.

Изабелла вскинула брови, но промолчала, терпеливо выжидая.

– Он просто старается выглядеть благородным, – выпалила Каро, – и сделал предложение, потому что считал, будто скомпрометировал меня.

– Но это не объясняет твоего отказа, – мягко заметила Изабелла.

– Не могу позволить, чтобы его вынудили жениться на мне. И не хотела, чтобы он посчитал себя обязанным вступить в орден. Раньше я надеялась, что он захочет стать «хранителем». Была почти уверена, что, если он вместе с нами отправится спасать тебя, поймет, сколько добра мы можем сделать, и решит стать одним из нас. Но после того, что случилось в Африке, я больше не верю, что для него этот выбор

правилен. Не хочу, чтобы он чувствовал себя как в ловушке. Вел жизнь, которая принесет ему только боль и страдания...

– Но что мешает тебе поселиться с ним в Англии? Я знаю, Кирена – твой дом... знаю, как ты ее любишь... но неужели откажешься уехать, если это означает потерю возлюбленного?

У Каро сжалось сердце. Нет. Она не откажется уехать, если отказ означает, что Макс будет потерян навсегда. Она совсем недавно поняла это.

Макс для нее важнее любимого острова. Важнее призвания медика. Даже важнее, чем миссия «хранителя». Она сможет жить с ним где угодно... если он захочет. Но захочет ли?

– Что ты испытываешь к своему Максусу? – неожиданно спросила Изабелла. – Возможно ли, что ты его любишь?

– Возможно. Еще как возможно...

Каро в отчаянии прикусила губу. Она любила Макса с силой, пугавшей ее. Сколько времени она отрекалась от своих чувств, отказывалась признать сокрушительную правду: она отдала сердце Максусу едва не с первой встречи... вернее, в их первую волшебную ночь вместе.

Наверное, это было неизбежно. Как не любить такого необыкновенного человека? Его нежность, забота, страсть разрушили ее предубеждения против мужчин. И она позволила, чтобы это случилось.

Закрыв лицо руками, Каро тоскливо застонала. Как могла

она совершить столь ужасную ошибку, влюбившись в Макса? Она ни за что не поверит, что он испытывает к ней те же чувства. Даже делая предложение, он ни словом не упомянул о любви. А потом все закончилось ночью страсти... и снова о любви речи не шло. Но ведь если бы он действительно любил ее, наверняка признался бы... или считает это не важным, учитывая его откровенное нежелание стать «хранителем»... тем более что знает, как сильно она хочет остаться здесь, на Кирене. Или снова хочет совершить благородный поступок?

Странная смесь надежды и страха росла в душе Каро, она опустила руки.

– Ты права, Изабелла. Я действительно люблю его. Так сильно, что умираю от любви. Но не знаю, отвечает ли он тем же.

– В таком случае тебе просто придется заставить его полюбить, – объявила Изабелла с непоколебимой уверенностью женщины, которая видела немало мужчин у своих ног.

Каро смерила подругу скептическим взглядом.

– По-моему, невозможно заставить мужчину влюбиться в тебя, – пожала она плечами.

– Ты так думаешь? – улыбнулась Изабелла. – Это не сложно. Особенно если мужчина уже почти влюблен, как твой мистер Лейтон. Я всегда смогу дать тебе совет, как себя вести.

– Значит, по-твоему, я должна гоняться за ним? Но Макс всегда ненавидел брачную погоню и преследовательниц. Это одна из причин его приезда на Кирену – желание скрыться

от женщин, которые не давали ему проходу.

– Знаешь, я думаю, что, если ты искренне его любишь, было бы глупо упустить такого мужчину. Истинная любовь слишком редка, чтобы отречься от нее. Ты ведь хочешь завоевать его сердце, верно?

Каро умоляюще смотрела на подругу. О, как отчаянно она хотела, чтобы Макс любил ее!

– Хочу. Конечно, хочу! Но что, если он уже покинул Кирену? Я боялась спрашивать, но он, возможно, успел вернуться в Англию.

– В таком случае ты должна последовать за ним.

Да, разумеется. Если Макс уехал, она последует за ним. Если он не может стать «хранителем», если не вынесет жизни на Кирене рядом с ней, тогда она отправится с ним, потому что не в силах жить без него. Вот и все. Она сделает все, чтобы завоевать его любовь.

Но в этот момент в дверях появился слуга с серебряным блюдом.

– Записка от лорда Торна для вас, мисс Иверс.

Гадая, с чего это вдруг Торн вздумал ей писать, Каро сломала печать и развернула бумагу.

И, не успев прочитать первую фразу, едва не лишилась чувств.

– Господи милостивый...

– Что случилось? – встревожилась Изабелла. – Ты побледнела, как призрак.

– Макс... – прохрипела Каро. – Он смертельно болен!

Торн велел мне немедленно приехать.

Изабелла вскочила.

– Не может быть!

Каро схватилась за голову. – Макс умирает...

Глава 21

Изабелла приказала немедленно подать экипаж, но Каро была слишком расстроена, чтобы править. Вне себя от тревоги, она металась по комнате, не зная, какие лекарства взять с собой. Неужели Макс действительно на смертном одре?

И хотя во время бесконечного путешествия на виллу Торна Изабелла, как могла, старалась успокоить подругу, Каро дрожала в нервном ознобе.

Едва лошади остановились, она выскочила, взлетела на крыльцо и, не дожидаясь, пока о ней доложат, ворвалась в дверь и насмерть испугала лакея, полировавшего бронзовую статую в вестибюле. Когда же Каро потребовала немедленно сказать, где он, окончательно выведенный из себя слуга устоял на нее как на сумасшедшую.

В следующую минуту из кабинета вышел Торн, словно ожидал ее приезда.

– Макс... где он? – взмолилась Каро дрожащим голосом.

Торн задумчиво прищурился и показал на парадную лестницу:

– Наверху, третья спальня справа. Но, Каро...

Она не стала выяснять, хотел ли он ободрить ее или предупредить о тяжелом состоянии Макса. Ей нужно убедиться самой.

Она взбежала по ступенькам, спотыкаясь, едва не падая,

и помчалась по коридору. Правда, годы работы с пациентами заставили ее вспомнить о необходимости вести себя тихо в присутствии умирающего. Отчаянно стараясь овладеть собой, Каро приоткрыла третью дверь справа.

Она ожидала худшего, но при виде открывшейся ее глазам сцены застыла на пороге. Макс действительно лежал на огромной кровати под балдахинном, подложив под спину подушки. Только вот растянулся он поперек покрывала и, небрежно согнув ногу в колене, что-то читал. Кроме того, он был полностью одет: брюки, сапоги, темно-красный сюртук идеального покроя, как подобает богатому джентльмену. Ничуть не похож на умирающего.

Услышав шум, он поднял глаза, и Каро невольно вздрогнула.

Он показался ей самым воплощением здоровья. Что же тут творится?

Рука Каро легла на грудь, где сердце до сих пор билось в бешеном ритме.

Под ее неотступным взглядом его губы скривились в подобии улыбки.

– Признаюсь, я польщен такой спешкой.

– Н-не понимаю... Торн пишет, что ты находишься в критическом состоянии.

– Так оно и есть. Но доктор Алленби заявляет, что ничего не может для меня сделать. Ты единственная, кто способен излечить меня, Каро.

– Так ты вовсе не умираешь? – выдохнула она, шагнув ближе.

– Не совсем, – кивнул он, откладывая книгу. – Ты отказала мне, и я должен знать почему.

Она не сразу поняла смысл его слов... но успела сообразить, что ее одурачили! Несмотря на невероятное облегчение, злость и вспыльчивость взяли верх. Каро с силой захлопнула за собой дверь и яростно прищурилась:

– Ты... ты подонок! Перепугал меня! Я подумала, что ты умираешь!

– По крайней мере, теперь я знаю, что небезразличен тебе.

У нее руки чесались отхлестать его. Сжав кулаки, Каро промаршировала к кровати, но, когда попыталась ударить его, Макс поймал ее запястье и потянул вниз. Прежде чем она успела опомниться, он накрыл ее тело своим и поднял ее руки над головой.

Каро принялась вырываться, злобно шипя:

– Клянусь, я с удовольствием пустила бы тебе пулю в лоб за то, что ты заставил меня пережить!

Улыбка Макса исчезла.

– Может, теперь, – серьезно заметил он, – ты поймешь, что я испытал в Берберии, представляя тебя раненой или убитой.

Каро резко выдернула руки.

– Значит, вот что кроется за твоей гнусной уловкой?! – завопила она и, сбросив его с себя, вскочила, развернулась и гневно подбоченилась. – Решил наказать меня за то, что

вынес в Берберии?

– Вовсе нет. Хотел, чтобы ты дала мне шанс высказаться и объясниться.

– Что именно ты собрался объяснять?

– Садись, и я все расскажу. – Макс показал на большое мягкое кресло, стоявшее у кровати.

Каро поняла, что он планировал эту встречу и вряд ли успокоится, пока она его не выслушает.

Все еще кипя гневом, она, однако, смирилась.

– Предпочитаю стоять, – пробормотала она, скрестив руки на груди. – Итак?

Макс долго изучал ее вызывающую позу, затем провел рукой по волосам и выпрямился.

– Позволь сказать, что я не совсем обманул тебя. Правда заключается в том, что я страдаю от невыносимой боли и отчаянно нуждаюсь в исцелении.

– И что же такое с тобой стряслось? – откровенно скептически осведомилась она.

Макс торжественно положил руку на сердце:

– Оно кровоточит с тех пор, как ты изгнала меня из своей жизни.

– Ничего у тебя не кровоточит, негодяй ты этакий! – процедила она и, окинув его уничтожающим взглядом, направилась к двери.

Но он остановил ее несколькими простыми словами:

– Я присоединился к «хранителям».

Каро громко ахнула и, словно окаменев, долго не могла сдвинуться с места. Наконец она медленно повернулась и ошеломленно уставилась на него, недоверчиво хмурясь.

– Э-это правда? – пролепетала она заикаясь. – Ведь ты не станешь дразнить меня, когда речь идет о священных вещах?

– Ты достаточно хорошо знаешь меня, ангел, чтобы понять: я никогда не стал бы шутить на подобные темы.

И тут Каро бессильно опустилась в кресло: ноги ее не держали. Во взгляде засветилась надежда. Если это правда, если Макс стал одним из «хранителей», значит... значит, еще не все потеряно. Остается только немного прийти в себя.

– Почему? – неожиданно спросила она.

Макс свесил ноги с кровати и оказался лицом к лицу с Каро.

– После возвращения из Берберии я много думал. И знаешь, произошла некая переоценка ценностей. – Опершись ладонями о бедра, он подался вперед и прямо взглянул в глаза Каро. – Ты была права, Каро. Мне необходима цель в жизни. Нечто имеющее истинный смысл. Разумеется, я мог бы вернуться в Англию. Когда-нибудь я унаследую титул и богатство дядюшки, что вполне гарантирует мне беззаботное и легкое существование, без тревог и опасностей. Но боюсь, бессмысленность этого существования уже через пару месяцев свела бы меня с ума.

Каро невольно улыбнулась:

– Тут ты прав. Вероятно, так оно и было бы.

Уголки его губ чуть приподнялись, но взгляд по-прежнему оставался пристальным.

– Поэтому я заключил, что будет лучше, если у меня найдется какое-то занятие. Думаю, из меня выйдет неплохой «хранитель», а мой опыт может оказаться достаточно полезным при выполнении сложных заданий.

Каро серьезно кивнула:

– У очень немногих людей найдется столько умения и преданности, чтобы стать членами нашего ордена, Макс, и ты – один из них. Но... как насчет твоих кошмаров? •

Его глаза потемнели.

– Я с ними еще не справился. И может, они никогда не уйдут. Но за прошлую бесконечную неделю я наконец что-то стал понимать.

– Понимать? Что именно?

– Я так боялся потерять дорогих мне людей, что лишился способности жить.

Каро промолчала, боясь расплескать наполнявшую ее радость.

– Может, я и не могу управлять судьбой, – тихо признался Макс, – и не сумею гарантировать победу. И кто знает, может, и потеряю людей, которых люблю. Но стремиться к цели и проиграть все же лучше, чем жить, как в раковине, опасаясь всего на свете, без радости и счастья, без близких и родных. – Он сжал ее руки. – Ты – моя радость и счастье, Каро.

– О, Макс, – прохрипела она, громко всхлипнув. Его взгляд смягчился, но руки так и не разжались.

– Я не сразу понял это. Слишком долго я мечтал о тебе. Ты была моим ангелом-хранителем, любящим духом, который заботился обо мне и помог выжить в этот последний адский год войны. Но даже после этого ты не давала мне покоя. Я был одержим очаровательной женщиной, которая предложила мне утешение. Потом я снова увидел тебя в Лондоне и... и ощутил ту же самую связь между нами.

Он выпустил ее руку и нежно погладил по щеке.

– Я вернулся на Кирену, потому что хотел удостовериться, что все мои чувства реальны. Опасался, что это просто фантазия; возникшая в моем лихорадочном мозгу солдата, а волшебство той ночи – всего лишь чары, наведенные магией острова. Решил узнать, действительно ли страсть, которую мы делили той ночью, так всесокрушающа. Я нашел все ответы, Каро. И очарован тобой еще больше, чем прежде.

Каро прикрыла глаза, потрясенная безумным водоворотом эмоций, захваченная отчаянным желанием, расцветшим в сердце.

Макс встал и поднял ее на ноги.

– Знаю, ты считаешь, что я сделал предложение из чувства чести. Но ты ошибаешься. Я хочу, чтобы ты была моей женой, Каро. – Он сжал ладонями ее лицо и чуть коснулся губами губ. – Я действительно истекаю кровью. Ты хотела отослать меня, но я скорее вырежу себе сердце, чем расста-

нусь с тобой. Я люблю тебя, Каро.

Он увидел в ее глазах изумление и сомнение. Однако она долго молчала, прежде чем заговорить.

– Ты... действительно любишь меня?

– Так сильно, что это меня пугает.

Слезы покатались по ее щекам, терзая душу Макса.

– Господи, милая, только не плачь! У тебя нет причин плакать!

– Есть! Мне и в голову не приходило, что ты можешь меня полюбить.

– Иди ко мне.

И когда его руки обвили ее плечи, она спрятала лицо на его груди, пытаясь остановить поток слез. Макс прижал губы к ее волосам.

– Не знаю, смогу ли перенести ужас потери, но я абсолютно уверен в одном: без тебя мне не жить. Ты вернула мне радость жизни. Ты дала ей смысл. Ты – моя жизнь. Без тебя я только существовал.

Каро беспомощно всхлипнула. Наверное, не стоит сдерживаться: ведь она плачет от счастья!

– Знаешь, думаю, я полюбил тебя с нашей первой ночи в развалинах, – тихо признался он.

– Я тоже, Макс. В ту ночь я безнадежно в тебя влюбилась.

Он отстранился, пристально изучая ее лицо.

– Это правда?

– Конечно. О, Макс. Я так тебя люблю, что выразить не

могу. Ты для меня – все на свете.

Прерывистый звук, вырвавшийся из его горла, выражал и торжество, и благодарственную молитву. Каро не успела опомниться, как он подхватил ее и закружил, стискивая так яростно, что заныли ребра.

Наконец он поставил Каро на пол. Перед глазами все плыло, но она смеялась сквозь слезы. Макс продолжал крепко обнимать ее и, кажется, вовек не собирался отпускать.

– Если ты любишь меня, какого черта отказала? Каро шмыгнула носом и нерешительно улыбнулась:

– Я хотела, чтобы ты сам выбрал свою судьбу. Чтобы никто не принуждал тебя жениться на мне или вступать в наш орден из чувства долга. Не могла видеть, как ты терзаешься из-за меня. И знала, что ты снова будешь страдать от кошмаров, если не сможешь смириться с тем, что я «хранитель».

– С этим я смирился, – заверил он, хмурясь. – Хотя не могу поклясться, что не буду тревожиться, когда ты уедешь на задание, но придется держать в узде мои защитные инстинкты.

– Даже если иногда мне прикажут уехать без тебя?

– Даже в этом случае.

Она прерывисто вздохнула и снова прижалась к нему.

– Я все еще не верю, что ты стал «хранителем».

– Думаю, Филипп тоже хотел бы такой участи для меня, – тихо признался он.

Сердце Каро заныло от жалости к этому сильному чело-

веку.

– Я тоже так всегда считала. Но распрощалась с надеждой.

– Зато сэр Гавейн по-прежнему надеялся, – возразил Макс, – и очень обрадовался, когда получил мое согласие. Наверное, ему не слишком хотелось изгонять меня с острова.

– Я намеревалась жить с тобой в Англии, если другого выхода не будет, – выпалила Каро.

Макс замер.

– И ты принесла бы для меня эту жертву?

– Да. Но теперь выходит, что жертву приносишь ты.

– О нет, это не жертва, дорогая. Кирена, как тебе известно, – настоящий рай, и не только для влюбленных. И я буду счастлив жить с тобой где угодно. В любом случае я не попрошу тебя отказаться от карьеры медика, тем более что она жизненно важна для тебя. Но при этом решительно намерен привезти на Кирену хирурга, который заменит Алленби, чтобы ты не довела себя до полусмерти, занимаясь его пациентами. Тебе придется простить меня, даже если посчитаешь чересчур большим эгоистом, но я очень хочу проводить с тобой побольше времени.

Каро подняла на него улыбающиеся глаза.

– Ты в самом деле думаешь, что найдешь достаточно отважного доктора, который решил бы провести жизнь в этой глуши?

– Абсолютно в этом уверен. Я знаю нескольких превосходных военных врачей, которые после войны остались без

работы и наверняка согласятся занять должность Алленби. Обещаю тебе убедить хотя бы одного обосноваться здесь.

Она коснулась губами его щеки и недоверчиво покачала головой:

– Макс, ты действительно хочешь жениться на мне? Но какая из меня жена? Если я останусь ассистентом доктора Алленби, меня в любую минуту могут вызвать к пациенту, не важно, днем или ночью, а ведь такие визиты занимают немало времени.

– Мне все равно! – воскликнул Макс. – Я хочу жениться на тебе, любимая, и не приму отказа. Если ты на этот раз не согласишься, стану донимать тебя, пока ты не сдашься.

Каро засмеялась сквозь слезы:

– Тогда, полагаю, мне придется сдаться.

Когда его губы растянулись в медленной неотразимой улыбке, Каро снова закрыла глаза, умирая от желания ущипнуть себя и убедиться, что это не сон.

Макс, похоже, испытывал то же самое.

– Повтори еще раз, ангел. Скажи, что любишь меня.

– Я люблю тебя, Макс Лейтон. И буду любить сейчас, всегда и вечно, – прошептала она, глядя его угольно-черные волосы. – Но лучше уж я тебе покажу.

Она снова поцеловала его, медленно, нежно, обводя языком контуры его губ.

Желание мгновенно захлестнуло Макса. Он сжал Каро в объятиях, упиваясь ее вкусом, вбирая его в себя. После всех

сомнений и страданий последних недель он казался себе иссушенной солнцем пустыней, жаждавшей плодородного дождя, имя которому было Каро.

И, словно дождь, она дала его телу жизненную энергию: он умирал от желания.

Макс услышал собственный стон, тихий вздох Каро, страстно ответившей на поцелуй. И все же геркулесовым усилием оторвался от нее, поднял голову и, тяжело дыша, стиснул зубы. Только бы потушить огонь, пылающий в его чреслах!

– Довольно! – хрипло выдавил он. – Если мы будем продолжать в том же духе, я возьму тебя здесь и немедленно! Как бы сильно я ни хотел тебя, ангел, все же не собираюсь ложиться с тобой в постель, пока мы не обвенчаемся!

Кое-как вывернувшись из ее объятий, Макс бросился на кровать и прислонился к изголовью. Теперь, оказавшись на безопасном расстоянии, он облегченно вздохнул.

Каро, явно сбитая с толку, недоуменно уставилась на него.

– Мне сказали, – объявил Макс с болезненной улыбкой, – что можно обратиться к епископу в Гибралтаре за специальным разрешением на брак, чтобы не пришлось ждать три недели, пока в церкви читают оглашение. Но и без того на беготню уйдет почти вся неделя.

Смущение Каро сменилось улыбкой.

– Будь мы в море, капитан Беддик мог бы нас поженить, – подсказала она, ложась рядом.

– Но я хочу настоящую свадьбу. Хочу, чтобы весь мир узнал, что ты моя.

Встав на колени, она подвинулась ближе к Максу.

– Неужели придется ждать так долго? – пожаловалась она, кокетливо проводя пальчиком по его груди и берясь за пуговицу жилета.

Макс, пожившись, поймал ее руку и поспешно отвел.

– Прошу вести себя прилично, ведьмочка! Торн вырежет мою печень, если я снова стану любить тебя без благословения церкви. Я и без того едва сумел убедить его написать записку, чтобы заманить тебя сюда.

Каро неожиданно нахмурилась:

– Торн был с тобой в сговоре? Дьявол его побери! Это я вырежу его печень за то, что так меня перепугал!

– Не стоит его осуждать. Он всего лишь хотел убедиться, что я еще раз сделаю тебе предложение. Мало того, он ждет внизу, желая узнать, чем все это кончится и удалось ли мне тебя уговорить.

Каро, ничуть не умиротворенная, раздраженно поджала губы.

– Полагаю, стоит обо всем сообщить Изабелле. Нужно срочно дать ей знать, что ты вовсе не лежишь на смертном одре. Она приехала сюда со мной, опасаясь за твою жизнь.

– Должно быть, Торн уже успел объяснить ей, почему я прибег к этой уловке, – отмахнулся Макс и задумчиво воззрился на Каро. – Кстати, как она воспримет новость о на-

шей свадьбе?

– Она, вне всякого сомнения, будет в восторге, – медово улыбнулась Каро. – Несмотря на то обстоятельство, что всего час назад уговаривала меня взять нового любовника и поскорее забыть тебя.

– Вот как? – процедил Макс, зловеще прищурившись.

– Только потому, что она видела, как я несчастна. Я уже думала, что потеряла тебя.

– Вижу, мне придется серьезно поговорить с леди Изабеллой. Предупреждаю, пока я не испустил последний вздох, других любовников у тебя не будет.

Улыбка Каро смягчилась.

– Тебе не стоит волноваться, Макс. Мне никогда, никогда не будет нужен никто другой, кроме тебя.

– И мне нужна только ты, моя волшебница, мой добрый ангел, – прошептал он, блестя синими сапфирами глаз. И в глубине этих глаз таилась любовь, потрясая Каро до глубины души. Она осторожно погладила его щеку. Исстрадавшееся сердце было до краев переполнено радостью, но все же она хотела дать Максу последнюю возможность отступить, прежде чем он навеки решит свою судьбу.

– Макс, ты действительно уверен, что хочешь жениться на мне? – робко спросила она. – Я согласилась бы остаться твоей любовницей.

Макс повернул голову и поцеловал ее ладонь.

– Но я не согласен. Я хочу, чтобы ты стала моей женой.

Хочу быть твоим мужем. Хочу состариться и посидеть рядом с тобой и остаться твоим единственным возлюбленным.

Улыбка, озарившая ее лицо, была такой сияющей, что Макс невольно зажмурился. Только сейчас он понял: Каро так и не поверила, что может быть любимой и желанной.

Как ни опасался он потерять самообладание, все же прижал Каро к себе, зарылся лицом в ее волосы и с наслаждением стал вдыхать знакомый аромат. Пусть без слов поймет, как он любит ее.

Каро прерывисто вздохнула, прильнула к нему, и неистовство обуяло Макса.

Он мечтал, что Каро будет его возлюбленной. Всю жизнь. И все же этого недостаточно. Даже ее любви ему недостаточно. Он жаждал завладеть ее душой. Точно так же, как ей удалось завладеть им. Целиком. До конца их дней. И ему доставит величайшее наслаждение убеждать свою прелестную невесту в этом неоспоримом факте.

Эпилог

Факелы пылали на стенах подземной пещеры, отбрасывая ослепительный свет на собравшихся у алтаря. Сегодня в скромной церемонии и узком кругу Макса посвящали в «хранители».

Ритуал инициации в члены ордена был простым, но торжественным. Макс стоял перед алтарем, за которым возвышался сэра Гавейн, и клялся защищать и охранять идеалы, столь дорогие для «хранителей». Потом, приказав Максу встать на колени, сэра Гавейн поднял великолепный меч эскалибур.

Свет отражался в драгоценных камнях рукояти, наполняя Макса тем же ощущением благоговения и восхищения, как при первом взгляде на легендарное оружие. И когда тяжелое стальное лезвие, как полагалось правилами, коснулось его плеча, он мог бы поклясться, что живительный поток энергии влился в его кровь, почти сжигая плоть. И в то же время необычайное спокойствие, мир и сознание правоты содеянного преисполнили его.

– Отныне ты – «Хранитель меча», – громко объявил сэра Гавейн.

Когда Макс поднялся, его молодая жена выступила вперед. Ослепительная улыбка соперничала сиянием со светом факелов.

Макс знал, что Каро просто хотела обнять его, но он схватил ее в объятия и завладел губами в неистовом поцелуе. В первый миг она растерянно застыла, но тут же с очевидным пылом вернула поцелуй. Ее чувственный голод был под стать его страсти, и окружающие мгновенно поняли, как трудно было этой парочке выдерживать обет целомудрия.

Поцелуй длился так долго, что сэр Гавейн, не выдержав, дипломатично откашлялся. Красная от смущения, Каро поспешно отстранилась, подавляя инстинктивное желание спрятаться в темном углу и заткнуть уши, чтобы не слышать веселого мужского смеха, эхом отдававшегося под сводами пещеры.

Торн, стоявший за спиной баронета, кивал с видом снисходительного старшего брата. Джон Йейтс так и светился радостью, а Сантос Верра растянул рот в улыбке едва не до ушей. Райдер, оправившийся от раны, стоял рядом с графом Хокхерстом.

– Очевидно, Лейтон, – сухо протянул последний, – никто не известил вас, что поцелуи не являются частью церемонии посвящения.

Макс ухмыльнулся, но без всякого раскаяния продолжал властно обнимать новобрачную. Он впервые получил возможность коснуться Каро после свадьбы, состоявшейся всего несколько часов назад.

Они обвенчались в парадном зале замка сразу же после полудня. Казалось совершенно естественным, что сэр Га-

вейн выступил в роли посаженного отца и отдавал невесту жениху.

Свадебный завтрак, последовавший после венчания, обернулся настоящим пиршеством, продолжавшимся целый день. Гости все еще весело праздновали, когда ближайшие друзья Каро и несколько «хранителей» выскользнули за дверь и коридорами прошли к лестнице, перебрались через подземное озеро в каменную комнату, где был спрятан волшебный меч.

Теперь сэр Гавейн осторожно водрузил его на алтарь. «Хранители» по очереди сердечно пожимали руку новому члену ордена и обнимали новобрачную.

Последним подошел сэр Гавейн и поцеловал Каро в щеку. Глаза старого рыцаря затуманились.

– Желаю вам долгой и счастливой жизни вместе.

Радостно улыбаясь, она взяла Макса под руку.

– Я очень надеюсь, что так и будет.

– Что же, – пробормотал баронет, – теперь стоило бы вернуться к гостям, пока нас не хватились.

Макс в последний раз оглянулся на великолепный меч и поднялся вслед за Каро по каменным ступенькам. «Хранители» расселись по двум шлюпкам, и Торн взялся за весла.

Они отправились назад по прежнему маршруту, очутившись в гигантской пещере с фантастическими фигурами, и вновь пересекли темное, поблескивающее серебром озеро. Макс восхищенно осматривался, так и не успев привыкнуть

к подземным чудесам.

Приблизившись к маленькому причалу, они пришвартовали шлюпки, поднялись в подземелье и, пройдя теми же коридорами и комнатами, очутились в парадном зале.

Их приветствовали нестройные звуки: музыканты настраивали инструменты, готовясь открыть танцы. Гостям было заранее объявлено об ужине и последующем бале, который продолжится почти до утра.

– Ты должна обещать мне танец, любовь моя, – коварно ухмыльнулся Торн. Вечно он найдет повод поддеть ее, тем более что прекрасно знает, как она всегда презирала танцы. Но это было до того, как Макс научил ее вальсировать!

Она не успела ответить, как Макс покачал головой:

– Прости, старина, но тебе придется подождать другого раза. Мы не собираемся дожидаться танцев.

– Вечно отравят людям праздничное настроение, – пробурчал Торн.

– Лучше иди найди себе свою невесту, если уж так нуждаешься в партнерше, – парировал Макс.

Торн смеясь поднял руки, словно желая отогнать самую мысль о таком кощунстве.

– Умоляю, не нужно желать мне столь жестокой судьбы только потому, что ты сам нашел единственную женщину в мире, за которую не жалко отдать целое королевство.

– Куда больше, чем всего лишь королевство, – покачал головой Макс, глядя на Каро. Его теплый, нежный взгляд со-

грел ее сердце. А когда он привлек ее к себе, она с наслаждением ощутила скрытую силу рук и жар его тела.

В этот момент доктор Алленби отошел от веселой компании и направился к ним. Он не участвовал в церемонии, поскольку официально не был «хранителем», но знал об их ордене достаточно, чтобы догадаться о том, что сейчас произошло.

Он сжал руку Макса, тихо поздравил, прежде чем отечески поцеловать Каро в щеку.

– Ты воистину ослепительна, дорогая моя. И я беру назад все уничижительные высказывания о твоём мужчине. Он не так плох, как я опасался.

– Нет, – смеясь согласилась Каро, – он совсем не плох. Можно сказать даже, что нам крайне повезло иметь его в нашем кругу.

Доктор Алленби нехотя проворчал что-то в знак согласия. Макс счел нужным поспешно вмешаться.

– Доктор, прошу нас извинить, – бросил он и, не дожидаясь ответа, отвел Каро в сторону. А когда наклонился к ее уху, прикосновение теплых губ заставило ее вздрогнуть. – Думаю, нам пора удалиться, дорогая. Ты не против?

Чувственный блеск его глаз заставил сильнее забиться сердце. Она без труда прочла его безмолвную просьбу. Ему не терпелось остаться с ней наедине. Овладеть безмерно желанным телом.

– Но сначала я должна попрощаться с Изабеллой, – запи-

наясь ответила она, охваченная столь же безмерным желанием.

– Хорошо, только поторопись. Я больше не в силах владеть собой и готов перекинуть тебя через плечо, похитить и донести до первого же укромного уголка, где сделаю с тобой все, что захочу.

Они нашли Изабеллу в кругу полудюжины обожателей, восхищенно взиравших на своего кумира. Заметив новобрачных, она извинилась, встала и с любящей улыбкой заключила Каро в мягкие, душистые объятия.

– Мое сердце радуется, когда ты так счастлива, дорогая.

– Я действительно счастлива, Изабелла. Безумно. Но ты простишь, если мы уйдем прямо сейчас? В конце концов, сегодня наша брачная ночь.

– Бегите, – засмеялась Изабелла. – Я не настолько стара, чтобы не помнить, каково это – иметь в мужьях красивого повесу.

Парочка молча прокралась к выходу и рука об руку направилась к конюшне, где Макс уже приготовил все к их побегу, включая лошадей и припасы на несколько дней.

Он помог Каро сесть в седло, сам сел позади и обнял ее за талию. Ноябрьское солнце уже садилось, но в воздухе еще держалось тепло, и согреть жену не было нужды, однако Макс так давно мечтал прижать ее к себе!

Они повернули на север, решив навестить тайный грот, а потом провести ночь в римских развалинах. К тому времени,

когда они стали пробираться через лабиринт мирта и сосны, сумерки еще не сгустились и заходящее солнце бросало золотистые отблески на девственную местность.

Чувство необычайного довольства охватило Макса. Теперь он дома. Потому что Кирена и есть его истинный дом. Он всегда будет дома, пока в его объятиях возлюбленная Каро.

Пусть этот остров – настоящее святилище, но именно Каро исцелила его и помогла вернуться к жизни. Заставила снова увидеть красоту окружающего мира.

Кирена еще и настоящий чувственный рай, где все ощущения необычайно обостряются, но глубочайшее наслаждение он испытал только благодаря этой необыкновенной женщине.

Когда она прижалась к нему и вздохнула, желание, настоящее и жаркое, сжало его внутренности. Болезненно морщась, Макс прикрыл глаза. Какое счастье, что ожидание почти закончено и он может сделать ее своей женой по-настоящему. В мыслях он уже был в ней, пробуя на вкус, владея, даря наслаждение... Любя ее.

Он стал «хранителем» во всех смыслах этого слова, когда принес обеты оборонять и защищать орден.

Теперь он – защитник Каро, хранитель ее сердца. И вручил ей свое.

Он прижался губами к ее лбу, безмолвно рассказывая о своей любви.

– О чем ты сейчас думаешь? – пробормотала она.

– О том, как мне повезло встретить тебя.

Она мечтательно вздохнула и снова положила голову ему на плечо.

Солнце было уже почти за линией горизонта, когда они оказались в своем тайном убежище. Сверкающие золотисто-розовые лучи отбрасывали яркий свет, превративший озеро в россыпь драгоценных камней, а затянутый туманом водопад – в расплавленную лаву.

Пораженные сказочным зрелищем, они остановились полюбоваться их собственным раем. Но несколько минут спустя, гонимые более земным желанием, пришпорили коня.

Каро распрягала выучную лошадь, пока Макс относил в грот припасы и снаряжение и разжигал жаровню к их возвращению поздно ночью. Выйдя наружу, он увидел Каро, стоявшую у входа и зачарованно смотревшую на волшебный закат.

– Как красиво, – прошептала она почти благоговейно. Макс молча кивнул. У него самого перехватило дыхание от великолепия окружающего пейзажа. Но все же, покачав головой, он обнял ее сзади.

– Далеко не так, как прелесть моей жены. Каро тихо рассмеялась:

– Макс, теперь уже совершенно не обязательно осыпать меня комплиментами. Я и так знаю, что ты желаешь меня.

– Но еще недостаточно убеждена, – объявил он, стиснув ее

изо всех сил. – Повторяй за мной: я самая привлекательная женщина, которую только способен хотеть мужчина. Желанная, любимая и обожаемая своим чудесным мужем.

Ее смех прозвенел колокольчиком, потревожив тишину убежища, но она послушно повторила сказанное, слово за словом.

– Не слишком удачно, моя милая соблазнительница, – объявил Макс. – Я все еще слышу в твоём голосе нотки сомнения. Пойми, ты действительно необыкновенная.

Каро, улыбаясь, обхватила его за шею.

– Так или иначе, я рада, что ты этому веришь.

– Самым искренним образом. И думаю, наши дети тоже будут необыкновенными.

Каро замерла, все еще всматриваясь в его лицо.

– Ты действительно хочешь детей, Макс? Я знаю, что ты будешь заботливым, преданным отцом. Но снова рискуешь собственным сердцем.

– Я прекрасно понимаю это, любимая. Но готов терпеть. Я хочу, чтобы у нас была настоящая семья.

Завороженная игрой эмоций в его глазах, она тихо попросила:

– Тогда дай мне ребенка, Макс.

Его сияющая почти неземным светом улыбка глубоко тронула Каро. Он молча взял ее за руку и повел к лошади.

К тому времени, как они добрались до римских развалин, вокруг уже сгустилась ночь. Но над горизонтом взошла лу-

на, освещающая им путь. Они остановились у купален, упиваясь новым, поразительно живописным пейзажем: спокойное, поблескивающее Средиземное море у подножия скалы. Серебристые, расположенные на уступах бассейны прятались в ночных тенях.

Для Каро развалины несли в себе то же очарование, что и год назад, а может, и большее, потому что теперь Макс был не только ее возлюбленным, но и мужем. Но на этот раз безмятежность руин вторила безмятежности ее сердца.

Макс помог ей подняться по ступенькам и устроил постель из одеял у центрального бассейна, где они впервые познали взаимную страсть. От воды шло приятное тепло, и поэтому они не спеша раздели друг друга, счастливые быть наконец вместе.

Пока он сбрасывал рубашку, Каро скользнула под одеяла, нетерпеливо ожидая его прикосновения. Безумное желание, пробужденное в ней Максом, способен утолить только он. Она упивалась мощью его прекрасного, залитого лунным светом тела и едва дождалась, когда он лег рядом и обнял ее. Его глаза светились такой любовью, что Каро зажмурилась. Он опустил на нее, сжал груди, легонько провел большими пальцами по соскам и поцеловал тугие вершинки.

Каро привычно выгнулась ему навстречу, и он стал возбуждать ее со всем чувственным искусством, которым обладал, лаская ее руками, ртом, всем своим упругим телом, и она, послушная его чарам, мгновенно воспламенилась.

– Пожалуйста, Макс, сейчас, – взмолилась она.

– Да, любимая, сейчас. Я хочу, чтобы ты приняла меня...

Она с радостью открылась ему, обвив рукам и ногами, чтобы притянуть ближе. Жарко, нежно глядя ей в глаза, Макс стал входить в нее. Радость охватила Каро, и эта же радость туманила голову Максу. Несколько секунд он довольствовался тем, что наблюдал, как прелестные глаза Каро наполняются желанием, как набухают нацелованные губы, но вскоре верх взяла потребность обладать.

Он лихорадочно стиснул ее бедра, отчаянно желая большего. Хриплые слова любви, похоти и воцеления горели на его губах, когда он почти грубо вонзился в нее. Они двигались в едином ритме и взорвались одновременно.

И очнулись далеко не сразу. Последние волны экстаза все еще ласкали Макса, сотрясали тело Каро, наслаждавшейся его тяжестью.

Наконец он отодвинулся и прижал к себе Каро. Она прильнула к нему, разметав по его груди спутанные волосы.

Его сердце все еще бешено билось. Тяжело дыша, он поднял голову к лунному небу. Их соитие было самым сладким, самым глубоким из тех, что были раньше. Может, сегодня они зачали своего ребенка?

Он крепче прижал ее к себе.

И пусть после сегодняшней ночи она не забеременеет. Все еще впереди. Они непременно создадут новую жизнь вместе. У них будет настоящая семья. И они отдадут любовь и

преданность своим отпрыскам. Ту любовь и преданность, в которой отказывали себе и дорогим им людям. Отныне они станут хранителями своих детей и друг друга.

– Ты ошибалась, любимая, – пробормотал он, лаская губами ее влажный висок. – На острове нет волшебства. Но его чары очень, очень реальны.

Он почувствовал, как раздвигаются в улыбке губы Каро, прижатые к его шее, услышал довольный шепот, говоривший о полном согласии, и тоже улыбнулся.